

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№ 7/2

2009

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой коммуни-
каций от 15 мая 2002 г.
Свидетельство о регистрации ПИ № 10-4711

Учредитель – Южный федеральный университет
Главный редактор – член-корр. РАО, д.биол.наук,
профессор Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г., выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2009 г ► № 7/2

Ответственный секретарь – Щербакова Л.В.
Компьютерная верстка – Кубеш И.В.

Редакционный совет

д.пед.наук, профессор Акопов Г.В.
д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.
д.пс.наук, профессор Богоявленская Д.Б.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.
д.пс.наук, профессор Дебольский М.Г.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.
д.пс.наук, профессор Зинченко В.П.
д.пс.наук, профессор Карпов А.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Климов Е.А.
д.пс.наук, профессор Леонтьев Н.И.
д.пс.наук, профессор Малофеев Н.Н.

д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
д.пс.наук, профессор Перелыгина Е.Б.
д.пс.наук, профессор Попов Л.М.
академик РАО, д.пед.наук, профессор Рубцов В.В.
член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Смирнов С.Д.
д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
канд.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.
д.пс.наук, профессор Шмелев А.Г.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Фельдштейн Д.И.

Редакционная коллегия

д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.
канд.пс.наук, профессор Васильева О.С.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.

д.пс.наук, профессор Рюмшина Л.И.
д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
д.пс.наук, профессор Скрипкина Т.П.
д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.

Адрес редакции:

344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 243.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@psyf.rsu.ru

Подписано в печать 22.06.09.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,40.
Заказ № 145/09. Тираж 1000 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM group.
ИП Лункина Н.В. Св-во № 002418081. г. Ростов-на-Дону, ул. Казахская, 35.
E-mail: dsmgroup@yandex.ru, dsmgroup@mail.ru

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Абакумова И.О., Сарычев Н.В.** Противостояние информационным угрозам в свете национальных интересов России 5
- Бакулин А.В.** Ценностно-смысловые барьеры как категория психолого-дидактического анализа 11

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Конторович С.Д.** Использование символических образов в политической рекламе 17
- Крет М.В.** Влияние мотивации достижения и стремления к успеху на динамику обучения взрослых иностранному языку. 23
- Тиводар А.Р.** Влияние гендерно-этнической принадлежности менеджера на представление о его личностных особенностях. 27
- Шкуратова И.П.** Оформление внешности как средство самовыражения личности 33

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Зинченко Е.В.** Диагностика эмоциональных и когнитивных особенностей личности с помощью рисуночных тестов 37
- Зинченко Е.В.** Использование арт-терапии в коррекции тревожности младших школьников 42
- Кадыкина Н.М.** Диагностика мотивационно-динамических особенностей личностной устойчивости и саморегуляции 47
- Пашкова А.П., Бюндюгова Т.В.** Ожидания и представления выпускников ВУЗов о планировании собственной карьеры (по материалам тренингов) 52
- Шкуратова И.П.** Речь как средство самовыражения личности 57

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ

- Дубовер Н.Д.** Эволюция концептуальных подходов к пропаганде здорового образа жизни в отечественных СМИ XX-начала XXI веков. 61
- Калачинская О.А., Васильева О.С.** Экзистенциальный подход в процессе реабилитации – необходимое условие для восстановления социального здоровья личности 66
- Короткова Е.В.** Психологическое здоровье женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение. 73

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ / ABSTRACT OF THE ISSUE IN ENGLISH 81

НАШИ АВТОРЫ. 88

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМ УГРОЗАМ В СВЕТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ

**Абакумова И.О.,
Сарычев Н.В.**

Информационная сфера России характеризуется активным развитием современных средств информационного обмена и различного типа компьютерных систем. Это создает условия для обеспечения информационной поддержки различных сфер национальной политики. Вместе с тем слабое внимание, уделяемое проблемам обеспечения информационной безопасности, что создает объективные условия для незаконного доступа к закрытой информации, ее хищению или разрушению. Особую опасность имеет возможность манипуляций различного рода информацией для негативного воздействия на процесс принятия политических решений, на формирование установок катастрофизации и интолерантности, особенно в молодежной среде.

Ключевые слова: стратегия развития информационного общества, правовое регулирование, информационная безопасность, информационные угрозы, информационная защищенность.

В настоящее время в Российской Федерации сформировались необходимые условия для перехода к информационному обществу. Это отмечается и в Стратегии развития информационного общества в России, одобренной на заседании Совета Безопасности Российской Федерации 25 июля 2007 г. (далее – Стратегия).

Стратегия является политическим документом и направлена на реализацию положений Окинавской хартии глобального информационного общества [4] и итоговых документов Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (Женева, 2003 г., Тунис, 2005 г.). В ней определены цели и принципы развития информационного общества в России, роль государства в данном процессе, предусмотрены основные мероприятия по достижению целей развития информационного общества в России.

Как отметил РФ В.В. Путин во время обсуждения проекта Стратегии, этот документ должен послужить основой подготовки конкретных программ, как в центре, так и на местах. Все используемые информационные технологии, включая электронную коммерцию, электронное правительство, информатизацию науки и образования, здравоохранения и т.д., рассматриваются сегодня как интегрированная, взаимосвязанная совокупность всей информационно-телекоммуникационной сферы и образуют фундамент для перехода к информационному обществу.

При этом особое внимание необходимо уделить вопросам информационной безопасности в самом

широком смысле этого слова. Ведь глобализация открывает для нас не только новые возможности, но и создает определенные риски, и мы должны быть готовы адекватно парировать такие потенциальные угрозы, как, например, кибертерроризм [7].

Наряду с возрастанием роли информации в жизни общества происходит изменение и переосмысление связанных с ней отношений и понятий, что получает отражение в правовом регулировании и, соответственно, в нормотворческой деятельности.

В настоящее время продолжается правовая реформа, активные законотворческие процессы не являются исключением и для информационного законодательства, а особенно такой его подотрасли, как законодательство в области обеспечения информационной безопасности.

Основной целью совершенствования нормативного правового обеспечения информационной безопасности является создание условий для ликвидации, предупреждения и пресечения проявлений угроз безопасности основных объектов национальных интересов в информационной сфере и минимизация последствий проявления этих угроз.

В законодательство Российской Федерации необходимо имплементировать прежде всего правовые нормы, устанавливающие ограничения вредного содержания информации, коммуникационных и информационных услуг в Интернете в соответствии с определенным набором признаков. Имеется положительный зарубежный опыт по законодательному регулированию функционирования системы жалоб

на содержание информации, использования инструментов условного доступа с помощью кодов, шифров и паролей, а также функционирования системы сотрудничества саморегулируемых организаций провайдеров и пользователей с правоохранительными органами. Несомненный интерес представляют предложения о создании международного органа при ООН, координирующего управление в Интернете (так называемой международной паутине) с учетом ее трансграничного характера.

Хотя ст. 10 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» предусмотрена обязательная идентификация обладателя информации или ее распространителя и запрещено распространение информации, за которую установлена административная и уголовная ответственность, однако правовой механизм реализации этой правовой нормы не разработан.

Очевидно, что информационное законодательство Российской Федерации не охватывает всего сложившегося многообразия отношений, связанных с пресечением деятельности противоправных интернет-сайтов.

Представляется, что в федеральном законодательстве должен быть определен правовой механизм признания вредного содержания информации в сети Интернет, установлены обязанности провайдеров по удалению информации экстремистского и террористического толка. Кроме того, не определены основания для прекращения права пользования доменными именами и отмены их регистрации, а также не предусмотрены меры по идентификации пользователей информационно-телекоммуникационных систем и созданию национального электронного пространства доверия, поскольку пока еще должным образом не реализуется Федеральный закон «Об электронной цифровой подписи». Важное значение уделяется вопросам пространства доверия, подтверждения подлинности электронных документов, создания федерального центра по обмену информацией.

В развитии информационного законодательства в России, несомненно, важной является разработка законопроектов по вопросам доступа к информации, особенно к информации о деятельности государственных органов, так называемой публичной информации. Решение этой проблемы необходимо в целях обеспечения прозрачности деятельности органов государственной власти, что является обязательным требованием по международным обязательствам, вытекающим из конвенций ООН и Совета Европы по борьбе с коррупцией. Однако рассмотренный в первом чтении Государственной Думой Федерального Собрания РФ проект Федерального закона «О доступе к информации о деятельности органов государственной власти и местного

самоуправления» еще весной 2007 г. до настоящего времени не принят.

Осуществление правосудия сегодня также нуждается в применении информационных технологий, подтверждении подлинности электронных судебных документов, и уже появилось правовое понятие «электронное обеспечение правосудия» [6]. Разработана Государственная автоматизированная система «Правосудие», и ведется работа по подготовке соответствующих процессуальных норм.

Во вступительном слове на заседании Совета Безопасности по вопросу развития информационного общества в России Президент России В.В. Путин отметил, что использование информационных технологий должно служить обязательным критерием эффективности работы ведомств, властей регионов и органов местного самоуправления. Для этого уже сейчас надо выработать объективные оценочные показатели развития и внедрения этих технологий [7].

Следует отметить, что в рамках административной реформы продолжается активная разработка административных регламентов, которые направлены как на повышение эффективности государственного управления, так и в значительной степени на совершенствование оказания гражданам публичных услуг.

Нельзя переоценить и значение для развития информационного законодательства принятой в 2006 г. части четвертой Гражданского кодекса РФ, направленной на защиту интеллектуальной собственности, которая вступила в силу с начала 2008 г.

Учитывая отмеченные современные тенденции в развитии правового регулирования в области обеспечения информационной безопасности, большой массив не всегда согласованных правовых актов, касающихся информационной сферы, и комплексный характер информационного законодательства в целом, а также необходимость имплементации международных правовых норм, представляется целесообразной разработка Основ законодательства Российской Федерации об обеспечении информационной безопасности. Принятие такого правового акта необходимо для развития и совершенствования соответствующего правового регулирования в субъектах РФ. На федеральном уровне также требуется разработка сводного кодифицированного законодательного акта, регулирующего правоотношения в информационной сфере и направленного на совершенствование законодательства в информационной сфере, законодательное закрепление единых основ правового регулирования отношений, возникающих при реализации различными субъектами права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации, осуществление деятельности по

формированию, хранению и использованию информационных ресурсов и систем, необходимых органам государственной власти и местного самоуправления в целях реализации их задач и функций.

Следует различать информационное противоборство (борьбу) в широком (во всех сферах) и узком смысле слова (в какой-либо сфере, например в политической).

Информационное противоборство (борьба) – форма борьбы сторон, представляющая собой использование специальных (политических, экономических, дипломатических, военных и иных) методов, способов и средств для воздействия на информационную среду противостоящей стороны и защиты собственной в интересах достижения поставленных целей.

Основные сферы ведения информационного противоборства:

- политическая,
- дипломатическая,
- финансово-экономическая,
- военная,
- космическая.

Следует выделить два вида информационного противоборства (борьбы): информационно-техническое и информационно-психологическое.

При информационно-техническом противоборстве главные объекты воздействия и защиты – информационно-технические системы: системы передачи данных (СПД), системы защиты информации (СЗИ) и так далее.

При информационно-психологическом противоборстве главными объектами воздействия и защиты являются:

1. Система принятия политических и экономических решений.
2. Система формирования общественного сознания.
3. Система формирования общественного мнения.
4. Психика политической элиты и населения противостоящих сторон.

Информационное противоборство включает три составные части.

Первая – стратегический анализ, вторая – информационное воздействие, третья – информационное противодействие.

России следует незамедлительно рассмотреть возможность создания специального организационно-управленческого и информационно-аналитического механизма (инструмента), который сможет выполнять организационно-управленческие и информационно-аналитические функции по разработке и проведению информационных операций (оборонительных и наступательных).

Назрела необходимость создания в России системы информационного противоборства, частью которой должна стать внешнеполитическая пропаганда России. Для того, чтобы выигрывать информационные войны, необходимо создать специальные организационно-управленческие и аналитические структуры для противодействия информационной агрессии против нашей страны.

Так, после начала грузинской агрессии 8 августа 2008 года президент России Д.А. Медведев, прервав отпуск, принимает решение: военной силой прекратить геноцид осетинского народа и принудить грузинское руководство к миру. Для Саакашвили и его заокеанских покровителей действия России стали полной неожиданностью. Ожидали дипломатических заявлений, а в ответ на агрессию против Южной Осетии и убийство российских миротворцев регулярные российские воинские части с тяжелой боевой техникой: танками, гаубицами, системами залпового огня, авиацией – перешли Рокский перевал. Российские войска вошли не только в Южную Осетию, народ которой в августе 2008 года подвергся огню на уничтожение со стороны грузинских войск, действовавших поистине с жестокостью фашистов, но и в Абхазию, чтобы предотвратить возможность повторения югоосетинской трагедии.

После наказания агрессора в соответствии с нормами международного права, непрерывно нарастает информационное давление на нашу страну, которая защитила осетинский народ от уничтожения. По сути, в августе 2008 года против России была развернута грязная информационная война. Активное участие в ней принимали, прежде всего, американские и британские СМИ. В материалах CNN, Би-би-си и ряда других СМИ доминировали антироссийские материалы. В США, Великобритании и некоторых других странах усилились попытки негативного формирования образа России.

Агрессивная антироссийская пропаганда пытается навязать мировому сообществу отрицательные информационные клише о России. К сожалению, «пятидневная августовская война» на Кавказе показала нашу несостоятельность в отстаивании своих целей и интересов в мировом информационном пространстве.

Поэтому России в ближайшее время нужно сформулировать и дать адекватный информационный ответ, в первую очередь на европейском и постсоветском пространстве. Прошедшее после «пятидневной августовской войны» на Кавказе время показало, что пока российская политическая элита пытается сделать соответствующие выводы после информационной агрессии США, Великобритании и ряда других стран против России. Прошло несколько публичных мероприятий с участием ведущих

российских экспертов, на которых анализировался ход информационной войны против России (17 сентября 2008 года – организованный Общественной палатой «круглый стол» «Информационная агрессия против России: методы противостояния», 2 октября 2008 года – организованная партией «Справедливая Россия» Международная конференция «Информационные войны в современном мире»).

Главная проблема, которая была очевидной в ходе дискуссий, – это явная недооценка роли информационного противоборства современной российской политической элитой в условиях усиления глобальной экономической и геополитической конкуренции в мире.

После принуждения Грузии и ее заокеанских покровителей к миру геополитическая и геоэкономическая роль России в мире во многом будет определяться тем, сможет ли она создать эффективную систему информационного противоборства. Время требует одновременного создания мощных информационно-аналитических и информационно-пропагандистских структур, предназначенных для реализации информационных моделей урегулирования конфликтов [5].

России необходимо восстановить свой потенциал механизма внешнеполитической пропаганды, который был основательно разрушен в 90-е годы. В этой сфере, как и в сфере ядерных вооружений, к сожалению, произошло одностороннее информационное разоружение. К концу 90-х годов прошлого века, например, на всем африканском континенте не осталось ни одного российского корреспондентского пункта, ни одного представительства отечественных информационных агентств. Сегодня эту «информационную нишу», которую мы покинули после распада СССР, активно заполняет Китай.

Впрочем, отрадно, что провал 90-х годов был осознан российским руководством. С приходом к власти президента В.В. Путина началось постепенное уверенное восстановление утраченных позиций. Ключевым шагом в этом направлении является создание в 2006 году спутникового телеканала Russia Today. Напомним, что ведущий западный новостной канал CNN был создан в 1980 году. В СССР выделялись огромные деньги на строительство и развитие ракетно-ядерных сил. Однако денег на создание советского спутникового телеканала не нашлось.

Советская политическая элита недооценивала фактор информации. А CNN наращивал свое влияние. Как сказал один американский генерал в 1991 году, во время операции «Буря в пустыне», пока CNN не скажет, что мы выиграли войну, мы ее не выиграли. И это соответствует действительности. Многие сюжеты «победных» действий американских войск были сняты совсем не на поле сражений, а в штате Невада силами

специалистов Голливуда, который великолепно умеет имитировать ведение боевых действий. Вспомним хотя бы известный случай с освобождением рядовой Джессики Линч уже во время второй иракской войны в 2003 году. Этот эпизод являлся пропагандистской акцией Пентагона и репетировался заранее, что еще раз демонстрирует всю мощь информационного оружия.

Таким образом, 26 лет отделяют нас от CNN, за годы нашей «информационной спячки» нашли свои ниши Би-би-си и Foxnews, глобальными каналами стали Al Jazeera и Euronews.

Информационная сфера России характеризуется активным развитием современных средств информационного обмена и различного типа компьютерных систем. Это создает условия для обеспечения информационной поддержки деятельности аппарата управления на всех уровнях и во всех ветвях власти.

Вместе с тем слабое внимание, уделяемое проблемам обеспечения информационной безопасности, создает объективные условия для незаконного доступа к закрытой информации, ее хищения или разрушения. Особую опасность имеет возможность манипуляций различного рода информацией для негативного воздействия на процесс принятия политических решений [2].

В перечне видов угроз информационной безопасности, обозначенных в Доктрине, стоит обратить особое внимание на:

- вытеснение российских информационных агентств, средств массовой информации с внутреннего информационного рынка и усиление зависимости духовной, экономической и политической сфер общественной жизни России от зарубежных информационных структур;
- манипулирование информацией (дезинформация, сокрытие или искажение информации) [1].

Основными целями защиты от информационно-психологических угроз для России являются:

1. Защита от разрушительных информационно-психологических воздействий среды общества, психики населения, социальных групп граждан.
2. Противодействие попыткам манипулирования процессами восприятия информации населением со стороны враждебных России политических сил, проводимых с целью ослабления обороноспособности государства.
3. Отстаивание национальных интересов, целей и ценностей России в информационном пространстве (глобальном, национальном, региональном, субрегиональном, стран СНГ).
4. Постоянное отслеживание отношений российского общества к важнейшим проблемам национальной безопасности (диагностика общественного мнения, психологического состояния нации).

Ведущие страны мира в настоящее время полагают мощным потенциалом информационного противоборства (прежде всего, США, Китай, Израиль, Франция, Великобритания, Германия), который может обеспечить им достижение политических и экономических целей, тем более что отсутствуют международные юридические нормы ведения информационной борьбы.

Для защиты от негативных воздействий социальных объектов в ходе глобальной геополитической информационной борьбы, необходимо создание системы информационно-психологического обеспечения как составной части национальной безопасности России. Данная система должна обеспечить защиту психики политической элиты и населения России от негативного информационно-психологического воздействия (т.е. защите сознания россиян от негативных информационных потоков геополитических противников России). Ее основная задача – обеспечение психологической безопасности политической элиты и населения России.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации определены следующие основные источники внутренних угроз информационной безопасности.

К внутренним источникам относятся:

- критическое состояние отечественных отраслей промышленности;
- неблагоприятная криминогенная обстановка, сопровождающаяся тенденциями сращивания государственных и криминальных структур в информационной сфере, получения криминальными структурами доступа к конфиденциальной информации, усиления влияния организованной преступности на жизнь общества, снижения степени защищенности законных интересов граждан, общества и государства в информационной сфере;
- недостаточная координация деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации по формированию и реализации единой государственной политики в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации;
- недостаточная разработанность нормативной правовой базы, регулирующей отношения в информационной сфере, а также недостаточная правоприменительная практика;
- неразвитость институтов гражданского общества и недостаточный государственный контроль за развитием информационного рынка России;
- недостаточное финансирование мероприятий по обеспечению информационной безопасности Российской Федерации;

- недостаточная экономическая мощь государства;
- снижение эффективности системы образования и воспитания, недостаточное количество квалифицированных кадров в области обеспечения информационной безопасности;
- недостаточная активность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации в информировании общества о своей деятельности, в разъяснении принимаемых решений, в формировании открытых государственных ресурсов и развитии системы доступа к ним граждан;
- отставание России от ведущих стран мира по уровню информатизации федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, кредитно – финансовой сферы, промышленности, сельского хозяйства, образования, здравоохранения, сферы услуг и быта граждан.

Наибольшую опасность в сфере внутренней политики представляют следующие угрозы информационной безопасности Российской Федерации:

- нарушение конституционных прав и свобод граждан, реализуемых в информационной сфере;
- недостаточное правовое регулирование отношений в области прав различных политических сил на использование средств массовой информации для пропаганды своих идей;
- распространение дезинформации о политике Российской Федерации, деятельности федеральных органов государственной власти, событиях, происходящих в стране и за рубежом;
- деятельность общественных объединений, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной вражды, на распространение этих идей в средствах массовой информации.

Из внутренних угроз информационной безопасности Российской Федерации в сфере внешней политики наибольшую опасность представляют:

- информационно-пропагандистская деятельность политических сил, общественных объединений, средств массовой информации и отдельных лиц, искажающая стратегию и тактику внешнеполитической деятельности Российской Федерации;
- недостаточная информированность населения о внешнеполитической деятельности Российской Федерации.

Из внешних угроз информационной безопасности Российской Федерации в сфере внешней политики наибольшую опасность представляют:

- информационное воздействие иностранных политических, экономических, военных и информационных структур на разработку и реализацию стратегии внешней политики Российской Федерации;
- распространение за рубежом дезинформации о внешней политике Российской Федерации;
- нарушение прав российских граждан и юридических лиц в информационной сфере за рубежом;
- попытки несанкционированного доступа к информации и воздействия на информационные ресурсы, информационную инфраструктуру федеральных органов исполнительной власти, реализующих внешнюю политику Российской Федерации, российских представительств и организаций за рубежом, представительств Российской Федерации при международных организациях [1].

На основе национальных интересов РФ в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности.

Выделяются четыре основные составляющие национальных интересов РФ в информационной сфере.

Первая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя соблюдение конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею, обеспечение духовного обновления России, сохранение и укрепление нравственных ценностей общества, традиций патриотизма и гуманизма, культурного и научного потенциала страны.

Вторая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя информационное обеспечение государственной политики РФ, связанное с доведением до российской и международной общественности достоверной информации о государственной политике РФ, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни, с обеспечением доступа граждан к открытым государственным информационным ресурсам.

Третья составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя развитие современных информационных технологий, отечественной индустрии информации, в том числе

индустрии средств информатизации, телекоммуникации и связи, обеспечение потребностей внутреннего рынка ее продукцией и выход этой продукции на мировой рынок, а также обеспечение накопления, сохранности и эффективного использования отечественных информационных ресурсов. В современных условиях только на этой основе можно решать проблемы создания наукоемких технологий, технологического перевооружения промышленности, приумножения достижений отечественной науки и техники. Россия должна занять достойное место среди мировых лидеров микроэлектронной и компьютерной промышленности.

Четвертая составляющая национальных интересов РФ в информационной сфере включает в себя защиту информационных ресурсов от несанкционированного доступа, обеспечение безопасности информационных и телекоммуникационных систем, как уже развернутых, так и создаваемых на территории России [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации 09.09.2000 г. № Пр-1895 // Российская газета. 2000. № 187.
2. Кирьянов А.Ю. Сущность информационного аспекта национальной безопасности Российской Федерации // Международное публичное и частное право. – 2005. № 3. – С. 42.
3. Ковалева Н.Н. Информационное право России: учебное пособие. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. – С. 234.
4. Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 5156.
5. Панарин И. Информационные войны реальный фактор геополитики. Системы информационного противоборства // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1224016740>
6. Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2006 г. № 583 «О Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2007-2011 годы» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 41. Ст. 4248.
7. Стратегия развития информационного общества в России // Информационное право. 2007. № 3(10). С. 35.

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ БАРЬЕРЫ КАК КАТЕГОРИЯ ПСИХОЛОГО-ДИДАКТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Бакулин А.В.

Для понимания тех затруднений, которые возникают в учебном процессе в связи с проблемами инициации смыслообразования учащихся необходимо осмыслить так называемые ценностно-смысловые барьеры и показать их качественное отличие от смысловых и познавательных барьеров, понимание которых уже представлено в психолого-педагогических науках. Попытка такого осмысления представлена в данной статье.

Ключевые слова: *личностно-центрированное обучение, смыслообразование в учебном процессе, учебные затруднения, психологические барьеры, познавательные барьеры, смысловые барьеры, ценностно-смысловые барьеры.*

Перед педагогической наукой и практикой в качестве задачи образовательного процесса встает проблема выявления эффективных методов и технологий педагогического стимулирования потенциальных возможностей учащихся, адекватных цели развития человека нового поколения, ориентированного на ценности гражданского общества. Образовательная среда должна стать пространством, иницирующим личностное развитие ученика, побуждающей утверждать свою «самость», возможность выстраивать собственную систему отношений с миром и окружающими, способствуя творческому и интеллектуальному саморазвитию, особенностям интегральной самоорганизации, смысло-жизненной концепции личности. Затруднения в учебном процессе, возникающие у учащихся в психолого-педагогической науке называют барьерами.

Проблема барьеров, как индивидуально психологических затруднений человека в различных жизненных контекстах, привлекает внимание педагогов и психологов. Изучению барьеров в коммуникационной сфере (сфере общения) посвящены работы Л.И. Божович, Е.В. Руденского. В ряде работ выделяются такие барьеры, как «барьер темперамента», «барьер акцентуации характера», «барьер манеры общения», «барьер отрицательных эмоций» (страдания, гнева, отвращения, страха, стыда и вины), «барьер неправильной установки сознания» (стереотип, предвзятость, отсутствие интереса, пренебрежение фактами), «барьер речи», «физические барьеры», «социально-ролевые барьеры», «информационно-познавательные барьеры», «социально-психологические барьеры», «организационно-психологические барьеры», которые становятся препятствием во взаимодействии

человека с окружающими.

Проблема затруднений, или «барьеров» общения в учебном процессе, в качестве объекта специального исследования изучалась в работах (И.А. Зимней, Ю.В. Касаткиной, А.А. Климова, Н.В. Ключевой, А.А. Коломенского, Е.С. Кузьминой, Б.Д. Парыгина, Л.А. Поварницыной, В.В. Рыжова, Е.Б. Цукановой).

Барьеры в познавательной деятельности как препятствие в творческом поиске исследовались Б.М. Кедровым [4]. Барьеры как детерминирующие факторы динамизации деятельности на разных ее этапах изучались в работах Р.Х. Шакурова и его учеников. При этом выделялись такие виды барьеров, как ценностно-ориентационный барьер, барьер неопределенности, предметно-преобразовательный барьер и барьер дефицита информации о полученном результате. Одно из первых исследований познавательных барьеров в контексте теории личностно-центрированного обучения было реализовано в связи с исследованиями самореализации учащихся (Канаева Б.И. Канаева Д.Б., 2001) как фактор субъективного затруднения в этом процессе. Особый раздел исследования барьеров – связан с возрастными особенностями, в частности с барьерами в ценностно-смысловых предпочтениях.

Сензитивным периодом для формирования ценностного отношения к познаваемому в учебном процессе как основе мировоззрения личности является старший школьный возраст в силу присущего ему ценностного самоопределения. Психологические возможности данного возраста позволяют старшекласснику сделать реальный осознанный выбор своей жизненной позиции. «Источниками смыслов, определяющими, что для человека значимо, а что нет, и почему, какое место те или иные объекты или

явления занимают в его жизни, являются потребности и личностные ценности человека. И те и другие занимают одно и то же место в структуре мотивации человека и в структуре порождения смыслов: смысл для человека приобретают те объекты, явления или действия, которые имеют отношение к реализации каких-либо его потребностей или личностных ценностей. Эти смыслы индивидуальны, что вытекает не только из несовпадения потребностей и ценностей разных людей, но и из своеобразия путей их реализации» [6, с. 38]. Однако педагогическая практика свидетельствует, что в учебном процессе ценностно-смысловые барьеры как субъективные затруднения в процессе смыслообразования, возникают достаточно часто (особенно у старшеклассников), при этом, в современной дидактической науке фактически отсутствуют исследования, связанные с выявлением и описанием их механизмов, функций, типологии и способов преодоления. Это и определило проблему настоящего исследования как необходимость теоретического и экспериментального исследования затруднений учащихся в процессе смыслообразования.

В настоящее время в педагогике и педагогической психологии барьеры (в педагогической литературе зачастую называемые затруднениями) рассматриваются с разных позиций и подходов (Н.В. Кузьмина, А.Н. Леонтьев, А.К. Маркова, В.А. Кан-Калик, А.В. Коржув, А.И. Пилипенко, Н.А. Подымов, Л.А. Поварницына и др.).

Наиболее распространенной является следующая типология.

1. Барьер учебной установки, при которой ученик включается в познавательную деятельность без эмоционального переживания материала, ориентируясь только на его оперативное запоминание и воспроизведение либо ради мотива долженствования, либо ради оценки. Такое формальное усвоение информации, лишённое личностного смысла, глубины, приводит к быстрому забыванию материала.

2. Барьер авторитарности, при котором учитель эмоционально сковывает ученика безапелляционной подачей материала. В ситуации «интеллектуальной интервенции» чувства ученика подавлены, он интеллектуально пассивен, по сути, отчужден от активного участия в познавательном процессе.

3. Барьер дидактогенного воздействия возникает у учащихся при контактах с учителем, склонным к конфликтному стилю общения, насмешкам, нотациям, замечаниям, не умеющим управлять своим состоянием, скрывать раздражение. У учащихся возникает состояние повышенной школьной тревожности, которое может перейти в так называемые школьные неврозы: стойкий страх перед учителем, учебной ситуацией, школой в целом. Очевидно, что

такое эмоциональное угнетение практически блокирует познавательные процессы.

4. Барьер эмоциональной невосприимчивости встречается у некоторых школьников с низкой эмоциональной культурой, не обладающих богатством переживаний, с плоским, примитивным восприятием красок мира, неразвитым воображением. Таким учащимся трудно «схватить» учебный материал во всей сложности его многоцветья и смысловых оттенков, сопереживать учителю.

5. Барьер эмоциональной памяти заключается в наслаивании предшествующих эмоциональных состояний на текущий эмоциональный настрой учащихся на уроке. Так, хорошо известно возбужденное состояние детей после урока физкультуры, экскурсии и т.д. Неприятные переживания в семье ученик приносит на урок, эмоциональная перестройка запаздывает, происходит отключение от восприятия материала.

6. Барьер перегрузки учащихся хорошо известен каждому учителю. Большое количество уроков, трудных предметов, монотонность интеллектуального труда, дефицит движения и разрядки, в дополнение ко всему плохое питание – все это приводит к переутомлению детей. Плохое психофизическое состояние детей вызывает быстрое психическое истощение детей, что в свою очередь ведет к рассеянности, апатии, равнодушию учащихся на уроке.

В нашем исследовании содержание, структурные компоненты и функции различных видов барьеров в учении мы рассматриваем с точки зрения личностно-центрированного и деятельностного подходов. В отечественной науке в контексте деятельностного подхода барьер рассматривается как «критическая точка», препятствующая дальнейшему движению деятельности, вызывающая определённые эмоциональные переживания и стимулирующая возникновение психической активности по его преодолению. Барьеры, таким образом, являются фактором, стимулирующим или разрушающим деятельность. Отметим, что барьеры являются субъективным образованием, которые проявляются в переживании субъектом некоторой сложности, необычности, нестандартности и противоречивости ситуации. Применительно к деятельности человека, барьер представляет собой отраженное в сознании человека внутреннее препятствие, выражающееся в нарушении смыслового соответствия сознания и объективных условий и способов деятельности (Н.А. Подымов). В общепсихологической интерпретации затруднений выделяют смысловые, эмоциональные, когнитивные и операциональные барьеры. С точки зрения деятельностного подхода выделяют мотивационные и операционные барьеры, проявляющиеся в когнитивной, аффективной и поведенческой сферах (Л.А. Поварницына).

В процессе исследования барьеров как познавательных затруднений, затруднений в общении с окружающими, затруднений в учебной деятельности в настоящий период наблюдается очевидный дефицит исследований связанных с ценностно-смысловыми барьерами как субъективным препятствием в раскрытии, «раскристаллизации» смысла, заключенного в познаваемом для познающего. Что именно мешает раскрывать личностный смысл учебного содержания? Этот вопрос во многом еще является не осмысленным в современной психолого-педагогической науке.

Если коммуникативный барьер напрямую связан с теми трудностями, которые возникают у личности, прежде всего, при планировании и организации ею актуального акта общения, то смысловой барьер связан с взаимонепониманием между людьми, так как для них одно и то же событие или явление имеет различный смысл. При этом, как правило, значение, например, слов просьбы или приказа понятно обеим общающимся сторонам, но несовпадение смыслов приводит к разрушению взаимодействия, обуславливает непродуктивность контакта, закладывает основы возможного межличностного конфликта. Практически невозможно назвать ту сферу взаимодействия людей, которая была бы гарантирована от смысловых барьеров. В то же время наиболее часто смысловые барьеры возникают в ходе взаимодействия детей и взрослых, а также в отношениях в системах «руководитель – подчиненный» и «подчиненный – руководитель». Понятно, что смысловое недопонимание принимает особо острые формы и приводит к особенно болезненным последствиям в обстоятельствах кардинальной смены социальных ориентиров в социуме, деформации ценностной системы общества.

Классическим примером психологического барьера является ситуация, в которой потенциальные субъекты взаимодействия в буквальном смысле говорят на разных языках в отсутствии переводчика. На практике подобные барьеры чаще всего имеют место при прохождении той или иной информации через многочисленные передаточные звенья в так называемых коммуникационных сетях организаций. Это может носить характер фильтрации, либо блокирования информации. Под фильтрацией понимается сознательное либо неосознанное искажение входящего сообщения передаточной инстанцией. Это явление достаточно подробно исследовалось в психологии управления и коммуникативной организации совместной продуктивной деятельности. Классическое исследование фильтрации послания в коммуникативных сетях организации построено по иерархическому принципу, было проведено в 60-е гг. XX века американским психологом

Р. Николсом. Его результаты показали, что «...около 80% информации, содержащейся в послании, терялось к тому моменту, когда оно доходило от тех, кто занимал высшие посты в организационной иерархии, до отдельных работников среднего звена» [5, с.300]. Аналогичные искажения происходят и при прохождении информации «снизу вверх». Блокирование означает полное перекрытие коммуникативного канала. Примером может служить «синдром гонца, доставившего дурные вести», когда руководству не докладывается информация негативного характера, дабы избежать «снятия голов». Количество коммуникативных барьеров в организации, как правило прямо пропорционально и является показателем степени ее бюрократизации [5].

В гуманитарных науках, в том числе и в педагогике смысловые барьеры рассматриваются как несовпадение смысла высказываний, требований, просьб, приказов для партнеров в общении, создающих препятствия для их взаимопонимания и взаимодействия.

Чаще всего они возникают:

1) когда ребенок не понимает смысла предъявляемых ему требований;

2) когда требование в устах родителей или педагогов не является для ребенка авторитетным.

В психологии развития выделены и описаны типы смысловых барьеров в общении между родителями и подростками, которые рассматриваются как затруднения во взаимопонимании и взаимопринятии друг друга.

1. Барьер темперамента. Проявляется в том, что родители порой не учитывают тип темперамента как подростка, так и свой.

2. Барьер отрицательных эмоций. Родители проявляют устойчивую тенденцию к негативным эмоциям, не чувствуя при этом эмоционального состояния подростка. Этот барьер рождает замкнутость, отгороженность и низкую самооценку у детей.

3. Барьер страдания. Проявляется в тех семьях, где родителям свойственно постоянное высказывание детям о трудностях их воспитания. Родителям чужда чужая радость, они не разделяют ее – они возмущаются ей.

4. Барьер гнева. Имеет двусторонний характер протекания:

1) со стороны родителей он выражается в том, что ребенок видит своих маму и папу только в гнев;

2) гнев у ребенка возникает при условии, когда его отрывают от любимого занятия, когда его незаслуженно оскорбляют, когда демонстрации гнева родителей протекают в агрессивных поступках и действиях.

5. Барьер брезгливости и стыда имеет в своем проявлении два аспекта:

1) со стороны ребенка он возникает вследствие его нежелания общаться с родителями, которые негигиеничны;

2) родители имеют брезгливость по отношению к ребенку, который имеет физические недостатки.

6. Барьер презрения. У детей появляется чувство стыда за то, что родитель «не соответствует его уровню».

Эта интерпретация фиксирует определенные деформации во взаимоотношениях с окружающими и безусловно по содержанию является скорее социально-психологической, а не дидактической типологией.

Однако, данные интерпретации и классификация интерпретируют понятие «смысла» скорее в семантической нежели психолого-педагогической традиции. В контексте современной теории смысла, когда смысл понимается как иницирующее мыслительное начало, как искра пристрастности человеческого познания, появляется необходимость описания барьеров в учебном познании как ценностно-смысловых, препятствующих раскрытию личностных смыслов, рефлексии смысловых установок, формированию смыслообразующей мотивации.

Несомненно важными для нашей тематики являются исследования В.В. Знакова, вводящего в психологию и педагогику новую трактовку категории «знание» и рассматривающего явление понимания «как предмет познания и как способ бытия человека в мире». Развивая ранее выдвинутую идею О.К. Тихомирова о значении операциональных смыслов для избирательности и целенаправленности мыслительного поиска, он приходит к выводу, что «данных о том, как развитие и взаимодействие операциональных смысловых образований приводит к формированию понимания испытуемым промежуточных и конечных результатов мыслительного поиска, в психологической литературе пока почти нет». Раскрыть эти психологические механизмы возможно лишь в процессе осмысления отраженной в знании реальности у субъекта возникает смысл последней, т.е. познавательное отношение к содержанию понимаемого фрагмента действительности. «Очевидно, что теория мышления может называться смысловой только в том случае, если смыслообразование и понимание рассматриваются ее сторонниками в качестве важнейших составляющих мыслительной деятельности человека» (В.В. Знаков).

Для понимания тех затруднений, которые возникают в учебном процессе в связи с проблемами инициации смыслообразования учащихся необходимо по-новому осмыслить так называемые ценностно-смысловые барьеры и показать их качественное отличие от смысловых барьеров.

С точки зрения смыслового подхода к личности именно смысловые структуры и процессы

рассматриваются как субъективно превращенные формы существования жизненных отношений в человеческой психике. Отличие смысловых структур личности от всех других субъективных репрезентаций жизненного пути в том, что смысловые структуры фиксируют отношения субъекта к объектам и явлениям жизни, а остальные модальности психического отражения – запечатлевают объективно существующие отношения между этими объектами и явлениями. Ввиду данного различия именно смысловые структуры образуют идеальный план личной жизни, который и делает личность ее субъектом. Субъективные репрезентации жизненного пути не смысловой природы функционально усиливают регуляторные возможности личности, ориентируя ее в объективных связях явлений личной жизни. Личность вбирает в себя и интегрирует различные механизмы регуляции деятельности и жизни в целом, среди которых неизменно присутствуют логика удовлетворения потребностей, логика реагирования на стимул, логика предрасположенности, логика социальной нормативности, логика смысла или жизненной необходимости и, наконец, логика свободного выбора как раз через преодоление ценностно-смысловых барьеров.

В исследовании проводилась сравнительная диагностика особенностей развития смысловой сферы учащихся контрольных групп (в которых дидактическая система по преодолению ценностно-смысловых барьеров в учебном процессе не использовалась) и тех учащихся, которые посещали экспериментальные группы (в которых дидактическая система по преодолению ценностно-смысловых барьеров в учебном процессе использовалась). В процессе сравнительного анализа характеристик умственного развития школьников на заключительном этапе эксперимента было выявлено, что значимые различия выявлены по следующим параметрам: оригинальность мышления, гибкость мышления, способность к категоризации и классификации. Это проявляется в стремлении учащихся выдвигать новые, неожиданные идеи, отличающиеся от общепринятых и стереотипных. Ярко выражено в характере и тематике самостоятельных рисунков, сочинений, конструировании. При структурировании новой информации (в самых разных видах деятельности), хорошо объединяют разнородную информацию в обобщенные классы, группы, новые категории.

В результате теоретического анализа и диагностической работы были выделены и интерпретированы следующие виды ценностно-смысловых барьеров:

1. Барьер самоотношения. Этот барьер проявляется в затрудненной смысловой актуализации направленного желания соотносить внешний объект деятельности с внутренней потребностью познающего

субъекта. Развитие личностно-смысловой сферы ученика обуславливает стремление заниматься определенным родом деятельностью, постоянное возвращение к определенной проблематике. Подобно тому, что человек мыслит модельно и его личностное восприятие мира осуществляется модельно, к внутренним личностным структурам он «примеряет» факты реальной действительности, соотнося их с самим собой. Эту особенность смысловой сферы можно еще представить как субъективную сложность в реализации потребности одного человека раскрыть внутреннее содержание другого или других, если речь идет о групповом общении, и попробовать соотносить свою смысловую реальность со смысловым полем других людей («как он это себе представляет...», «он так поступает, потому что...» – по английской поговорке «каждому хочется походить в чужих ботинках»). Если эта особенность выражена сильно, т.е. барьер преодолен, то в процессе познания все время присутствует желание познающего выразить познаваемое через свои индивидуализированные смыслы, присутствует принятие и понимание себя, если слабо, то обучающийся не проявляет «пристрастности» в созданной учебной ситуации, его смысловые образования не задействованы, «отчуждены». Развитая субъективность является основанием для активного развития интроспективных способностей человека, устойчивой, адекватной самооценки.

2. Барьер ценностно-смысловой экстраполяции – невозможность субъективного переноса смыслового содержания одной ситуации в другие условия. Чем выше уровень развития смысловой сферы, тем дальше может быть осуществлен смысловой перенос. Жизненная необходимость, логика взаимоотношений с миром предполагает, что обучаемый в процессе развития идет от ближнего переноса смысла (в рамках одной ситуации) к среднему (сходные или подобные ситуации) и дальнему переносу, когда смысл, раскрывшийся в одной ситуации, определяет характер смыслопорождения, в совершенно другой. Чем выше уровень развития смысловой сферы, тем большая вероятность распространения смыслов на самые несмежные области (если человек увлечен какой-то идеей, то пульсирующая мысль как бы притягивает к себе даже самую удаленную информацию; чтобы ты ни читал, чтобы ни смотрел, все преломляется через ведущий смысл). Эту особенность можно также рассматривать как характеристику динамичности и гибкости смысла.

3. Барьер глубины личностного отношения. Определяется степенью зрелости смысловой системы (смысложизненной концепции как совокупности высших смыслов) – особым образом организованной целостной многоуровневой системы, включающей в себя целый ряд смысловых структур. Глубина

определяется «сверху вниз», наличие у человека устойчивых смысловых структур – свидетельство большей глубины смысловой сферы, преобладание ситуативных смыслов – показатель малой глубины смысловой сферы. Глубина личностного отношения субъекта определяется уровнем смысловой самоактуализации (возможность осознавать реальные, ведущие мотивы), выводящей на ценности самоактуализирующейся личности, к числу которых А. Маслоу относил истину, доброту, целостность, отсутствие раздвоенности, справедливость, самодостаточность. Предпочтение этих ценностей указывает на стремление к гармонии с самим собой и здоровым отношениям с окружающими людьми.

4. Барьер ценностно-смысловая эмпатии. Составная часть общей эмпатической способности человека, проявляющаяся в принятии смысловой сферы другого человека, в понимании уровня значимости для другого выражения себя в процессе раскрытия индивидуализированного смысла. Подобно тому, как эмоциональная сфера в эмпатическом процессе может не совпадать между субъектами общения (или совместного познания, или взаимопознания), т.к. один человек понимая и принимая позицию другого, отнюдь не обязан испытывать те же чувства и переживания и полностью разделять позицию другого, в отношении к определенной ситуации, так и в смысловом ракурсе, эмпатия предполагает, принятие смысловой оценки не подразумевает смысловой идентичности.

5. Барьер ценностно-смысловой идентичности. В отличие от смысловой эмпатии, как раз и подразумевает отождествление, уподобление индивидуализированного смысла с тем смыслом, который раскрывается в процессе познания или общения, идентификация может быть ближней – принятие смысла другого как сходное своему («он думает так же, как я»), средней – с социализированными смыслами микрогруппы («у них такие же ценности, как у меня»), дальней – с высшими смыслами, «откристаллизованными» обществом, как общечеловеческие ценности и запечатленные в произведениях искусства (Человек, говорящий о себе: «Я поэт», явно предполагает определенный способ раскрытия смыслов окружающего мира).

6. Барьер ценностно-смысловой презентации – это сложности в раскрытии своего смысла для другого. Чаще всего этот барьер зависит от уровня развития вербализации смысла, однако в данном исследовании под презентацией (смыслораскрытием), мы понимали не только возможности учащихся рассказать об особенностях своей пристрастности к чему-либо («мне это нравится, потому что...», «мне этого хочется узнать, т.к. ...» и т.д.), но и как возможность выразить свои смысловые особенности через

другие знаковые и образные системы (рисунки, схемы и т.д.) как способ выражения себя для других.

Выделенные и описанные виды барьеров позволили сформировать диагностическую программу выявления наиболее часто встречающихся в учебном процессе ценностно-смысловых барьеров как субъективных препятствий смыслообразования учащихся и разработать методические рекомендации для педагогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова И.В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе (Психолого-дидактический подход). Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003.
2. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Психология личности: Сборник статей / Сост. А.Б. Орлов. М.: Вопросы психологии, 2001. – С. 62 – 93.
3. Василюк Ф.Е. Психология переживания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.
4. Кедров Б.В. О творчестве в науке. – М.: Смысл, 2002. – 462 с.
5. Креггер О., Тьюсон М. Типы людей. М., 1995. С. 300
6. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2000.
7. Леонтьев Д.А. Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 156–177.
8. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
9. Леонтьев Д.А., Пилипко Н.В. Выбор как деятельность: личностные детерминанты и возможности формирования // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 97–111.
10. Мазурина Е.Г. Социальная психология. – М.: Прогресс, 1990. – 366 с.
11. Мараховская Н.В. Проблемы дистанционного обучения: аспект психолого-познавательных барьеров. – Брянск: БГТУ, 2001. – 126 с.
12. Пилипенко А.И. Феномен психолого-познавательных барьеров в обучении: опыт теоретического исследования. – Курск: КГТУ, 1995. – 103 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Конторович С.Д.

В статье рассматривается место, роль и способы использования символов в политической рекламе. Освещаются такие вопросы как специфика политической рекламы по отношению к коммерческой, структура политической рекламы, ее рассмотрение как формы психологического воздействия и нацеленность на внушение устойчивых смыслов на уровне бессознательного. Рассматриваются трактовки понятия «символ» различными авторами, варианты классификации политических символов и их функции в политической рекламе. Также внимание уделяется раскрытию понятий «символ» и «архетип» в концепции К.Г. Юнга и специфике визуального дискурса телевидения.

Ключевые слова: политическая реклама, политические символы, психологическое воздействие, бессознательное.

Проблема властных отношений всегда занимала умы мыслителей самых различных направлений общественных наук. Там, где имеет место совместное проживание людей, носящее системно-организованный характер, проблема власти и влияния выходит на передний план. Представления, касающиеся выделения такой категории как «политическая реальность» и процесса ее конструирования, берущие начало с политических учений Древнего Востока, являют собой причудливую цепь идеалистических и реалистических представлений, в рамках которых можно наблюдать развитие и многообразие человеческой мысли.

Борьба за власть, в условиях демократического общества, реализуется во многом в форме политической рекламы, транслируемой с помощью СМИ потенциальным избирателям. В наше время в результате мощного развития средств массовой коммуникации наблюдается процесс создания единого информационного пространства, что, естественно, расширяет возможности для влияния на аудиторию, для манипулирования ею. Реклама вообще, в том числе и политическая – самый образно-насыщенный из жанров массовой коммуникации, отражающий все изменения в социальной, ценностной, эмоциональной и эстетической сферах жизни общества.

По мнению некоторых исследователей, имманентным свойством политической рекламы является манипулятивность. Манипуляции в политической рекламе в первую очередь касаются технологий освещения политических процессов в СМИ. Из-за этого в настоящее время мы наблюдаем подмену

того, что раньше понималось под политикой. Теперь место дискуссий, политических решений все чаще занимают некие символические действия, реализация искусственно сконструированных сценариев. Мы часто видим, слышим, читаем псевдособытия, которые происходят лишь постольку, поскольку о них рассказывают. Связь политики с символической реальностью сегодня прозрачна как никогда.

Политическая реклама имеет принципиальные отличия от рекламы коммерческой. Они определяются тем, что политическая реклама:

- нацелена на конкретный результат, жестко зафиксированный во времени;
- осуществляется в условиях конфронтации или политического конфликтного противоборства;
- имеет четко зафиксированные ограничения, в том числе финансовые;
- ориентирована на систему оперативных связей с электоратом.

Политическая реклама имеет множество обликов и проявляется во многом, помимо политической коммуникации, – это и символика, ритуалы, крупномасштабные мероприятия, митинги, ну и, конечно, плакаты, листовки, видеоклипы, сувенирная продукция с изображением политического лидера или партийной символики и пр.

Но все же политическая реклама является разнообразной рекламой – в ней есть и «товар» и «услуги», только специфические (яркие личности, идеи, живописные картины будущего образа жизни и системы отношений). Следовательно, она также должна содержать свое предложение, только в данном случае оно

политическое. По аналогии с уникальным торговым предложением, в политической рекламе имеет место уникальное политическое предложение. К уникальному политическому предложению предъявляются следующие основные требования.

- Символичность. УПП должно соответствовать существующим традициям в обществе, имеющим сильное влияние на людей, – историческим, религиозным, культурным и пр. Это требование должно реализовываться в различных видах политической рекламы.
- Концептуальность. В УПП должна присутствовать главная идея, которая способна удовлетворить актуальные общественные потребности избирателей.
- Персональность. В УПП должны быть отражены качества лидера, что обеспечит его узнаваемость.
- Эксклюзивность. Насколько отделено в восприятии избирателей предлагаемое УПП от других.
- Наличествование. Широта воздействия УПП на избирателей.

Структура политической рекламы может быть представлена следующим образом:

- субъект политической рекламы. Это претенденты на выборные должности, партии, общественно-политические движения, заинтересованные политические силы;
- объект политической рекламы – избиратели или их целевые группы;
- предмет политической рекламы – политические платформы, предвыборные программы, личности лидеров;
- цели политической рекламы – приход к власти посредством занятия выборной должности, формирование общественного мнения и пр. Данные цели реализуются в задачах политической рекламы, которые обычно представляют собой некие «подцели», то есть главная стратегическая цель содержит несколько взаимосвязанных, но менее масштабных целей;
- средства политической рекламы – передачи и публикации в средствах массовой информации, прямые обращения, политические коммуникации (встречи с избирателями, теледебаты), массовые акции, листовки, плакаты, рекламные клипы и пр.;
- прямые и обратные связи политической рекламы – зафиксированные электоральные настроения, источники тревог, симпатии, данные социологических опросов, исследования отношений к политической рекламе и кандидату и пр.[10].

И все же в сущности своей политическая реклама является ни чем иным, как интегрированной системой психологических воздействий, направленных на объект рекламной деятельности – избирателей. Это

обусловлено, в первую очередь, ее главными целями и задачами – таким образом повлиять на сознание людей, чтобы они отдали свои голоса конкретному политику или политическому движению.

Применительно к проблеме политической рекламы категория «психологическое воздействие» рассматривается в узком смысле в прямом соответствии с ее психологической спецификой.

Психологическое воздействие в данном случае – это преднамеренное и целенаправленное прямое или опосредованное влияние субъекта политической рекламы на избирателей. Целью такого психологического воздействия является внесение изменений в сознание избирателей, которое обеспечит голосование необходимого их количества за рекламируемого кандидата (личность или общественно-политическое объединение). В таком контексте психологическое воздействие рассматривается как целостный неразрывный процесс, включающий в себя ряд этапов: подготовительный, когда определяются цели, задачи и содержание воздействия, способы и средства его осуществления; собственно осуществляемое воздействие, то есть передача информации, оказание влияния; изменение в сознании реципиентов; необходимая коррекция; определение эффекта от психологического воздействия. В случае необходимости цикл повторяется до тех пор, пока не будет достигнут желаемый результат [14]. Иначе говоря, речь идет о сложно организованной манипулятивной деятельности.

Б.Д. Парыгин и Ю.А. Шерковин [9] выделяют следующие функции психологического воздействия:

- 1) воспитательную (принятие определенных ценностей, норм, отношений, личностных стандартов);
- 2) пропагандистскую (восприятие идей, формирование убеждений);
- 3) управленческую (влияние на регуляцию общественного поведения, формирование нормативного поведения);
- 4) психотерапевтическую (снятие социальных стрессов, компенсация социальных тревог и страхов, формирование социальных иллюзий).

В политической рекламе психологические воздействия могут выполнять практически все отмеченные функции, однако преимущество все же принадлежит пропагандистской, управленческой и психотерапевтической (классические примеры таких воздействий: «Я избавлю вас от...», «Я защищу от...» и пр.). Эти функции политической рекламы реализуются главным образом с помощью следующих основных видов психологических воздействий:

- убеждения,
- внушения,
- психологического заражения,

- подражания,
- моды.

Особую роль в создании желательного результата воздействия политической рекламы играет, по мнению Поцелуева С. [11], воздействие ее на бессознательный уровень, когда она нацелена не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством использования визуальных образов (символов) или инсценирования визуальных эффектов (когда действие само выступает как символ).

Во все времена существования человеческих общностей символы незримо влияли на поведение человека, управляли его идеалами и настроениями. Символом может стать любое слово, имя, изображение, вещь и т. д. только в том случае, если они обладают специфическим добавочным значением к своему обычному смыслу. В смысловом плане символ самодостаточен, потому что, по меткому замечанию В.В. Шалимова, символ сам несет в себе всю полноту собственного текста.

У Лосева А.Ф. [5], символ – идейная, образная или идейно-образная структура, содержащая в себе указания на те или иные, отличные от нее предметы, для которых она является обобщением и неразвернутым знаком. В современном философском словаре [12] отмечается, что «символ в первоначальном значении в античности означал намеренно небрежно обломленную половину черепка, которую при расставании оставляли при себе, а другую оставляли партнеру... Следовательно, смысл символа по греческому определению – быть разделением единого и единением двойственности».

Символ можно рассматривать как знак, а совокупность символов «одного рода» – как знаковую систему. Генетически (от греков) понятие символа было связано с идентификацией некоей общности и поэтому являлось общественно-политическим, образуя возможность создания собственно политической символики как совокупности «выразительных средств, придающих политической жизни, политическому действию, различным формам материализации политики явный, особенно очевидный, подчеркнутый, либо, напротив, скрытый смысл» [7].

Основными функциями символов, применительно к использованию их в политической рекламе являются: мотивационно-побудительная (символ как катализатор социального и политического действия), интегрирующая (социальная интеграция и идентификация).

Основными культурологическими и психологическими нишами производства символов в общем, являются художественные произведения, народное творчество, религия, идеология, язык. Классификация символов, в соответствии с этим критерием, подразумевает деление их на символы религиозные,

художественные, социальные, политические, национальные символы, символы образа жизни; к психологическим символам относятся, прежде всего, символы сновидений.

Кроме того, возможно деление символов на динамические и статические [11]. Динамические символы выражаются в различных процессах, действиях, событиях, происходящих в окружающем человека мире. Например, религиозная динамическая символика представлена театрализованными богослужебными действиями, политическая динамическая символика – различными политическими акциями, митингами, демонстрациями, в том числе и теми событиями, которые связаны с формированием имиджа политического лидера. Статические символы представлены материальными предметами, прежде всего, в виде архитектурных сооружений и памятников (пирамиды Хеопса, мавзолеи вождям, барельефы и т. п.), а также предметами быта и окружающей природы (тотемические символы), геометрическими фигурами и т. п.

Существуют различные виды политических символов: символы-идеи, символы-действия (ритуалы), символы-объекты, символы-персоны, символы-звуки [10].

Использование символов в рекламе – политической и не только – продиктовано целью преодолеть «кольца обороны», которые выстраивает вокруг себя современный человек, фильтруя все возрастающий объем информации. Символы используются как доминантная группа «раздражителей», связанных с апелляцией к коллективному бессознательному (наряду с архетипами, мифами, сказочными сценариями, и т. д.). Коллективное бессознательное – именно этот пласт психики, по мнению К.Г. Юнга, лежит в основе символов. Юнг писал, что коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным [15]. И что важно, под влиянием врожденных программ находятся не только поведенческие акты, но и восприятие, мышление, воображение. Универсальные праобразы, праформы поведения и мышления К. Юнг называет «архетипами». Греческое слово «архетип» означает первообраз, праобраз. К. Юнг ввел это понятие в культуру XX века в значении «универсальный образ», символ. Психологическим приемом рекламного воздействия с использованием архетипов является усиление подсознательного впечатления. Говоря словами К. Юнга, нужно «всколыхнуть забытые воспоминания». Реклама призвана «проявить» бессознательное. Применяется модель архетипического кодирования – метод соединения конкретных признаков с архетипическими знаками, символами, мифологическими сюжетами. Прикоснуться к «первообразу», разбудить скрытую энергию – такова логика

архетипического кодирования. К. Юнг выдвинул концепцию архетипических знаков, данных нам от рождения. Этот врожденный механизм позволяет нам осуществлять семантическую обработку части информации молниеносно и бессознательно.

Американский культуролог и антрополог Л. Уайт также отмечал, что символ сыграл революционную роль в формировании человека. Однако, рассматривал данную проблему иначе. Именно человек, в отличие от животных, «может воспринимать и истолковывать свой мир с помощью символов». Однако это не было одномоментным актом. «Человеческим приматам потребовалось время, чтобы приобрести навыки и мастерство в использовании вновь приобретенной способности, имя которой – символ». Символ является феноменом культуры, состоящей из социально установленных структур смыслов (значений), в рамках которых люди заняты в социальном действии. Именно поэтому мы не можем отделить проблему символизации от определения культуры. Более того, по мнению Э. Кассирера, отводившему символу важнейшее место в жизни человека и человеческих сообществ [1], именно при помощи таких явлений культуры как язык, миф, религия и искусство человек предпринял попытку организовать и систематизировать свои чувства, желания и мысли.

Несмотря на достаточно большое количество символических теорий, можно выделить несколько основных моментов. Во-первых, символ – конкретная вещь, которая соотносится с чем-то определенным в содержательности сознания. Символы задают алгоритмы индивидуального и коллективного поведения, а, создаваясь в недрах мышления, они воспроизводятся в виде идей, мнений и ценностей. Подлинное значение символа скрыто от сознания, в связи с чем человек воспринимает символ всей личностью, при этом символ имеет способность обеспечивать мотивацию совместных действий. Символ дуалистичен: это путь откровения высших сущностей или архетипов и путь их постижения. Символ имеет функциональную значимость, что отчасти объясняет его универсальную применимость. Это – одно из величайших преимуществ символизма, вместе с этим символ является чрезвычайно изменчивым элементом.

Все эти характеристики дают возможность заключить следующее: символ может выступать и выступает в качестве систематизирующего и упорядочивающего элемента, постулирующего динамику человеческих отношений. Применительно к анализу проблемы конструирования политической реальности первая характеристика оформлена в символических инстинктах, а вторая – в символических отношениях [6].

Политический символ, помимо выполнения основных функций, имеет еще и дополнительные характеристики, к которым относятся: демонстрация

иерархичности, поддержание идеалов, конструирование повторяемости явлений и в целом незыблемость порядка, компенсаторная роль, гармонизация непосредственной и опосредованной символики [8].

Использование символа в политической рекламе обусловлено полем эмоциональной аргументации. Необходимость в сжатое время (например, время рекламного ролика или время, затраченное на «считывание» информации с уличных рекламных носителей) делегировать идеи сопричастности определенной партии к возможности решения разнообразных социально значимых проблем населения, повлиять на возможность идентификации личности с определенной политической группой и обеспечить быстрое узнавание информации конкретной партии среди информационного «шума» предвыборной агитации.

Как и столетия назад, современное политическое инсценирование предполагает асимметричность социальной (политической) коммуникации. Только теперь это определяется не сословие-классовыми привилегиями, а самой техникой массовой коммуникации. В нынешней массовой коммуникации, в отличие от коммуникации диалоговой, не происходит перемены ролей слушателя и говорящего. Даже если иметь в виду технические возможности обратной связи между публикой и СМИ, безусловный приоритет говорящего остается за СМИ.

В целом, как отмечает Поцелуев С. [11], сущность использования символов в политической рекламе сегодня обусловлена связью массово-демократических способов легитимации с визуально-коммуникативными технологиями и производством политических «звезд» по аналогии с шоу-бизнесом. На «выходе» мы получаем символическую политику в виде тактико-стратегической формы политической коммуникации, которая очень часто нацелена не на просвещение и взаимопонимание, а на искусный обман чувств – и посредством этого – на получение массовой поддержки электората. Т.о., способность символов убедительным для коллектива образом указывать на иную (сакральную) реальность – незаменимое средство легитимации политической власти. Легитимация осуществляется при помощи символических порядков, которые не встречаются в повседневной жизни, но служат как бы «защитной крышей» над социальным порядком и над строем отдельной человеческой жизни. Использование политических символов не является, таким образом, какой-то частной, эгоистической стратегией властвующих групп; причины символической политики залегают гораздо глубже, в самой структуре общественной психологии.

Классификация политической символики может быть представлена следующим образом [7].

1. Национально-государственная политическая символика (прежде всего флаг, герб, гимн; эти же формы символики используются не только государствами, но и разнообразными организациями иного порядка).

2. Архитектурные комплексы (здания, сооружения и пр. – Белый дом в Вашингтоне, Китайская и Берлинская стены, московский Кремль и т. д.).

3. Скульптурные памятники (политическим деятелям, мемориалы, посвященные историческим событиям).

4. Знаки отличия, (особые регалии у высших лиц государства, форма одежды, ордена, медали, значки и пр.).

5. Денежные знаки (на них нередко нанесены те или иные символы, имеющие отношение к данной стране; кроме того, их положение среди других валют может символизировать экономический и политический статус государства).

6. Политическая топонимика (названия улиц, городов, стран и т. д.).

7. Ритуально-процессуальная символика: ведь многие политические мероприятия – это ритуал с соблюдением определенных процедур, будь то заседание парламента, вступление главы государства в должность или проведение национального праздника.

8. Наглядно-агитационная символика, включающая все виды наглядной агитации, относящиеся к политической рекламе (лозунги, плакаты, предвыборные листовки, флаги, портреты и т. д.).

9. Политико-музыкальная символика (не обязательно гимны, в определенные моменты истории символическими могут стать народные или революционные песни, популярные мелодии).

10. Предметно-объектная политическая символика (предметы или объекты, особо значимые для данной национальной общности: Колокол свободы для американцев, Царь-пушка и Царь-колокол в России, гора Афон в Греции, зуб Будды в Шри-Ланке и т. д.; зловещую символическую роль играет оружие, особенно ядерное).

11. Люди как политические символы (прежде всего политические лидеры – Линкольн, Ленин, Наполеон и др.; легендарные герои – Вильгельм Телль, Робин Гуд, Илья Муромец или вымышленные персонажи – Джон Буль в Англии, дядя Сэм в США).

12. Условно-графическая символика, включающая геральдические знаки (всевозможные звезды, кресты, львы, грифоны и т. д.).

13. Политический язык (специальная терминология либо особые языковые конструкции, применяющиеся в политической практике: господин, товарищ, «Ура!», а также лозунги; кроме того, контекстуально это может быть любое писаное и произнесенное слово как особый символ).

14. Политическая мода и стиль (общие пристрастия сторонников какого-либо движения, выраженные в одежде, поведении и т. п.).

15. Символы места и времени («викторианская эпоха», «эпоха Петра Первого», «советское время» и т. д.; границы, столицы, национальные праздники также нередко привязывают к этой символике).

В силу весьма разноречивого понимания символов следует уточнить, какой именно род символов прежде всего используется в политической рекламе. С. Поцелуев [11] указывает на различие между дискурсивной и презентативной символикой. Дискурсивные символы – это языковые знаки, с помощью которых мы производим значение и смысл. Они структурированы таким образом, чтобы обозначать положение дел в виде предложений, т.е. синтаксически. Описание выстраивается здесь линейно во времени как ряд предложений, подобно бусинам, нанизанным на нитку. Презентативные символы, напротив, представляют предмет (идею) моментально, целиком без протяженности во времени.

Современная политика в общем и политическая реклама в частности, обязана своим массовым воздействием на публику в первую очередь визуальному дискурсу телевидения. Этот специфический дискурс разворачивается на экране в виде мозаики презентативных символов, которые не претендуют на истинность или ложность языковых выражений, и, тем не менее, оказываются для миллионов людей основным источником информации об окружающем мире. Телеобразы напрямую подчинены смыслам и законам эстетического воздействия на зрителя. И телевизионная информация – это прежде всего эстетическая информация. Конечно, и обычное дискурсивное мышление представлено на экране, но не оно, так сказать, правит там бал. В целом телевизионный «дискурс» – именно контрдискурс, в котором ценности логики – последовательность аргументов и связный, осмысленный контекст – превращаются в антиценности, коль скоро они мешают забавлять и определенным образом настраивать («заводить») публику. Кто долго говорит, тот явно что-то скрывает; кто лишь молча показывает сильные кадры, кажется пророком, – такова, по остроумному выражению немецкого политолога Т. Мейера, скандальная «логика» телевизионной коммуникации

Визуальные и слуховые компоненты «электронного дискурса» как важнейшего средства современной символической политики суть не только презентативные символы; одновременно они являются иконическими знаками в смысле Ч. Пирса, т.е. содержат в себе нечто от материального образа самих предметов, которые они обозначают. Принципиально важны здесь, по крайней мере, два момента. Во-первых, иконические знаки-телеобразы функционируют иначе, чем языковые знаки

в живой речи или на письме, а именно: они весьма предрасположены к тому, чтобы быть прочтенными в качестве естественных феноменов («самих вещей»). Во-вторых, иконические знаки, при всей их похожести на естественные феномены, служат, как и любые другие знаки, определенным кодом, а не манифестацией «самих вещей». Эти знаки имеют определенный смысл, который необязательно относится к тем вещам, с которыми у знаков наблюдается сходство на уровне чувственного восприятия. Иными словами, кодирование телеобразов как иконических знаков остается невидимым, а их свойства прочитываются как элементы самой реальности. В результате возникает возможность внушать (незаметно для зрителя вносить в его сознание, или актуализировать в нем) определенные смыслы под видом восприятия их как чувственно данных предметов. Именно таким способом передается эстетическая информация в оговоренном выше смысле. Она вызывает определенные ценностные установки у людей, показывая, но не проговаривая им смыслы вещей. Это может порождать желательные для власти, но в семантическом отношении не обязательно корректные (а тем более выгодные для широкой публики) суждения и действия [11].

Говоря общо, символ сочетает в себе как идеальное, так и материальное, тем самым способствуя – до некоторой, разумеется, степени – разрешению извечного спора между бытийным и сознательным. До тех пор, пока будет развиваться материальная и духовная культура общества, будут жить и символы, так или иначе идентифицирующие данный социум, выделяющие его среди иных культур. В сфере политики символический «синтез» идеального и материального проявляется, как известно, в соединении идеального понятия власти с миром реальных вещей, создаваемым человеком. При этом символ упрощает интеллектуальные операции с простыми и сложными политическими понятиями, но в то же время открывает простор всевозможным спекуляциям на этих понятиях, нередко становящимся прямым манипулированием сознанием потребителей политической рекламы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. – М.: Гардарики, 1998.
2. Кирсанова Н.П. Символ и символическое в структуре политической власти // Сборник статей «Проблемы развития политических коммуникаций в условиях демократизации и глобализации общества». – СПб.: МИЭП, 2006.
3. Ковриженко М.К. Креатив в рекламе. Постмодернистский облик моды. – Питер, 2004.
4. Кольев А.Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. – М.: Логос, 2003.
5. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.
6. Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. – М.: Языки русской культуры, 1997.
7. Мисюров Д.А. Политика и символы. – М: РИП-холдинг, 1999. С. 86.
8. Мисюров Д.А. Политическая символика: между идеологией и рекламой // Полис. 1999. № 1. С. 168-174.
9. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. – М., 1971.
10. Политическая психология: Учебное пособие для вузов / Под общей ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева. – М.: Академический проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
11. Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999. № 5. С. 62-75.
12. Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфра-М, 2005. С. 154.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник // Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. – М.: Прогресс, 1990.
14. Шестопап Е.Б. Политическая психология. – Инфра-М, 2005.
15. Юнг К.Г. Архетип и символ. – Ренессанс, 1991.

ВЛИЯНИЕ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ И СТРЕМЛЕНИЯ К УСПЕХУ НА ДИНАМИКУ ОБУЧЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Крет М.В.

В статье рассматриваются мотивы обучения взрослых, роль мотивации достижения и избегания неудачи в обучении иностранному языку, способы повышения мотивации и их психологические механизмы.

Ключевые слова: полимотивы, мотивация достижения, способы повышения мотивации, влияние мотивации на динамику успешности обучения.

Формирование коммуникативной компетенции, которая является целью обучения иностранному языку, зависит не только от генетических факторов, уровня развития иноязычных способностей, особенностей процессов запоминания и воспроизведения, вербальной активности, психотипологических характеристик личности субъекта, социализации личности, взаимодействия с другими людьми, но и от мотивации обучающихся. Специалисты в области психологии обучения иностранным языкам и методики преподавания [9, 28] отмечают, что высокая мотивация влияет на успешность овладения иностранным языком и продолжительность обучения, т.к. взрослые, имеющие достаточно сильные мотивы в начале учения, могут прекратить обучение, имея обязательства перед семьей, проблемы на работе, неудачный опыт изучения иностранного языка, не принимая определенные методы обучения [21].

Установлено, что мотивация взрослых зависит от следующих факторов: интереса и уверенности в успехе [16], установок на «необходимость изучения английского языка» [30], от пола (по данным японских исследований женщины имеют более высокую мотивацию и успехи в обучении) [25], системы ценностей обучающихся [11, 29], методики обучения [8], включенности в процесс обучения, влияния группы [29].

Проведенное Грековой В.А. [5] исследование среди старшеклассников, которые наиболее часто добиваются успеха в олимпиадах по иностранному языку, выявило, что наиболее успешными из них являются те, кто имеют высокий уровень потребности в достижении, высокую неудовлетворенность текущим уровнем знания, ярко выраженную потребность в дальнейшем совершенствовании. Но при всей значимости этих данных для понимания роли

мотивации достижения в усвоении иностранного языка, остается открытым вопрос о влиянии этой мотивации в сочетании со стремлением к успеху, личными целями и мотивами обучения языку на динамику успешности обучения иностранному языку.

Для проверки гипотезы о том, что успешность динамики изучения иностранного языка у взрослых зависит от выраженности мотивации достижения, стремления к успеху и личных целей в нашем исследовании мы использовали следующие методики: «Тест-опросник для измерения потребности в достижениях» Ю.М. Орлова, «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реан, разработанную нами анкету, которая включала открытый вопрос: как Вы думаете, какова главная цель обучения иностранному языку. Эмпирическим объектом исследования стали взрослые, в возрасте от 17 до 50 лет 21 мужчина и 32 женщины, которые проходили обучение иностранному языку в языковом центре. Для определения динамики успешности обучения иностранному языку использовался методический прием: тестирование обучающихся в соответствии с этапами обучения. Все респонденты по результатам контрольных стандартных тестов в процессе обучения были разбиты на три группы:

- 1) группа с низкими показателями динамики обучения;
- 2) группа со стабильными показателями обучения;
- 3) группа с высокими показателями динамики успешности обучения.

Между группой с низкими показателями обучения и группой со стабильными показателями эффективности обучения были выявлены статистически значимые отличия в стремлении к успеху ($t=-2,17$) и потребности в достижениях ($t=-2,73$). Между группой со стабильными

показателями успешности обучения и группой с высокими показателями динамики успешности обучения были найдены отличия в стремлении к успеху ($t=2,06$) и потребности в достижениях ($t=1,90$).

Из полученных данных видно, что мотивация достижения и стремление к успеху оказывают влияние на динамику успешности обучения. Чем выше потребность в достижении и стремление к успеху, тем выше успешность обучения.

В нашем исследовании мы также получили данные, которые свидетельствуют о том, что взрослые, изучающие иностранный язык полимотивированы. Из наших данных следует, что главными мотивами являются: владение иностранным языком для улучшения общей образованности, использование иностранного языка в реальном общении с носителями языка, использование иностранного языка в процессе работы, получения престижной высокооплачиваемой работы, развития кругозора, чтения литературы и просмотра фильмов на иностранном языке, развития интеллектуальных способностей, приятное проведение свободного времени, владение иностранным языком для путешествий, обучения, стажировок за границей.

В группе со стабильной динамикой успеваемости и в группе с высокой динамикой успешности обучения, доминируют следующие мотивы: владение иностранным языком для улучшения общей образованности (40%), использование иностранного языка в реальном общении с носителями языка (50%), использования иностранного языка в процессе работы (30%) путешествий, обучения, стажировок за границей), в группе с низкой успеваемостью мотивов гораздо больше и они, как нам кажется, менее сильны, как, например, приятное проведения свободного времени (18%) развитие интеллектуальных способностей (6%) для получения престижной работы (6%). Владение иностранным языком для улучшения общей образованности и использование иностранного языка в реальном общении отметили 35 % и 24% соответственно.

Таким образом, мы видим, что в группе со стабильной динамикой успешности обучения и в группе с высокой динамикой успешности обучения доминируют цели, связанные с учебной деятельностью. Учебная группа становится референтной и оказывает значительное влияние на успешность динамики обучения. Нормы данной группы – хорошая подготовка к занятиям, активность в ходе занятия, активный диалог с другими членами группы – улучшают коммуникативную компетенцию на иностранном языке.

Группа с низкой динамикой обучения имеет иные цели обучения, т.е. для них референтными являются другие группы – они присоединяются к данной группе, но она не оказывает значительного воздействия на их активность и направленность на улучшение иноязычной речи.

Взрослым, изучающим иностранный язык, по свидетельству Симоновой Н.И. [15] и Именитовой И.П. [7], не свойственна мотивация избегания неудач, т.к. их обучение не связано с требованиями школьной или университетской программы, желанием понравиться родителям и др. Наше исследование также подтвердило данное мнение. Ни один из опрошенных, по результатам обработки методики, предложенной Реаном А.А., не обладает выраженной мотивацией на избегание неудачи.

После нескольких занятий в группе, заполняя анкету, все опрошенные считали коммуникативную методику, по которой они обучаются интересной и хотели бы продолжать обучение. Однако из группы с низкими показателями динамики обучения не закончили трех месячный курс обучения 34% обучающихся, тогда как в группе со стабильными показателями динамики обучения все обучающиеся успешно окончили курс обучения, в группе с высокими показателями динамики обучения 10% респондентов оставили курс до окончания занятий.

Учащиеся с низкой динамикой успешности обучения, испытывают недостаток потребности в достижениях и успехе, а также их цели обучения должны быть изменены, так чтобы они были ориентированы на учебную деятельность. Каковы же способы повышения их мотивации? Анализ психологической и методической литературы, позволяет выявить интересные, с нашей точки зрения, методы повышения мотивации взрослых в процессе обучения иностранному языку и понять их психологический механизм.

Согласно теории Ж. Нюттена о временной перспективе, о том, что временная перспектива задается объектами, локализованными во времени, а они регулируют поведение – «умозрительный конструкт «будущее» есть место строительства поведения и развития человека», можно использовать прием визуализации, предложенный, Nada Salem Abisarama: «Представьте какую-либо ситуацию для того, чтобы успешно прийти к Вашей цели, например, Вы с легкостью выполняете какое-либо задание дома, а потом отдаете преподавателю Вашу работу» [27]. «Каждый раз перед занятием, представляйте себя высокомотивированным и успешным студентом» или более отдаленная цель – «представьте, что Вы едете в Голливуд, работаете в туристическом бизнесе, хотите поехать в США, поработать в библиотеке Вашингтона над диссертацией, и т. д.» [12].

Используя, открытый М. Селлигманом оптимистический и пессимистический стиль объяснения, необходимо внушать обучающимся оптимизм, неудачи же объяснять случайными факторами. Оптимизм, по Селлигману, рождает настойчивость, именно он влияет на то, что пессимисты останавливаются ниже своего потенциала, а оптимисты превосходят его. Необходимо проявлять энтузиазм при выполнении любого задания и

воодушевлять обучающихся на то, чтобы они рисковали без страха, не чувствуя себя глупыми или неспособными, подчеркивая, как много они уже знают [24].

Человеку чрезвычайно важно контролировать события происходящие с ним. Американский психолог Эллис Скиннер доказала, что индивиды верящие, что они обладают контролем над ситуацией, действуют так, что успех становится более вероятным, вовлеченность в процесс приводит к развитию реальных умений и компетентности, поэтому необходимо выбирать «обширные» задания задания, которые оставляют учащимся больше психологического пространства, чтобы планировать свою собственную работу, устанавливать свою собственную скорость выполнения задания. Учащимся можно предложить разработать самостоятельно дополнительные упражнения по изученной теме или тест [24].

«Значительное влияние на силу и устойчивость мотива оказывает успешность деятельности человека. Успехи воодушевляют его, а постоянно возникающее удовлетворение от достигнутого результата приводит к стойкому положительному отношению к своей деятельности» [6, с. 306]. Влияние успеха как мотивирующего фактора может использоваться на занятиях иностранным языком через создание портфолио студента, разработанного в рамках внедрения общеевропейских компетенций по иностранному языку. В языковой портфель собирается весь материал, свидетельствующий об успехах в овладении языками. Языковой портфель повышает мотивацию обучающихся, их ответственность за результаты учебного процесса, способствует развитию сознательного отношения к процессу обучения и его результатам [4, 13]. Кроме того, Копцева Ю.А. [10] предлагает технику позитивной аффирмации (техники поощрения и позитивной интерпретации сути и результата своих действий).

«Эффект соревнования», применяемый в тестах, олимпиадах, конкурсах на знание культуры и отдельных аспектах речевой деятельности может стимулировать мотивацию. Однако это очень тонкий психологический механизм, так как соревнования, связанные с конкуренцией в интеллектуальных и информационно-специфических областях знаний, как отмечает Грекова В.А. [5] не до конца изучен. В нашем исследовании, большинство обучающихся (80%) с низкой динамикой обучения считают, что преподаватель не сравнивает их с другими членами группы. Тогда как, в других группах, около 50% респондентов считают, что преподаватель сравнивает их с другими членами группы. Вероятно, защитные механизмы не позволяют обучающимся из первой группы, правильно оценивать ситуацию.

Преподаватель иностранного языка может создавать внутреннюю мотивацию к обучению, создавая комфортный психологический климат в группе, который

необходим для построения диалога между педагогом и учеником, который «протекает на равных, паритетных началах участвующих в нем сторон» [2]. Преподавателю следует использовать смысловые техники, которые рассматриваются как «система воздействия на личность, обуславливающая изменения смысловой динамики», подбирая смысловывявляющие тексты – игры, музыку, песни, книги, схемы, которые активизируют мотивационно – смысловую динамику в процессе усвоения информации [1]. Преподаватель должен оценивать индивидуальные особенности учащихся и планировать занятие с учетом этих особенностей. «Эффективное преподавание и обучение затрагивает – ум, тело и все сердце. Творчество, включенность, радость – основные элементы для продолжительного обучения» [22].

Язык следует изучать одновременно с культурой народа, говорящего на данном языке. Интерес к иным культурным реалиям повышает мотивацию к изучению языка [17, 13].

Тексты, содержащие истории о достижениях, борьбе и стойкости могут, по мнению Ю.А. Копцевой [10], создавать также мотивацию достижения.

Взрослые, как мы видим, из проведенного нами исследования, обладают полимотивами в процессе обучения иностранному языку. Мотивы эти имеют различный вес. Более важные мотивы оказывают положительное воздействие на продолжительность обучения. Взрослые, которые обладают потребностью в достижении и успехе, имеют более высокие академические результаты в процессе обучения иностранному языку. Неуспевающие взрослые избегают соревнования и отрицают сравнение их с более успешными участниками группы. Уровень мотивации взрослых в процессе обучения можно повысить при целенаправленных действиях преподавателя, подкрепляющего внешнюю мотивацию через похвалу результатов работы, и создавая внутреннюю мотивацию через интерес к культуре и языку, трудным интеллектуальным задачам, удовлетворенности результатами труда, принятии ответственности за обучение учениками на себя, использовании жизненного опыта взрослых обучающихся и его интеграции в процесс обучения, их участии в планировании обучения, получении учащимися удовлетворения от успешно выполняемых заданий. Мотивация взрослых зависит от степени выраженности у них потребности в достижениях и потребности в успехе. Цели обучения, связанные с учебной деятельностью способствуют адаптации в группе и ориентации на потребности и нормы учебной группы, что затем влияет на повышение динамики успешности обучения. Преподаватель иностранного языка может повышать мотивацию к обучению с помощью социально-психологических приемов, которые позволят улучшить динамику успешности обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумова И.В., Кагермазова Л.Ц. Технологии направленной трансляции смыслов в обучении // Российский психологический журнал. 2007. Т. 5. № 4. С. 56-64.
2. Белова Л.И. Диалог в обучении как технология развития смыслообразования учащихся // Российский психологический журнал. – 2006. Т. 4. № 3. – С. 61-64.
3. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2006. – 336 с.
4. Гальскова Н.Д. Языковой портфель как инструмент оценки учащегося в области изучения иностранных языков // Иностр. языки в школе. 2000. № 5. С. 6-11.
5. Грекова В.А. Формирование познавательной мотивации старшеклассников в соревновательном образовательном контексте // Российский психологический журнал. – 2008. Т. 6. № 1. С. 91-94.
6. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2006. – 512 с.
7. Именитова И.П. Динамика мотивации учебной деятельности взрослых // Сб. Вопросы психологического обоснования обучения иностранным языкам / Отв. ред. И.А. Зимняя. М., 1982. С. 19-28.
8. Емельянова Н.А. Формирование оптимальной мотивации овладения иностранным языком студентами неязыкового вуза / Дис. ... канд. психол. наук. Нижний Новгород, 1997. – 187 с.
9. Китайгородская Г.А., Шемякина Г.М. Мотивация учения в условиях интенсивного обучения иностранным языкам // Психологические основы обучения неродному языку: Хрестоматия / Сост. А.А. Леонтьев. М.: Изд-во Московского психологосоциального института; Воронеж: Издательство НПО «Модэк», 2004. – 448 с.
10. Копцева Ю.А. Возрастно-индивидуальный подход в обучении взрослых иностранному языку // Вестник практической психологии образования. – 2008. № 2 (15). С. 82-88
11. Локосова А.С. Значение личности обучающихся в преподавании делового английского языка // Совершенствование образовательного процесса – основа повышения качества подготовки специалистов: Материалы научно-практической конференции преподавателей, посвященной 70-летию университета РГЭУ «РИНХ». Ростов-на-Дону, 2001. С. 78.
12. Плигин А., Максименко И. Now let's play English. Личностно-ориентированное обучение английскому языку. СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 272 с.
13. Полат Е.С. Портфель ученика // Иностранные языки в школе. 2002. №1. С. 22-28.
14. Рудакова И.А., Бутенко Л.И. Система работы преподавателя русского языка как иностранного в условиях погружения в смыслообразующий контекст поликультурной среды // Российский психологический журнал. Т.5. № 1. С. 52-59.
15. Симонова Н.М. Экспериментальное исследование структуры мотивации при изучении иностранных языков в Вузе / Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1982. – 16 с.
16. Bress P. Humanistic Language Teaching in the 21st century // Humanising Language Teaching. Issue 6. – November, 2007. – URL: www.hltmag.co.uk.
17. Daubney M. Language Anxiety: Creative or Negative Force in the Language Classroom // Humanising Language Teaching. Issue 5. – September, 2007. – URL: www.hltmag.co.uk.
18. Dornyei S. Motivation in second and foreign language learning // Language Teaching. – 1998. Issue 31. – P. 117-135.
19. Gail F.T. The professional language needs of Economics graduates: Assessment and perspectives in the French context // English for specific purposes. Volume 26. Issue 2. – 2007. P. 135-155.
20. Ghaith G.M. The relationship between cooperative learning, perception of social support and academic achievements // System. Volume 30. Issue 3. – September? 2002. – P. 263-273.
21. Harmer J. The practice of English Language Teaching. Pearson Education Limited, 2003. – 365 p.
22. Hoque E. Teacher-student interaction: an evaluation of an EFL Classroom. – 2008. URS: <http://www.eslteachersboard.com>
23. Kerr P. Humanising – what's in a word? // Humanising Language Teaching. Issue 3. – May, 2007.
24. Little John A. Motivation. Where does it come from? Where does it go? // English Teaching professional. № 19. – April, 2001. P. 5-8.
25. Mori Setsuko, Gobel Peter. Motivation and Gender in the Japanese EFL classroom. V. 34. Issue 2. June 2006. P. 194-210.
26. McDonough S. Psychology in Foreign Language Teaching. London: Allen and Unwin, 1986.
27. Nada Salem Abisamra. Affect in Language. // Learning: Motivation. URL: <http://www.nadasisland.com>
28. Oxford R.L. Where are we regarding language learning motivation? // Modern Language Journal. – 1990. № 78. P. 512-515.
29. Oxford R.L., Shearin J. Language learning motivation: Expanding the theoretical framework // The Modern Language Journal. – 1994. № 78. P. 12-28.
30. Rula L. Diab. University students beliefs about learning English and French in Lebanon // System. Volume 34. Issue 1. – March, 2006. P. 80-96.

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ МЕНЕДЖЕРА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ЕГО ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ

Тиводар А.Р.

В статье рассматривается проблема влияния гендерного и этнического факторов на степень позитивности-негативности представлений о личностных особенностях менеджеров, принадлежащих к этническим группам «армяне» и «русские». Результаты сравнительного анализа представлений свидетельствуют о том, что в системе управления на оценку личностных особенностей менеджера влияет сочетание таких его характеристик, как этническая и гендерная принадлежность. Степень позитивности – негативности представлений о личностных особенностях менеджеров обусловлена также этническим статусом субъекта представлений и его гендерной идентичностью. Гендерно-этнические факторы избирательно воздействуют на оценку определенных личностных особенностей менеджера.

Ключевые слова: этническая и гендерная принадлежность менеджера; степень позитивности-негативности представлений; личностные особенности.

Этно-психологический и гендерный подходы к изучению представлений о менеджере, сложившихся в поликультурных регионах нашей страны, одним из которых является Южный федеральный округ, является отражением сформировавшегося в настоящее время направления изучения личности в координатах культурно-психологического, историко-психологического и этно-психологического пространства взаимодействия (А.Г. Асмолов, 2006). Конвергенция этно-культурного и гендерного подходов к определению степени позитивности-негативности представлений, стереотипов, образов о менеджере, принадлежащем к своей или иной этнической группе, является результатом развития современной психологии межкультурных и межэтнических различий общения, взаимодействия и управления. Данный подход берет свое начало в традиции современной кросс-культурной психологии (Белик А.А., Бери Дж.В., Пуртинга А.Х., Сигал М.Х., Дассен П.Р., Леонтович О., Мацумото Д., Триандис Г., Kitayama S., Markus H.R.), в рамках которой обосновывается необходимость рассматривать управленческое взаимодействие представителей различных этнических групп как взаимодействие субъектов общения, у которых сформировалась определенная ценностно-смысловая картина мира, система отношений, социальных представлений и т.д. Одной из задач этого направления является выяснение роли этно-культурных детерминант группового поведения и различий между ними. С особой силой изучаются такие феномены, как роли, ценности, аттитюды,

стереотипы, оказывающие непосредственное влияние на поведение членов этно-культурной группы.

Особое значение для понимания интенсивности влияния представлений о личностных особенностях менеджеров на эффективность управления имеет концепция социальных представлений, разрабатываемая С. Московичи. В ней, в качестве основного механизма взаимодействия в группах и между ними рассматриваются представления, которые формируются посредством взаимного влияния. С. Московичи пишет о том, что “люди обязывают себя к особым символическим моделям, образам и разделенным ценностям. Делая это, они приобретают и некий общий репертуар интерпретаций и объяснений, правил и процедур, которые могут применять в повседневной жизни...”. Он также отмечает, что “социальные представления прежде всего и главным образом предназначены для того, чтобы сделать коммуникацию относительно непроблематичной в группе и уменьшить эту “неопределенность” через некоторую степень консенсуса между ее членами” (Московичи С., 1995, с.10).

Проблема заключается в том, что в отечественных этно-психологических исследованиях еще недостаточно изучаются представления о людях, принадлежащих к определенной этнической группе и занимающиеся таким видом деятельности, который оказывает влияние на качество жизни других людей. К такому типу деятельности относится управленческая деятельность, менеджмент. Нельзя не отметить, что в отечественной психологии имеется большое количество работ, в которых рассматривалась личность руководителя

или изучались психологические факторы успешного управления и менеджмента. Вместе с этим, необходимо подчеркнуть, что проблема управления коммерческими организациями, состоящими из представителей различных этнических групп, еще недостаточно осмыслена. На наш взгляд, особый научный и практический интерес для уточнения роли этнического фактора в формировании эффективного менеджмента, имеют результаты изучения представлений (когнитивно-эмоциональных образований) о менеджерах, которые сложились в процессе непосредственного общения и участия членов полиэтнических организаций в решении управленческих задач. Известно, что этнические установки, стереотипы влияют на отношение к представителям чужой и своей этнических групп (Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко.). В коллективной монографии «Этническая толерантность в поликультурных регионах России» приводятся данные о взаимосвязи этнической идентичности и этнической толерантности. В ней также сделаны выводы о влиянии длительности совместного проживания на формирование межэтнических установок, на особенности процессов стереотипизации.

Наряду с вышеприведенными работами, в качестве предмета исследования рассматривается роль гендерного фактора в менеджменте, особенно, в связи с обсуждением проблемы гендерного неравенства в сфере управления и карьерной дискриминации женщин (Р.Г. Вагизов, Т.В. Бендас), подчеркивается асимметрия в оценках профессионально значимых качеств мужчин и женщин (Л.Н. Ожигова).

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в проверке гипотезы о влиянии в системе управления на представления о личностных особенностях менеджера сочетания таких его характеристик, как этническая и гендерная принадлежность.

Методы исследования

1. С целью определения позитивности-негативности представлений о личностных особенностях менеджеров использовался модифицированный вариант методики (К. Маслач, Э. Пайнс, с. 365), содержащий 10 оценочных шкал с утверждениями-антонимами («уступчивый – доминантный», «сердечный – холодный», «нечестолюбивый – честолюбивый», «умный – глупый», «чистоплотный – нечистоплотный», «нравится окружающим – не нравится окружающим», «уравновешенный – неуравновешенный», «неагрессивный – агрессивный», «чувствительный – нечувствительный», «активный – пассивный»). Каждая шкала оценивалась по шести балльной системе: от 1 до 3 баллов – позитивный полюс шкалы; от 4 до 6 баллов – негативный полюс шкалы. Средний показатель оценок по каждой шкале указывал на степень позитивности-негативности представлений о личностных особенностях менеджеров.

2. Для определения влияния принадлежности менеджера к определенной этнической группе на оценку его личностных особенностей применялся методический прием: «создание этнической установки». Участнику исследования предлагалось представить женщин (мужчин) менеджеров, принадлежащих к этнической группе «русские», а затем на основе выше перечисленных шкал оценить выраженность у них тех или иных личностных особенностей. На следующем этапе этим же участникам исследования предлагалось оценить выраженность личностных особенностей у женщин (мужчин) менеджеров, относящихся к этнической группе – «армяне».

В исследовании приняли участие менеджеры (50 мужчин и 50 женщин) одной из компаний, созданных в ЮФО. Все они были представителями этнической группы «русские», в возрасте от 24 до 30 лет. В дальнейшем мы их будем обозначать как субъекты представления и оценки личностных особенностей менеджеров, принадлежащих к различным гендерно-этническим группам.

На основе сочетания гендерных и этнических характеристик субъектов представлений и гендерно-этнических характеристик представлений о менеджере все результаты исследования были разделены на следующие группы: 1) степень позитивности-негативности представлений женщин о личностных особенностях женщин – менеджеров, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне»; 2) степень позитивности-негативности представлений мужчин о личностных особенностях женщин – менеджеров, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне»; 3) степень позитивности-негативности представлений женщин о личностных особенностях мужчин – менеджеров, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне»; 4) степень позитивности-негативности представлений мужчин о личностных особенностях мужчин – менеджеров, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне». Сравнительный анализ выше перечисленных групп данных осуществлялся с помощью применения U- критерия Манна-Уитни. Данный критерий применяется для оценки различий между выраженностью того или иного показателя в результате влияния какого-либо фактора. В нашем случае в качестве такого фактора выступает установка на этническую и гендерную принадлежность менеджера, что позволяет рассматривать и сравнивать группы данных на одной и той же выборке участников исследования и определять силу влияния выбранного фактора. С количественной точки зрения в исследовании учитывался уровень статистической значимости различий, удовлетворяющей условию: $p \leq 0,05$.

Результаты исследования

На первом этапе обработки полученных данных, с целью определения влияния этнического фактора на степень позитивности – негативности представлений о личностных особенностях менеджеров, относящихся к различным гендерно-этническим группам, все участники исследования (субъекты представлений) были объединены в одну выборку, для которой ведущей характеристикой выступала принадлежность к этнической группе «русские». На рисунке 1 отражены средние значения оценок личностных особенностей, вошедших в представления о менеджерах, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне».

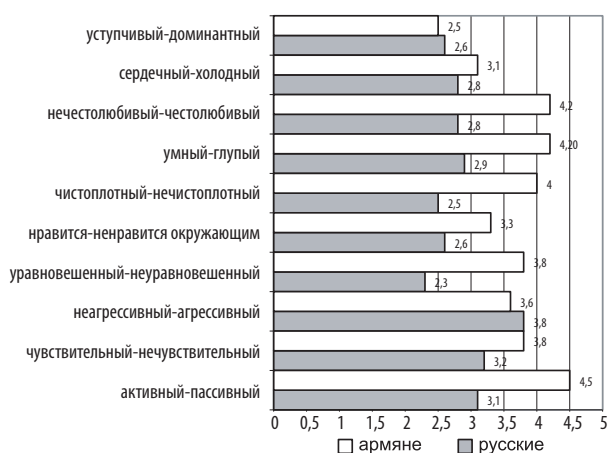

Рисунок 1. Оценки личностных особенностей менеджеров, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне»

Сравнительный анализ степени позитивности и негативности оценок личностных особенностей, вошедших в представления о менеджерах, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне», показал, что наблюдаются существенные различия в оценках таких характеристик, как «нравится окружающим – не нравится окружающим» ($U = 6238,500$ при $p = 0,000$), «умный – глупый» ($U = 6860,000$ при $p = 0,000$), «уступчивый – доминантный» ($U = 7066,500$ при $p = 0,000$), «уравновешенный – неуравновешенный» ($U = 8987,000$ при $p = 0,000$), «неагрессивный – агрессивный» ($U = 9033,000$ при $p = 0,000$). Совокупная средняя оценка личностных особенностей, вошедших в представления о менеджерах, принадлежащих к этнической группе «русские» и к этнической группе «армяне», также значительно отличается ($U = 7720,000$ при $p = 0,000$).

Из этих данных следует, что представления мужчин и женщин – менеджеров, являющихся по своей этнической идентичности русскими, о менеджерах мужчинах и женщинах, принадлежащих к этническим группам «армяне» и «русские», отличаются по своему психологическому содержанию. Так в представлениях

о менеджерах, принадлежащих к этнической группе «армяне», присутствует значительно более высокая оценка доминантности, агрессивности, неуравновешенности и занижаются оценки таких особенностей личности, как ум и привлекательность, по сравнению с представлениями о менеджерах, принадлежащих к этнической группе «русские». В целом, представления о русских менеджерах более позитивные, чем представления о менеджерах, принадлежащих к этнической группе «армяне».

Таким образом, на первом этапе исследования было установлено, что этнический фактор оказывает существенное влияние на степень позитивности представлений о менеджере и избирательно воздействует на оценку определенных личностных особенностей менеджера.

На втором этапе исследования рассматривалось влияние, наряду с этническим фактором, гендерного фактора на представление о личностных особенностях менеджеров, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне». В этой части исследования учитывалась также гендерная принадлежность субъекта представлений. В таблице 1 приводятся результаты оценки личностных особенностей, вошедших в представление о мужчине – менеджере, принадлежащем к этнической группе «русские». Из приведенных данных следует, что представление женщин о русских мужчинах-менеджерах значительно более позитивное, чем представление мужчин о мужчинах менеджерах, принадлежащих к этнической группе «русские».

Сравнительный анализ представлений мужчин и женщин о менеджере мужчине, принадлежащем к этнической группе «русские», указывает на то, что русские женщины – субъекты представлений включают в образ о менеджере – мужчине, также принадлежащем к этнической группе «русские», более высокие оценки ряда личностных особенностей. В их представлениях русский мужчина – менеджер выглядит значительно более умным, привлекательным, чувствительным и активным, чем в представлениях русских мужчин-менеджеров.

Представления русских женщин – менеджеров о мужчине менеджере, принадлежащем к этнической группе «армяне», более позитивные, чем представления русских мужчин-менеджеров (см. таблицу 2). Наибольшие гендерные различия в оценках личностных особенностей, вошедших в представления о менеджере-мужчине, принадлежащем к этнической группе «армяне», наблюдаются по такому показателю, как «нечестоплюбивый – честоплюбивый» ($U = 316,000$ при $p = 0,000$); менее выражены различия в оценках таких личностных особенностей, как «неагрессивный – агрессивный» ($U = 751,000$ при $p = 0,000$), «чистоплотный – нечистоплотный» ($U =$

754,000 при $p = 0,000$), «чувствительный – нечувствительный» ($U = 783,000$ при $p = 0,001$).

Если сравнить представления мужчин и женщин – менеджеров о менеджерах мужчинах, принадлежащих к этническим группам «армяне» и «русские», то можно констатировать, что представления мужчин о менеджерах, принадлежащих к этнической группе «армяне», отличаются тем, что в них подчеркивается стремление к доминированию. Исходя из психологического содержания этих представлений, можно также сделать вывод о том, что, по мнению русских мужчин – менеджеров, им в большей степени свойственно проявлять агрессивность, честолюбие, демонстрировать неуравновешенность поведения и нечувствительность к проблемам других людей.

Сравнительный анализ представлений о женщинах – менеджерах, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне», также указывает на значительное влияние гендерного фактора на степень позитивности представлений о личностных особенностях менеджеров. Учитывая объем статьи, мы не будем приводить сводные таблицы, а ограничимся описанием обнаруженных различий. Прежде всего, необходимо отметить, что степень позитивности представлений мужчин о женщинах – менеджерах

в большей степени зависит от их принадлежности к этнической группе, чем степень позитивности представлений женщин.

Наиболее существенные различия наблюдаются в оценках следующих личностных особенностей, вошедших в представления о женщинах-менеджерах, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне»: «умный – глупый» ($U = 264,000$ при $p = 0,000$), «чувствительный – нечувствительный» ($U = 302,000$ при $p = 0,000$), «неагрессивный – агрессивный» ($U = 338,000$ при $p = 0,000$), «нравится – не нравится окружающим» ($U = 490,500$ при $p = 0,000$), «сердечный – холодный» ($U = 513,000$ при $p = 0,000$), «уравновешенный – неуравновешенный» ($U = 535,500$ при $p = 0,000$), «чистоплотный – нечистоплотный» ($U = 573,000$ при $p = 0,000$), «уступчивый – доминантный» ($U = 745,000$ при $p = 0,000$), «нечистоплотность – чистоплотность» ($U = 969,000$ при $p = 0,047$).

В целом, представления мужчин – менеджеров о женщинах – менеджерах, принадлежащих к этнической группе «русские», отличаются высокой степенью позитивности ($U = 159,000$ при $p = 0,000$). Представления о женщинах-менеджерах, принадлежащих к этнической группе «армяне», являются более негативными. Мужчины считают, что они менее

Таблица 1

Гендерные различия представлений о личностных особенностях менеджеров – мужчин, принадлежащих к этнической группе

сравняемые выборки	Статистика	Представления о личностных особенностях мужчин – менеджеров, принадлежащих к этнической группе «русские»										
		уступчивый-доминантный	сердечный-холодный	нечестолюбивый-честолюбивый	умный-глупый	чистоплотный-нечистоплотный	нравится-ненравится окружающим	уравновешенный-неуравновешенный	неагрессивный-агрессивный	чувствительный-нечувствительный	активный-пассивный	среднее для оценки личности
Субъекты оценки – мужчины	M	3,2	3,4	4,0	2,6	2,9	3,1	3,1	2,8	3,4	2,9	28,6
	s	0,7	1,0	1,5	1,2	1,1	1,0	1,0	1,2	1,2	0,9	11,1
Субъекты оценки – женщины	M	3,2	3,2	3,8	2,0	2,6	2,1	2,8	3,0	2,7	2,3	27,5
	s	0,7	1,0	0,8	0,8	1,3	0,7	1,3	1,1	0,7	1,4	4,4
Субъекты оценки – мужчины	U	1199,000	1155,000	1056,500	862,000	1097,000	546,000	1034,000	1197,000	744,000	801,500	871,000
Субъекты оценки – женщины	p	0,704	0,495	0,164	0,005	0,269	0,000	0,121	0,704	0,000	0,001	0,009

Таблица 2

Гендерные различия представлений о личностных особенностях менеджеров – мужчин, принадлежащих к этнической группе «армяне»

сравняемые выборки	Статистика	Представления о личностных особенностях мужчин – менеджеров, принадлежащих к этнической группе «армяне»										
		уступчивый-доминантный	сердечный-холодный	нечестолюбивый-честолюбивый	умный-глупый	чистоплотный-нечистоплотный	нравится-ненравится окружающим	уравновешенный-неуравновешенный	неагрессивный-агрессивный	чувствительный-нечувствительный	активный-пассивный	среднее для оценки личности
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Субъекты представления – мужчины	M	4,5	3,4	5,0	3,8	3,9	4,1	4,5	4,5	3,4	2,7	35,8
	s	1,1	1,4	1,1	1,1	1,4	1,2	1,1	1,1	1,3	1,2	13,5
Субъекты представления – женщины	M	4,6	3,6	2,8	3,5	2,9	3,9	4,0	3,7	2,4	2,2	33,7
	s	0,7	1,2	1,5	1,1	1,3	0,8	1,0	1,1	1,2	1,2	2,8
Субъекты представления – мужчины	U	1240,500	1134,000	316,000	1055,500	754,000	1084,000	922,500	751,000	783,000	998,500	744,500
Субъекты представления – женщины	p	0,941	0,4111	0,000	0,162	0,000	0,233	0,018	0,000	0,001	0,073	0,000

умные, сердечные, чувствительные, уравновешенные, недостаточно чистоплотные, у них выражено стремление к доминированию по сравнению с русскими женщинами – менеджерами.

Сравнительный анализ представлений мужчин и женщин о личностных особенностях женщин – менеджеров, принадлежащих к этническим группам «армяне» и «русские», показал, что мужчины и женщины, практически, одинаково оценивают личностные особенности, вошедшие в их представления о женщине – менеджере, принадлежащей к этнической группе «русские».

Представления о женщинах-менеджерах, принадлежащих к этнической группе «армяне», существенно отличаются у мужчин и женщин – субъектов представлений. Анализ данных свидетельствует о том, что их представления значимо отличаются по таким параметрам, как: «чувствительный – нечувствительный» ($U = 327,000$ при $p = 0,000$), «активный – пассивный» ($U = 586,500$ при $p = 0,000$ «неагрессивный – агрессивный» ($U = 717,000$ при $p = 0,000$), «чистоплотный – нечистоплотный» ($U = 720,000$ при $p = 0,000$), «умный – глупый» ($U = 850,000$ при $p = 0,003$).). В целом, представления о женщинах – менеджерах, принадлежащих к этнической группе «армяне», более позитивные у женщин, чем у мужчин, участвующих в исследовании ($U = 396,000$ при $p = 0,000$). В представлениях женщин о менеджерах-женщинах, принадлежащих к этнической группе «армяне», отмечается их чувствительность,

активность, чистоплотность. Вместе с этим, они также как и мужчины, участники исследования, оценивают недостаточно высоко мыслительные способности и подчеркивают агрессивность в поведении. Исходя из этих данных, можно говорить о том, что представления женщин о женщинах-менеджерах, принадлежащих к этнической группе «армяне», отличаются амбивалентностью, с тенденцией к более высокой позитивной оценке их личностных особенностей по сравнению с мужчинами. Важным является тот факт, что значимые для взаимодействия личностные особенности женщин – менеджеров («уступчивый – доминантный», «сердечный – холодный», «нечестоплотный – честоплотный», «нравится окружающим – не нравится окружающим», «уравновешенный – неуравновешенный»), принадлежащих к этнической группе «армяне», оцениваются всеми участниками исследования, не зависимо от их гендерной идентичности, практически, одинаково и достаточно высоко (см. таблицу 3).

Выводы

1. Результаты исследования подтверждают выдвинутую нами гипотезу о влиянии в системе управления на представления о личностных особенностях менеджера сочетания таких его характеристик, как этническая и гендерная принадлежность.

2. Степень позитивности – негативности представлений о личностных особенностях менеджеров обусловлена их принадлежностью к определенной этнической группе, а также этническим статусом субъекта представлений. Субъекты представлений, участвующие в нашем исследовании и относящиеся к этнической группе «русские», имеют более позитивные представления, как о мужчинах, так и о женщинах – менеджерах, принадлежащих к этнической группе «русские», чем представления о менеджерах, принадлежащих к этнической группе «армяне».

3. Степень позитивности – негативности представлений о личностных особенностях менеджеров обусловлена также их принадлежностью к гендерной группе и полом субъекта оценки. Русские женщины – участницы исследования оценивают выше отдельные личностные особенности менеджеров – мужчин и женщин, принадлежащих к этнической группе «армяне», чем русские мужчины.

4. Русские женщины – субъекты представлений обладают более высокой толерантностью к личностным особенностям менеджеров- мужчин и женщин, принадлежащих к другой этнической группе.

Таким образом, на основе полученных данных можно сделать выводы о том, что на представление о личностных особенностях менеджеров, на степень позитивности этих представлений, на оценку отдельных характеристик, вошедших в представления, оказывает влияние наряду с этническим фактором, гендерный

Таблица 3

Представления мужчин и женщин о личностных особенностях женщин-менеджеров, принадлежащих к этнической группе «армяне»

сравниваемые выборки	Статистики	Представления о личностных особенностях										
		уступчивый-доминантный	сердечный-холодный	нечестоплотный-честоплотный	умный-глупый	чистоплотный-нечистоплотный	нравится-нравится окружающим	уравновешенный-неуравновешенный	неагрессивный-агрессивный	чувствительный-нечувствительный	активный-пассивный	среднее для оценки личности
Представления мужчин	M	4,2	4,2	3,4	4,2	3,8	4,1	4,1	4,7	4,2	3,3	40,0
	s	1,6	1,1	1,3	0,9	1,5	1,0	1,2	1,2	1,1	1,0	5,2
Представления женщин	M	4,6	3,8	3,0	3,5	2,6	3,8	4,1	3,8	2,3	2,0	33,5
	s	0,7	1,3	1,6	1,1	1,2	0,8	1,0	1,1	1,2	1,1	2,7
Различия между представлениями мужчин и женщин	U	1119,000	1076,500	1090,000	850,000	720,000	1024,000	1207,000	717,000	327,000	568,500	396,000
	p	0,346	0,216	0,260	0,003	0,000	0,101	0,758	0,000	0,000	0,000	0,000

фактор. Данный вывод подтверждают результаты сравнительного анализа представлений мужчин и женщин о менеджерах – мужчинах и женщинах, принадлежащих к этническим группам «русские» и «армяне».

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Психология личности. М., 2006.
2. Белик А.А. Культура и личность. М., 2002.
3. Бендас Т.В. Гендерная психология. – СПб.: Питер, 2008.
4. Бери Дж.В., Пуртинга А.Х., Сигал М.Х., Дассен П.Р. Кросс-культурная психология. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
5. Вагизов Р.Г. Проблемы гендерного равенства в современном российском обществе // Проблемы теории и практики управления. 2007. № 3. С. 19-24.
6. Идентичность и толерантность. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002.
7. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
8. Леонтович О. Введение в межкультурную коммуникацию. М.: Гнозис, 2007.
9. Маслач К., Пайнс Э. Практикум по социальной психологии. СПб.: «Питер», 2000.
10. Мацумото Д. Человек. Культура. Психология. СПб., 2008.
11. Московичи С. Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. №1. – С. 3-15.
12. Ожигова Л.Н. Гендер и безопасное общение в бизнесе: проблема доверия // Материалы международной конференции «Психология общения: социокультурный анализ». Ростов-на-Дону: РГУ, 2003. С. 250-252.
13. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
14. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2006.
15. Триандис Г. Культура и социальное поведение. М., 2007.
16. Этническая толерантность в поликультурных регионах. М., 2004.
17. Markus H. R. & Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychological Review. 1991. № 98. – P. 224-253.

ОФОРМЛЕНИЕ ВНЕШНОСТИ КАК СРЕДСТВО САМОВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Шкуратова И.П.

Статья посвящена актуальной и малоизученной в нашей стране проблеме самовыражения личности с помощью внешности. В статье раскрывается понятие внешности, костюма, дается анализ влияния социально-демографических и индивидуальных особенностей человека на оформление своей внешности.

Ключевые слова: самовыражение личности, внешность, габитус, психосемiotика, костюм, социальная идентификация, мода унисекс.

Современное общество предъявляет все более возрастающие требования к внешнему виду человека, его одежде. От внешнего облика человека часто зависит получение им престижной работы, успех в любовных и дружеских отношениях, симпатия со стороны окружающих людей. Поэтому не удивительно, что современный человек тратит огромные средства на оформление своего внешнего вида, приобретая одежду, косметику, посещая косметические салоны, переходя на сложные виды диет, подвергая себя пластическим операциям. Почему люди так стремятся совершенствовать свой внешний вид? Что дает привлекательная внешность?

Внешний облик рассматривается Е.А. Петровой как «средство объективации и интерпретации субъекта, как орудие развития и формирования его психологических структур, в первую очередь образа «я», и как средство экспрессивно-импрессивного проявления личности» [5, с. 223].

Внешность выполняет ряд очень важных социально-психологических функций в процессе жизнедеятельности человека.

- Она является внешней оболочкой человека и, собственно говоря, телесным воплощением его души.
- Внешность достоверно отражает главные характеристики человека, которые учитываются в общении с ним окружающими людьми: пол, возраст, социальный статус, личностные черты и пр. Таким образом, она служит средством категоризации людей и их идентификации с разными социальными группами.
- Она служит основой для формирования Я-концепции личности.
- Она является средством выражения внутреннего мира личности, ее самопредъявления во взаимодействии с другими людьми.

Если говорить о животном мире, то главные признаки, которые имеют значение для оценки

животными друг друга, связаны с силой и репродуктивной функцией. Оба эти признака сопряжены с молодостью, вернее с периодом зрелости, когда все функции находятся в оптимальной фазе, поэтому молодость является одним из главных критериев, для определения ценности особи в животном сообществе. Человечество тоже высоко ценит молодость и стремится отодвинуть границу ее окончания как можно дальше. Когда человек биологически молод, то ему не надо ничего предпринимать для ее демонстрации. У человека произошло существенное увеличение продолжительности жизни за счет развития медицины, что привело к расхождению между биологическим и социальным возрастом.

В современном обществе мы сталкиваемся с феноменом относительности возраста, который состоит в том, что в разных культурах один и тот же возраст может быть отнесен к разным возрастным категориям. Более того, даже в пределах одной культуры один человек может быть воспринят как молодой, а его ровесник как пожилой.

Для анализа внешнего облика человека Е.А. Петрова выделяет три семиотических системы: габитус, под которым понимаются характеристики телесного строения человека; кинесика, которая включает невербальные жесты и костюм, состоящий из одежды, обуви и сопутствующих аксессуаров [5]. В данной статье мы остановимся на рассмотрении тела и костюма как средств самовыражения личности.

С.В. Попов выделяет во внешнем облике человека две группы признаков: собственные, которые неотъемлемо принадлежат данному человеку, и сопутствующие, которые дополнительно его характеризуют (одежда, обувь и пр.). К собственным признакам он относит следующие: общефизические (возраст, рост); демографические и антропологические (пол, национальность); анатомические (строение тела и его частей); функциональные (осанка, походка, мимика, речь)

[6]. Кроме того, признаки, с его точки зрения, можно классифицировать еще по ряду критериев: общие-частные; постоянные-временные; необходимые-случайные; естественные-искусственные.

По мнению В.М. Богуславского, восприятие внешности людей обусловлено «психологическими установками, сложившимися в результате познавательной и самопознавательной деятельности человека, которые определяют и психологически мотивируют подход оценивающего к данному объекту» [1, с. 14]. Он выделяет три вида таких установок: восприятие человека как цельного объекта; индивидуализация при восприятии внешности; формирование эмоционального отношения к объекту восприятия.

В.М. Богуславский выделяет шесть аспектов оценки внешности человека.

- Экзистенциальный аспект (восприятие человека как некой природной данности).
- Эмоциональный аспект (выражение эмоционального отношения к воспринимаемому человеку).
- Эстетический аспект (оценка внешности с точки зрения ее красоты и гармонии).
- Психологический аспект (приписывание человеку личностных черт на основе наблюдаемых признаков внешности).
- Социальный аспект (приписывание человеку социальных характеристик).
- Возрастной аспект (ассоциирование воспринимаемых признаков внешности с определенным возрастом) [1].

При восприятии внешности человека все эти аспекты представлены в том или другом выделяемом признаке. Характер ситуации, в которой происходит восприятие человека, выдвигает на первый план аспекты, имеющие первостепенное отношение к целям взаимодействия субъекта и объекта оценки.

По данным С.В. Попова, если за 100% принять общее число всех элементов внешнего облика человека, то на отражение физического облика (рост, глаза, лицо, волосы и пр.) придется 82, 5 %, на экспрессию (мимику, жесты, позы, речь и пр.) – 14 %, а на оформление внешности (прическу, одежду, обувь и пр.) – всего 3,5 %. [6].

В исследованиях А.А.Бодалева было установлено, что взрослый человек, воспринимая других людей и затем, воссоздавая их облик, выделяет признаки в следующей последовательности: рост (83 %), глаза (75), волосы (73), мимика (66), лицо (64), телосложение (54), поза, осанка, (10,3), косметика, украшения (8,4), одежда (6,8) [2].

Судя по данным этих авторов, восприятие устойчивых телесных признаков (рост, глаза, волосы) является более важным для окружающих, чем неустойчивых, связанных с их оформлением (косметика, одежда, прическа). Но необходимо отметить, что человек

в разных ситуациях фиксирует разные признаки, так как его восприятие подчинено целям взаимодействия с воспринимаемым лицом. Можно привести много примеров, когда одежда кардинально меняла восприятие внешности человека, поэтому изучение одежды как средства самопредъявления личности становится очень актуальной проблемой.

Под костюмом понимается «исторически сложившийся и постоянно развивающийся комплекс определенным образом согласованных между собой предметов как непосредственно надеваемых на тело (одежда, обувь, головной убор, перчатки и др.), так и сопутствующих им дополнений (сумка, зонт и др.), а также прически, грима, формирующих внешний облик человека и образующих единое утилитарно-художественное целое» [цит. по 5, с. 172]. По мнению М.И. Килошенко, «костюм помогает создать конвенциональный образ человека, является средством самопрезентации личности; это не только внешние признаки и характеристики представляемой индивидуальности, но и средство воздействия на других людей» [4, с. 121].

Костюм выполняет две основные функции: утилитарно-практическую и общественно-символическую [4]. Утилитарно-практическая функция одежды является первичной и сводится к защите человека от неблагоприятных воздействий окружающей среды. Общественно-символическая функция состоит в том, что одежда служит средством социальной идентификации человека, выполняет роль украшения, является выражением его индивидуальности.

История человечества свидетельствует о том, что человек приобретает все большие возможности в плане выбора костюма в соответствии со своими вкусами, и что костюм несет в себе все большее количество информации о его владельце. Однако даже в современном мире человек ограничен многими правилами выбора и использования тех или иных видов одежды и аксессуаров.

Каждый костюм обладает сложной символической системой, обусловленной его формой, цветом, стилем и составом. Костюм, по мнению М.И. Килошенко, отражает многие социо-культурные характеристики человека, к которым можно относятся классовая дифференциация, богатство, респектабельность, половая принадлежность, принадлежность к определенной идеологической группе, вкус человека, культурная принадлежность [4]. Однако, это далеко не полный перечень, поскольку одежда также отражает личностные особенности человека, его возраст, темперамент, коммуникативные качества и многое другое.

Е.А. Петровой было разработано психосемиотическое описание визуальных знаков костюма, включающее 185 знаков, которые подразделяются на знаки-симптомы, знаки-регуляторы, и знаки-информаторы:

- 1) знаки-симптомы состояния (радость, грусть, ностальгия, смелость и др.);
- 2) симптомы процессов (погруженность в себя, динамичность); модальные знаки-симптомы (сочувствие, уважение, официальность, традиционность)
- 3) знаки-регуляторы (фатические, конативные, завершающие, побудительные);
- 4) знаки-информаторы (принадлежность к определенной профессии, национальности, полу, возрасту и пр.) [5].

Рассмотрим, каким образом социально-демографические и личностные особенности представлены в костюме человека. Один из наиболее важных информативных признаков костюма является его указание на возраст владельца. До 19 века не существовало понятия детской одежды, как, впрочем, и понятия детства. В античном мире одежда была удобной для всех возрастных категорий, и поэтому там проблема детской одежды не возникала. Но в 16-17 веках детей заставляли носить туфли на каблуках, тугие корсеты такие же, как и у взрослых. После создания специальной детской одежды, ребенок стал проходить ряд возрастных этапов, пока достигал права на ношение взрослой одежды. Еще в начале XX века сохранялся обычай одевать мальчиков в платьице до 4-5 лет, и в короткие штанишки до школьного возраста.

В настоящее время проявилась тенденция носить молодежную одежду людьми, вышедшими из этого возраста, что связано со стремлением современных людей выглядеть энергичными и молодыми. Это проявляется в ношении одежды спортивного стиля или джинсовой одежды, а также в использовании облегающих или очень открытых моделей.

Второй важной характеристикой, проявляющейся в одежде, является пол. Для каждого человека очень важна идентификация с собственным полом, поэтому принадлежность к определенному полу в одежде более очевидна, чем принадлежность к определенной возрастной группе. Мужской и женский костюмы существенно различались во все времена и у всех народов по многим параметрам: силуэту, тканям, цветовой гамме, аксессуарам. Мужчины, как правило, носят одежду из более плотных и темных тканей, их костюмы имеют меньше украшений.

В середине двадцатого века наметилась тенденция к маскулинизации женского гардероба, которая к настоящему времени привела к захвату женщинами всех аксессуаров мужского костюма. В настоящее время появилась тенденция к феминизации мужской одежды. Это является отражением нарастающего либерализма в идентификации человека с представителями своего биологического пола, признанием прав сексуальных меньшинств на нетрадиционное оформление своей

внешности. Появилась также мода на унисекс, представляющую собой одежду, не имеющую признаков пола (кроссовки, джинсы, рубашки, куртки и пр.). Она наиболее популярна в молодежной среде, поскольку удобна и не требует тщательного ухода.

В зависимости от ситуации (деловое общение, отдых, домашнее общение) человек может подчеркивать свой пол или одеваться нейтрально. Большие возможности для этого имеют женщины, поскольку они прочно вторглись на мужскую территорию, завоевав право носить практически все виды мужской одежды, вплоть до военной формы. Женщина в мужском костюме давно ни у кого в европейских странах не вызывает удивления или смеха. Мужчина в женском одеянии вызывает смех. Если проанализировать одежду клоунов, то она представляет собой вариант детской одежды: банты, цветные рубашки, штаны на подтяжках. Смех вызывает одежда, не соответствующая размеру, возрасту, полу человека или ситуации. Интересно в этой связи отметить, что детская одежда ближе по фактуре, фасонам и расцветкам к женской одежде. Это связано с тем, что в 17-18 веках одежда девушек была близка к одежде детей, что подчеркивало их инфантильность и зависимость от мужчины.

Третьим фактором, существенно влияющим на стиль одежды, является национальная принадлежность ее владельца. Национальная одежда в каждой стране складывалась под влиянием ее климатических условий, экономических возможностей и культурных традиций. Благодаря культурному обмену модели одежды одних стран распространялись на другие страны, в результате чего их ассортимент расширялся и обогащался. В настоящее время национальная принадлежность мало прочитывается в европейской одежде, но до сих пор широко представлена в одежде жителей стран Азии и Африки, что свидетельствует об их большем консерватизме. Выражением национальных традиций является, так называемый, этнический стиль одежды, который основан на модифицированных элементах национальной одежды какого-либо народа. Периодически возникает мода на ношение элементов одежды какой-либо страны: мексиканского пончо, русских сапожек и шуб, американских кожаных жилетов, шотландских клетчатых юбок и т.д.

Высокий социальный статус владельца костюма представлен в основном через высокое качество одежды и сопутствующих аксессуаров, а также через силуэт, приближающийся к вытянутому прямоугольнику. Богатые мужчины в официальной обстановке обязаны носить дорогие часы, очки, иметь дорогую ручку. Хотя сейчас в силу демократизации общества может возникать и такая ситуация, когда человек со средним достатком носит дорогие вещи, а миллионер позволяет себе ходить в дешевой одежде.

Профессиональная принадлежность также находит выражение в стиле одежды ее владельца. Некоторые

профессии связаны с ношением рабочей униформы. Это в первую очередь относится к работникам сферы обслуживания (продавцам, официантам и пр.), и рассчитано на то, чтобы окружающие могли их отличать от клиентов. Форму также носят военные, полицейские, летчики, священнослужители, судьи. Ношение формы позволяет им демонстрировать свой особый статус во время исполнения своих служебных обязанностей, что облегчает их взаимодействие с людьми.

Кроме того, в каждой профессиональной среде существуют типичные виды одежды, которые закрепились традицией (например, свитер или джемпер у художников, классический костюм у чиновников). Иногда профессиональная принадлежность может быть представлена только отдельными элементами одежды (шапочки выпускников определенного вуза или значки).

Каждый костюм транслирует большое количество информации о своем владельце, независимо от того, осознает он эту информацию или нет. Человек при выборе одежды ориентируется на многие факторы, к числу которых относятся национальные и семейные традиции, мода, индивидуальные предпочтения, связанные со стратегиями общения.

Подводя итог рассмотрению роли оформления внешности в самовыражении личности, отметим, что костюм выполняет многие функции самовыражения. На первое место необходимо поставить идентификационную функцию, поскольку с помощью определенного костюма человек, прежде всего, стремится вписаться в определенную социокультурную среду. В зависимости от того, какую роль человек собирается выполнять в определенной ситуации, он облачается в соответствующий наряд. В данном случае он подобен актеру, который одевается в соответствии со своей ролью. Отсутствие достаточного набора одежды на разные случаи жизни может поставить человека в затруднительную ситуацию. Например, наши советские актеры часто рассказывали истории о добывании смокинга для церемонии получения премии на престижном зарубежном кинофестивале.

На второе место по значимости можно поставить функцию саморегуляции. Для тех людей, которые в одежде ценят, прежде всего, удобство, она может стоять на первом месте. Каждый человек мог заметить, что одежда заставляет вести себя в соответствии с ее назначением. Домашняя одежда расслабляет, официальная одежда заставляет подтянуться, нарядная одежда создает праздничный настрой. Человек с помощью одежды может существенно повлиять на свое настроение, собранность, самоощущение, создать у себя определенную установку на предстоящее взаимодействие.

На третье место по значимости можно поставить функцию регуляции межличностных отношений,

поскольку с помощью одежды человек может сигнализировать о своей закрытости или открытости, о стремлении доминировать или подчиняться, проявлять активность или быть пассивным. Е.А. Петрова выделяет отдельную категорию знаков-регуляторов, которые направлены на привлечение внимания окружающих, определение степени интимности общения, поддержание внимания собеседника, побудительные и запретительные сигналы. Конечно, далеко не всякий человек может владеть искусством управления окружающими через собственную одежду. Этим в гораздо большей степени владеют женщины, поскольку они менее прямолинейны в выражении чувств и более изобретательны в одежде.

В этой связи интересно отметить, что телесная открытость и психологическая открытость связаны между собой. Нетрудно заметить, что мода на протяжении всей ее истории предписывала обнажение женщины и глухую одежду для мужчин. Некоторые исследователи связывают это с проявлением мужского сексизма, поскольку моду творят мужчины. Аналогично можно проследить и большую психологическую открытость женщин по сравнению с мужчинами. В современном мире начинает возникать мода на обнажение мужчин, а также пересматриваются установки в воспитании мальчиков в сторону поощрения большего выражения своих чувств.

Каждый человек своим видом оказывает влияние на окружающих. Чем больше его авторитет, и чем удачнее он отражает себя в манере одеваться, тем большее число людей стремится ему подражать. Особенно это касается публичных людей, чей облик видят и обсуждают миллионы людей. Костюм больше, чем другие средства самовыражения, позволяет отобразить индивидуальность человека. Для этого не обязательно иметь много денег, достаточно иметь фантазию и стремление быть уникальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславский В.М. Оценка внешности человека: Словарь. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 254 с.
2. Бодалев А.А. Восприятие и понимание человека человеком. М.: изд-во МГУ, 1982. – 200 с.
3. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Агентство «Издательский сервис», 2000. – 232 с.
4. Килошенко М.И. Психология моды: теоретический и прикладной аспекты. СПб.: СПГУТ, 2001. – 192 с.
5. Петрова Е.А. Знаки общения. М.: изд-во ГНОМ и Д, 2001. – 256 с.
6. Попов С.В. Визуальное наблюдение. СПб.: изд-во «Речь», 2002. – 320 с.

ДИАГНОСТИКА ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ И КОГНИТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ С ПОМОЩЬЮ РИСУНОЧНЫХ ТЕСТОВ

Зинченко Е.В.

В данной статье в фокусе внимания автора оказывается психодиагностика эмоциональных и когнитивных особенностей личности с помощью рисуночного теста Сильвер и цветограммы «Моя жизнь».

Эмпирическим путем определены различия в эмоциональной и когнитивной сферах подростков и юношей, установлены половые различия по критерию гибкости мышления в юношеском возрасте. Выявлены значимые жизненные сферы подростков и юношей, которые подробно описаны с точки зрения их цветовых предпочтений и эмоционального отношения к ним.

В целом автор раскрывает широкие возможности применения арт-терапевтических методик для диагностики эмоциональных и когнитивных особенностей российских школьников разного возраста.

Ключевые слова: когнитивные и эмоциональные особенности, подростковый и юношеский возраст, рисуночный тест Сильвер, цветограмма, прогнозирование, воображение, творческое мышление.

Подростковый и юношеский возраст традиционно привлекают пристальное внимание психологов, так как в эти возрастные периоды происходят значимые психологические изменения, определяющие дальнейшее развитие личности; создаётся фундамент для последующего развития умений и навыков в тех видах деятельности, где эти знания становятся практически необходимыми. Остановимся на каждом из этих возрастных этапов подробнее.

Подростковый возраст характеризуется активным процессом познавательного развития личности. Механическая память постепенно уступает свои позиции логической, которая обретает все более крепкие связи с мышлением. Последнее развивается в сторону теоретизации и рефлексии. Происходит дальнейшая интеллектуализация восприятия. Развитие воображения тесно сплетается с общим интеллектуальным развитием личности. Сближение воображения с теоретическим мышлением даёт мощный толчок для развития и проявления креативности личности. Также воображение сближается с эмоциональными процессами, выполняя при этом компенсаторную функцию. В эмоциональном плане подростковый возраст отличается нестабильностью, доминированием негативных переживаний, которые актуализируют тревожность. Наиболее тревожны подростки в отношениях с одноклассниками и родителями, в то время как в общении с посторонними взрослыми и учителями их тревожность проявляется в меньшей степени [3, 5, 13, 14, 15].

Юношеский возраст отличается развитием умственных способностей, активностью и самостоятельностью мыслительной деятельности личности, стремлением к обобщению, поиску общих принципов и законов. По сравнению с подростками, для юношей характерна большая критичность мышления. В этом возрасте окончательно формируется теоретическое и словесно-логическое мышление. Наблюдается одновременная интеллектуализация всех познавательных процессов. Старшие школьники в большей степени способны к теоретическим рассуждениям и глубокому самоанализу [6]. Таким образом, ранний юношеский возраст сенситивен для развития разноплановых способностей, практическое использование которых ведёт к проявлению и усилению индивидуальных различий.

Юношеский возраст, как и подростковый, характеризуется эмоциональной напряжённостью. В этот период повышается уровень эмоциональной избирательности, происходит дифференциация по силе реактивности. Согласно имеющимся литературным данным, юношеский возраст отличается от подросткового большей дифференцированностью эмоциональных реакций и способов выражения своего эмоционального состояния, значительным повышением самоконтроля и саморегуляции. Личность в юношеском возрасте становится самостоятельной, способной принять ответственность за свои поступки, проанализировать собственный жизненный

путь и занять соответствующее место в социальной структуре [10, 11]. В этот возрастной период происходит переход от системы внешнего управления к самоуправлению, происходит осознание своей ценности как социального субъекта, утверждается нравственная самооценка, развиваются потребности в самовоспитании, самопознании и саморазвитии [6, 16]. Познавательные процессы при этом тесно связаны с эмоциями, поэтому часто эти две сферы рассматриваются специалистами-психологами в неразрывном единстве.

Некоторыми авторами отмечается, что в юношеском возрасте изменяется мотивационная структура общения. К аффективному компоненту добавляется гностический, представленный потребностью в информации о своей личности как субъекте общения и потребностью в информации о других людях [2]. Сильные эмоциональные реакции подростков и юношей обусловлены как происходящими в организме гормональными изменениями, так и социальными факторами и условиями воспитания.

Теоретический анализ работ, посвященных применению арт-терапевтических методик и техник к исследованию эмоциональных и когнитивных особенностей личности, позволяет сделать вывод о недостаточной изученности их применения на российской выборке подростков и юношей.

Целью нашего исследования стало изучение когнитивных и эмоциональных особенностей подростков и юношей. В качестве эмпирического объекта исследования выступили 80 человек: 40 подростков (возраст 11-14 лет) и 40 юношей (возраст 15-17 лет), учащихся школ г. Ростова-на-Дону и г. Азова.

Методический инструментарий был представлен следующими методиками: цветограммой «Моя жизнь» [9], рисуночным тестом Сильвер, состоящим из двух частей: а) задания на прогнозирование; б) задания на воображение (теста «Нарисуй историю») [1, 4, 7, 8, 12]. Задание на прогнозирование теста «Нарисуй историю» выявляет способность строить последовательности и представлять гипотетические ситуации. Оно измеряет представление респондента о горизонтальности, вертикальности и последовательности. Результаты оцениваются по 5-бальной шкале [12]. Задание на воображение теста «Нарисуй историю» оценивает способность испытуемого к решению концептуальных задач невербальными средствами, в том числе способность выбирать и комбинировать стимулы, представлять на их основе собственную историю. Оценка производится по нескольким позициям: способность выбирать (содержание рисунка), способность комбинировать (форма рисунка), способность представлять историю (творческий потенциал) и эмоциональное содержание рисунка. Для обработки полученных данных использовались

методы описательной математической статистики, корреляционный анализ.

Перейдём к описанию результатов. Первой задачей исследования стало выявление эмоциональных особенностей подростков. Оказалось, что 40% подростков в тесте «Нарисуй историю» выбрали для своих рисунков умеренно отрицательные темы (одиноких персонажей, запуганных или злящихся). Примерно такое же количество респондентов (42%) выбирали амбивалентные или нейтральные темы (включающие как положительный, так и отрицательный смысл). 10 % выбрали умеренно положительные темы (одиночных персонажей, изображённых счастливыми, но пассивными). 7.5% подростков изобразили деструктивные отношения или угнетённых персонажей. И только 0,5% изобразили персонажей, полных гармонии и положительных эмоций. Отсюда можно сделать вывод о доминировании у большинства подростков отрицательных эмоциональных состояний. Значимых различий между мальчиками и девочками по этому критерию не было выявлено.

Анализ данных, полученных с помощью цветограммы «Моя жизнь» (соотношение ширины нарисованных полос и цветовых предпочтений школьников в каждой сфере), позволил выяснить, что на первом месте у подростков находится «жизнь в школе», далее, по мере убывания значимости, идут «знакомые люди» (второе место), «жизнь дома» и «во дворе» (делят третье место) и затем, единым блоком, «друзья», «будущая жизнь», «идеальная жизнь» (делят четвёртое место). Таким образом, жизнь в школе наиболее значима для подростка по сравнению с другими сферами его жизни, в то время как его представления о будущем еще не оформлены.

Остановимся подробнее на выборе подростками цветов. Для отображения жизни в школе школьники использовали чаще всего синий, черный, коричневый и малиновый цвета. Красный цвет, связанный с реализацией витальных потребностей, в том числе агрессивных, оказался наименее предпочтительным. Выбор цвета сопровождался вербальными высказываниями о том, как нелегка школьная жизнь.

Жизнь дома преимущественно отразилась в красном, желтом и зелёном цветах. То есть, с одной стороны, в семье подросток получает поддержку, понимание, заботу и любовь. С другой стороны, семья так же становится сферой, где проявляются бурные эмоциональные реакции респондентов, характерные для кризиса подросткового возраста. Наименее предпочтительным оказался сиреневый цвет, связанный с переживанием новых форм опыта.

В сфере общения со знакомыми выбор подростков, участвующих в исследовании, был сделан в пользу красного и желтого цветов, остальные цвета представлены достаточно равномерно. Это сфера

оказалась яркой, полной впечатлений и эмоций, как и общение с друзьями, где предпочтительным оказался красный цвет.

Жизнь во дворе отражена в синем, зелёном, красном и малиновом цветах, будущая жизнь – зелёным и красным, идеальная – синим, а также жёлтым и малиновым. В целом можно сказать, что подросток ещё не задумывается серьёзно о перспективах собственной жизни, будущее для него пока размыто, четко не определено.

Жизнь в школе, согласно частоте выбора цветов, определенно выделяется из всех других жизненных сфер, что указывает на её значимость и особую роль. Другие сферы пересекаются и, скорее всего, ещё не совсем четко разделяются подростками в плане приоритетности и возможности эмоционального реагирования.

Смешение цветов использовали только некоторые подростки (10% от общего числа) применительно к семейной сфере, общению с друзьями и по отношению к будущей жизни. Это указывает на индивидуальные особенности восприятия, связанные с его постепенно нарастающей сложностью, неоднозначностью, амбивалентностью.

Ещё одним показателем при анализе полученных данных было использование одного цвета для обозначения разных сфер жизни. Оказалось, что 67% подростков выбирали одинаковые цвета для отражения разных сфер, что свидетельствует от слабой дифференцированности восприятия ими отдельных сторон собственной жизни. Так, 26 % подростков одинаково обозначили жизнь в школе, будущую и идеальную жизнь. Отсюда можно предположить, что знания, полученные в школе, являются для них основой будущего профессионального и личностного развития. 14,8% обозначили одним цветом сферу школы и общения с друзьями. Скорее всего, дружеское общение для них происходит преимущественно в школе. 11% одинаково обозначили будущую и идеальную жизнь, что указывает на некоторую идеализированность восприятия подростками своего будущего.

Вторая задача исследования заключалась в выявлении эмоциональных особенностей юношеского возраста. Согласно данным, полученным с помощью теста «Нарисуй историю», 55% юношей выбирают в своих рисунках преимущественно сюжеты на нейтральные темы, включающие как положительный, так и отрицательный смыслы. 16 % выбирают умеренно положительные темы, 12,5% – темы с выраженным положительным содержанием, где изображения персонажей выражают любовь и заботу. И в 14% рисунков присутствовало умеренно отрицательное содержание. Рисунки с выраженным отрицательным содержанием практически отсутствуют, что говорит, с одной стороны, о большей стабильности

эмоционального состояния юношей по сравнению с подростками. С другой стороны, эти данные могут свидетельствовать о большей ориентации юношей на социально принятые нормы, осуждающие проявление отрицательных эмоций.

Анализ результатов методики «Моя жизнь» у юношей проводился по тому же алгоритму, что и у подростков. Соотношение ширины полос показало, что на первом месте у респондентов этого возраста тоже находится жизнь в школе, которая продолжает занимать основную часть их жизни. Однако на второе место уже выходят будущая и идеальная жизнь. Скорее всего, это связано с происходящим профессиональным самоопределением, определением своих жизненных позиций и собственного места в социуме.

Далее, по мере убывания значимости, идут друзья, затем – знакомые и жизнь дома, которые занимают одинаковую позицию. Меньше всего представлена жизнь во дворе, которой уделяется все меньше внимания в связи с реализацией профессиональных устремлений и, возможно, в связи с элементарной нехваткой времени.

Анализ предпочтений цветов показал на доминирование в обозначении жизни в школе синего, затем красного, жёлтого и зелёного цветов. Это указывает на проявление в школе широкого спектра эмоций, активности, насыщенности общения. Для одних это уверенность и удовлетворённость, для других – неудовлетворённость, конфликтность.

В дружеской сфере на первое место вышли красный и желтый цвета. В сфере «знакомые» преобладает зелёный цвет, затем по значимости идут красный и малиновый. Жизнь во дворе представлена у юношей преимущественно зелёным цветом, в меньшей степени – жёлтым и синим.

Будущую жизнь юноши воспринимают в синем, зелёном и жёлтом цветах; идеальную – в жёлтом, синем и красном цветах (по мере убывания их предпочтительности).

Что касается сочетания цветов, то 30% юношей (по сравнению с 10% у подростков) прибегли к такому выбору. 41% из них подбирали таким образом цвет для обозначения жизни в школе, 33% – для обозначения идеальной жизни, 25% – жизни дома. Совпадение цветов в различных сферах наблюдалось в 65% случаев. 38% из них пришлось на идеальную и будущую жизнь. В остальных случаях были совпадения идеальной жизни и другими сферами (друзья, семья, знакомые).

Третьей нашей задачей стало выявление когнитивных особенностей подростков. Для её решения использовался анализ показателей по нескольким шкалам теста «Нарисуй историю»: «умение выбирать», «умение передавать историю», «умение комбинировать».

Так, по шкале «умение выбирать» 55% испытуемых не отобразили взаимодействие объектов. Это значит, что создание истории и её описание для этой группы респондентов было затруднено. В данном случае речь идет о перцептивном уровне выбора. У 30% респондентов рисунок отражает конкретные действия персонажей или предметов, что указывает на задействование ими функционального уровня. 10% подростков выбрали скорее описательный тип изображения, что характеризует концептуальный уровень. И только 2,5% обнаружили абстрактный уровень в выборе и изображении объектов и описании содержания рисунка.

Следующая используемая для решения данной задачи шкала – «умение передавать историю». Она помогает оценить уровень развития способности к игровым видам деятельности, к свободному обращению с идеями и понятиями. Рисунки, в которых проявляется оригинальность, выразительность, игровое начало, оцениваются высокими баллами.

Как оказалось, 47% подростков просто копировали стимульный материал, схематично изображая предметы и фигуры. Их мышление можно охарактеризовать как стереотипное. 35% старались не имитировать рисунок, но вложенная ими в рисунок идея могла быть отнесена к числу банальных. Только 10% испытуемых, чьи рисунки отличаются оригинальностью и выразительностью, смогли проявить креативность.

По шкале «умение комбинировать», которая позволяет оценить способность в восприятии и представлению предметов на основе их объединения в единую систему. 62,5% респондентов изобразили персонажей с предметами, которые «плавают» в пространстве и связаны скорее близостью, а не расположением на одной линии. 25% подростков попытались отразить связь между персонажами, включить их в какое-то взаимодействие. Только 5% подростков предложили в своих рисунках основание. Следовательно, мышление в подростковом возрасте скорее стереотипно, чем креативно. Выбор способов деятельности отличается примитивностью.

Четвертая задача нашего исследования предполагала выявление когнитивных особенностей юношества. По шкале «умение выбирать» были получены такие данные: 37,5% юношей представили рисунок, отражающий персонажей, исполняющих какие-либо действия; 37,2% юношей представили описательные рисунки, 16% – абстрактные.

По шкале «умение передавать историю» результаты показали, что 25% рисунков получили максимальный балл и 25% – приближенный к максимальному. Это свидетельствует о высокой оригинальности, выразительности рисунков и рассказов, содержания в них скрытого смысла, использовании метафор, шуток, сатиры. 20% юношей представили рисунки, которые

усложняли стимульный материал и 10% – рисунки, имитирующие стимульный материал.

По шкале «умение комбинировать» сложилась следующая картина: 35% юношей попытались отразить связь персонажей в рисунке, но сделали они это, скорее, на схематичном уровне. Около 15% респондентов представили рисунки с большой пустой территорией, были попытки изобразить в рисунке глубину. 10% участников исследования показали полную взаимосвязь объектов с изображением глубины пространства или же серии связанных между собой единой идеей рисунков.

Были выявлены и половые различия по данным показателям. Выяснилось, что девушки демонстрируют более гибкое мышление, чем юноши.

Применение рисуночных техник для диагностики когнитивных и эмоциональных особенностей подросткового и юношеского возраста оказалось, на наш взгляд, очень плодотворным и информативным, что позволило нам сделать следующие общие выводы:

1. Подростки проявляют большую эмоциональную нестабильность, чем юноши. При этом негативные эмоции в подростковом возрасте преобладают над позитивными. Юноши проявляют меньшую агрессивность, они в большей степени, чем подростки, способны к саморегуляции своего эмоционального состояния.

2. Самой значимой и эмоционально насыщенной жизненной сферой, как у подростков, так и у юношей является жизнь в школе. Следующей по значимости для подростков является жизнь дома, а для юношей – будущая и идеальная жизнь, что обусловлено их самоопределением и профессиональным становлением.

3. Восприятие юношей имеет тенденцию к усилению сложности и дифференцированности по сравнению с восприятием подростков.

4. В рисунках юношей представлены оригинальные идеи, выражена богатая фантазия, проявляется творческое мышление, в то время как рисунки подростков более стереотипны, выполнены с минимальными творческими проявлениями.

Полученные результаты и сделанные выводы указывают на возможность более широкого применения рисуночных тестов и арт-терапевтических техник, позволяющих снизить контроль сознания, в целях диагностики эмоциональной и когнитивной сфер школьников различного возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллесандрине К., Дуарто Х., Дуглас М., Бианко М. Рисуночный тест Сильвер: результаты стандартизации в Бразилии // Международный журнал арт-терапии «Исцеляющее искусство». 2001. – Т.4. №1. – С. 22-43.

2. Аникеева Н.П. Развитие потребности в общении – одна из важнейших задач формирования личности // Формирование потребности личности в общении / Под ред. Н.П. Аникеевой. – Новосибирск: НГПИ, 1981. – С. 18-28.
3. Анн Л. Психологический тренинг с подростками. СПб.: Питер, 2003.
4. Ирвуд Ч., Федорко М., Хольцман Э., Монтанари Л., Сильвер Р. Диагностика агрессивности на основе использования теста «Нарисуй историю» // Международный журнал арт-терапии «Исцеляющее искусство». 2004. – Т.7. №3. – С. 51-64.
5. Колесов Д.В. Современный подросток (взросление и пол). – М: Флинта, 2003.
6. Кон И.С. Психология ранней юности. М.: Просвещение, 1991.
7. Копытин А. Стандартизация Рисуночного теста Сильвер в России и проблема изучения культурно зависимых и культурно независимых переменных графической продукции // Международный журнал арт-терапии «Исцеляющее искусство». 2001. – Т.4. №3. – С. 23-46.
8. Копытин А.И. Тест «Нарисуй историю»: учебно-методическое пособие. СПб.: Речь, 2003.
9. Оздоровление детей – жертв военных конфликтов. Опыт работы Ростовского регионального общественного движения пострадавших в чеченском конфликте / Авторы-составители: В. Катрецкий, Т. Валитова, И. Куклеева и др. Ростов-на-Дону: ООО «Талер», 2000.
10. Поварицына Л.А. К исследованию трудностей общения у студентов // Проблемы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности в её онтогенезе / Под ред. В.С. Мухиной. – М., 1986. – С. 130-139.
11. Поварицына Л.А. Проблемы общения в студенческом возрасте // Проблемы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности в её онтогенезе / Под ред. В.С. Мухиной. – М., 1986. – С. 99-107.
12. Сильвер Р.А., Копытин А.И. Рисуночный тест Сильвер и его стандартизации в России. Методическое руководство. Ч.2. – СПб.: Скифия, 2001.
13. Фролов Ю.И. Психология подростка. Хрестоматия. – М.: Российское педагогическое агентство, 1997.
14. Хухлаева О.В. Психология подростка. – М. Академия, 2004.
15. Чередникова Т.В. Психодинамические нарушения интеллектуального развития у детей и подростков. Методика «Цветограмма». СПб.: Речь, 2004.
16. Чеснокова И.И. О сензитивности самосознания личности // Активизация личности в системе общественных отношений. – М., 1989. – С. 106-107.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АРТ-ТЕРАПИИ В КОРРЕКЦИИ ТРЕВОЖНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Зинченко Е.В.

В статье поднимается проблема повышенной тревожности младших школьников, подчеркивается важность и актуальность ее решения в условиях современности.

Приведены данные психодиагностического исследования тревожности с помощью комплексного методического инструментария, включившего как традиционные опросники и проективные тесты, так и новые арт-терапевтические методики.

Описаны результаты применения арт-терапии к работе с группой младших школьников с повышенной тревожностью. На основе субъективных самоотчетов школьников, данных экспертов (учителей) и многократных объективных замеров, делается вывод об эффективности применения арт-терапевтического подхода в работе с тревожностью.

Ключевые слова: *тревожность, страхи, посттравматические нарушения, арт-терапевтическая диагностика, рисуночный тест, групповая арт-терапия, динамика эмоционального состояния.*

Современная арт-терапия в России представляет собой стремительно развивающееся и имеющее значительные перспективы направление практической психологической работы, включающее большое многообразие подходов, в основе которых лежит применение творческой деятельности, в том числе изобразительной [10]. К арт-терапевтическим техникам активно обращаются психологи, врачи, социальные работники, художники. Сфера применения арт-терапевтического подхода в психологии и педагогике постоянно расширяется, что обусловлено полифункциональностью и широкими возможностями арт-терапии. Особую распространенность арт-терапевтические технологии получили в работе с детьми разного возраста [9], в том числе с детьми, имеющими разного рода психологические проблемы.

Одной из серьёзных психологических проблем младшего школьного возраста, согласно имеющимся литературным данным, является проблема тревожности. Ф.Б. Березин рассматривает тревожность как сложное, комплексное состояние, имеющее разнообразные проявления. Он описывает так называемый тревожный ряд, включающий несколько аффективных феноменов, сменяющих друг друга в определённой последовательности по мере нарастания тревоги: ощущение внутренней напряженности, гиперестезические реакции, собственно тревога

как центральный элемент рассматриваемого ряда, страх, ощущение неотвратимости надвигающейся катастрофы, тревожно-боязливое возбуждение [2]. По данным психологов, уровень тревоги субъекта всегда должен соответствовать требованиям ситуации. Тревога, неадекватная ситуации по своей силе и длительности, нарушает адаптивное поведение личности, приводит к накоплению стрессового напряжения, его хронификации, возникновению психосоматических расстройств [7].

Тревожность младших школьников определяется чрезмерным беспокойством, чувством беспомощности, повышенными требованиями к себе, самокритичностью, низкой самооценкой, выраженной потребностью в поощрении и одобрении взрослых. В подобных ситуациях для детей этого возраста характерно возникновение конверсионного синдрома, проявляющегося как ощущение сухости во рту, комка в горле, слабости в ногах, учащенного сердцебиения. Ребёнок с повышенным уровнем тревожности скован, напряжён, пуглив. Подавляющее большинство ситуаций вызывает у него страх [по 4]. Это состояние мешает сосредоточиться и проявить свои способности в учёбе, то есть оно полностью дезорганизует учебную деятельность.

Следует отметить, что одной из важных особенностей младшего школьного возраста является высокая значимость учебной деятельности и ситуации

школьного обучения. Так, исследования А.А. Алхазивили и Н.В. Имедадзе, проведённые около 40 лет назад, показали, что уровень учебной деятельности у детей из экспериментальных классов, в которых обучение было направлено на формирование внутренних мотивов обучения, существенно ниже, чем в контрольных классах, где у учащихся преобладали внешние социальные мотивы [1]. Причем, по данным этих исследователей, у значительной части детей контрольной группы учебная тревожность распространяется и на ряд других ситуаций, что определяет её проявление уже вне зависимости от неблагоприятного опыта учебной деятельности младшего школьника.

Е.В. Логутова, Н.В. Москвина, В.А. Москвина установили, что детей с высоким уровнем ситуативной тревожности гораздо больше, чем детей с высоким уровнем личностной тревожности. Это позволило авторам сделать вывод о том, что сама школа, учебные занятия, ситуации проверки знаний могут являться для школьников стрессовыми, что ведёт к росту тревожности [по 12].

О.С. Лямкина и Т.В. Ветер выделили несколько факторов, вызывающих состояние стресса и тревожности у младших школьников: а) факторы учебной деятельности (страх самовыражения, ситуация проверки знаний); б) факторы, обусловленные наличием социально-психологического и педагогического взаимодействия ребёнка и среды (страх не соответствовать ожиданиям окружающих, страх быть отвергнутым сверстниками, проблемы в отношениях с учителями); в) факторы личностного характера (иерархия мотивов, установки личности по отношению к себе и окружающим, интеллектуальный потенциал, опыт; г) факторы, обусловленные условиями жизни и быта ребёнка (напряжённые отношения в семье, особенности воспитания и др.) [13].

Г. Миллер провел категоризацию страхов 7-12-летних детей, сведя их к 4 базовым: страх физического повреждения и разлучения, страх естественных природных явлений, животных и др., социальная тревожность и смешанная группа [по 5]. Похожую работу проделала Т.Н. Васильева на российской выборке младших школьников. Согласно её данным, ведущим страхом в этом возрастном периоде является страх смерти, затем, по мере убывания, идут страх стихии, страх наказания. В качестве повода для наказания дети рассматривают свои неуспехи в школе, плохие отметки. Причём некоторые боятся лишь проявления недовольства со стороны родителей, другие же – реального физического наказания с их стороны. Обозначен и страх несоответствия предъявляемым требованиям, что указывает на значимость социальной активности, упрочение чувства ответственности, долга, обязанности [3].

А.М. Прихожан было установлено, что пики тревожности в разные годы указывают на те потребности, удовлетворение которых наиболее значимо для благополучия детей. Согласно полученным этим автором данным, в конце 90-х годов произошло увеличение числа страхов у школьников всех возрастов по сравнению с 70ми – 80ми годами, в которых классические страхи возникали в разное время у девочек (10-11 лет) и мальчиков (12-13 лет) [16]. Школьные страхи современных школьников стали более разнообразными по своему содержанию. Увеличивается выраженность «архаических» (страх высоты, темноты, крови, некоторых животных и пр.) и «магических» страхов.

Описанные выше исследования разных авторов приводят нас к выводу о том, что проблема тревожности младших школьников продолжает оставаться достаточно актуальной. Поэтому именно к ней мы и решили обратиться в нашей работе, применив для её решения арт-терапевтический подход.

Целью исследования явилось выяснение возможностей групповой арт-терапии в коррекции тревожности младших школьников. На его первом, диагностическом, этапе было опрошено 97 учащихся начальной школы г. Ростова-на-Дону (50 мальчиков и 47 девочек, обучающихся в третьих и четвёртых классах общеобразовательных школ) с применением опросников и проективных тестов, а также арт-терапевтической диагностики.

Для решения задачи диагностики тревожности использовался следующий методический инструментарий: опросник школьной тревожности Филлипса, методика неоконченных предложений [8], Шкала индекса ПТСР Пинуса [17], тест «Нарисуй историю» А.И. Копытина [6, 11] и цветограмма «Моя жизнь» [14]. Для обработки полученных результатов применялись методы математической статистики (описательная статистика, корреляционный анализ Спирмена, критерий Фишера).

По результатам диагностики была выделена экспериментальная группа, в которую вошли 12 школьников с повышенными показателями тревожности по всем методикам. Для работы с ними была разработана специальная программа групповых арт-терапевтических занятий, направленная на снижение тревожности. Программа была рассчитана на 20 часов (10 занятий по 2 часа).

Арт-терапевтическая программа состояла из трёх частей: 1) подготовительной – предполагающей диагностику эмоционального состояния младших школьников, проведение упражнений на создание атмосферы безопасности и доверия в группе; 2) основной включающей проведение арт-терапевтических занятий, ориентированных на снижение тревожности, отреагирование отрицательных

эмоциональных переживаний, повышение самооценки; 3) заключительной – предполагающей диагностику изменений эмоционального состояния и уровня тревожности школьников и подведение общих итогов работы.

В течение всего проведения коррекционной программы, в начале и конце каждого занятия, проводилась диагностика эмоционального состояния детей с помощью следующей процедуры: схематически они отражали свое настроение в виде различного положения рта на лицах. При этом улыбка соответствовала хорошему настроению, ровная линия – нейтральному, а опущенные вниз уголки рта свидетельствовали о плохом настроении ребёнка [14]. Также для диагностики изменения эмоционального состояния детей и выявления тревожности в разных сферах жизни трёхкратно проводилась цветограмма «Моя жизнь» [там же]. Через месяц после окончания коррекционной программы проводилось ретестирование её участников с помощью методик, применявшихся на первом этапе исследования.

Полученные результаты показали, что у 41% детей присутствуют отдельные симптомы посттравматических нарушений. При этом слабая степень выраженности таких нарушений диагностируется у 25% детей, средняя – у 10% и сильная – у 6%. При описании стрессовых ситуаций, которые могли вызвать такие последствия, 35% детей описали ситуации социального взаимодействия, в том числе связанные с применением физического или психологического насилия со стороны сверстников (ссоры, драки, издевательства, предательство). 34% детей указали на ситуации, связанные с опасностью для жизни или связанные с физическими травмами. 8% ситуаций оказались связанными с учебной деятельностью (пругала учительница, получил двойку и др.). По 6% пришлось на ситуации, связанные со смертью близких или же незнакомых людей. 3% были связаны с проблемами социально-психологической адаптации (переход в новую школу). У 14% школьников описание стрессовых событий вызвало значительные затруднения. При этом различия между мальчиками и девочками оказались статистически не значимыми.

Результаты подтверждают имеющиеся в литературе сведения о выраженности страха смерти, страха болезни у младших школьников, о выраженности у них социальной тревожности, а также о высокой значимости для этой возрастной группы ситуаций повседневного школьного взаимодействия.

Применение методики Филлипса показало, что у 35% школьников тревожность повышена. Из них 4% проявили высокую тревожность. При этом, по данному тесту, у девочек в среднем проявляется более выраженная тенденция к повышенной тревожности (21%), чем у мальчиков (14%), что может быть

объяснено большей чувствительностью девочек к социальной оценке, особенно исходящей от значимых взрослых людей.

В результате анализа незаконченных предложений нами было выяснено, что 38% ответов младших школьников связано с отрицательными эмоциями, вызванными наличием каких-либо проблем в школе. При этом в окончаниях 25% предложений присутствуют различные страхи, тревога. В окончании 6% из них – грусть, 3% – неприязнь, 1,5% – злость. Только 8% окончаний связаны с положительными эмоциями. В целом у 24% детей диагностируется наличие страхов, тревожности и других проблем эмоциональной сферы.

Результаты рисуночного теста тест «Нарисуй историю» оказались аналогичными. Согласно им, у 38% детей преобладают рисунки с выраженным отрицательным содержанием. При этом 14% обладают выраженным отрицательным содержанием, 24% – умеренно отрицательным. 30% рисунков имеют нейтральное или же амбивалентное эмоциональное содержание. На рисунки с положительным эмоциональным содержанием приходится 32% от общего числа. Из них 7% рисунков с выраженным положительным содержанием, 25% – умеренно положительным. Средний балл, присвоенный респондентам за выполнение теста, оказался равен 2,89, что полностью совпало с нормативными показателями для испытуемых 9-10 лет, приводимыми А.И. Копытиным [10].

Данные указывают на наличие неблагоприятного эмоционального состояния, связанного с тревогой и страхами, у достаточно большого числа обследованных респондентов.

Анализ данных, полученных с помощью цветограммы «Моя жизнь», показал, что у 17% школьников наблюдаются эмоциональные проблемы в разных сферах жизни. При этом у 8% они связаны со сферой семьи, у 7% – с жизнью в школе, у 2% – со знакомыми людьми, у 15% – с жизнью во дворе, у 1% – со сферой будущей жизни. Оказалось, что в большинстве случаев можно проследить связь между наличием эмоциональных проблем в определённой сфере жизни ребёнка и описанной им стрессовой (травматической) ситуацией. Другими словами, дети описывали ситуации, связанные именно с той сферой жизни, в которой по цветограмме доминировали неблагоприятные цвета. Это позволяет нам говорить об адекватности применения цветограммы в комплексе методик для исследования постстрессовых расстройств.

Далее мы провели сопоставление выбора предпочитаемых младшими школьниками цветов в определённой сфере их жизни с цветовым континуумом, разработанным Ч.А. Измайловым [по 15]. Такое сопоставление позволило сделать предварительные выводы о том, что с жизнью дома у детей связан

большой спектр эмоций, включающий спокойствие, удовлетворение, удивление, интерес, воодушевление, радость, веселье, восторг, обиду, раздражение, гнев, возмущение, стыд. Заметим, что выраженными оказались как положительные, так и отрицательные эмоции, хотя первые заметно преобладают. Со знакомыми людьми школьников связывают такой же спектр эмоций, что и с жизнью дома, то есть для них эти сферы связаны или пересекаются.

Для сферы «жизнь во дворе» для школьников характерны интерес, удивление, удовлетворение, спокойствие, печаль, тоска. Мы видим, что здесь представлено меньшее разнообразие эмоций. Это указывает на то, что данная сфера, видимо, ещё не столь значима в этом возрасте, хотя, как и предыдущие сферы, она уже может способствовать удовлетворению познавательных потребностей младшего школьника.

Жизнь в школе оказалась представлена широким спектром эмоций: печалью, тоской, отвращением, разочарованием, сомнением, тревогой, страхом, ненавистью. Мы видим, что все обозначенные эмоции негативно окрашены, что указывает на наличие серьёзных проблем, касающихся школьного обучения и воспитания.

Будущая жизнь насыщена, по представлениям школьников, следующими эмоциями: воодушевление, радость, веселье, восторг, обида, раздражение, гнев, возмущение, стыд, тревога, страх, ненависть. То есть, будущее воспринимается неоднозначно и пересекается с какой-то из перечисленных выше сфер в плане переживания эмоций.

Таким образом, жизнь дома и в школе – наиболее значимые для младшего школьника сферы – противопоставляются друг другу по цветовому спектру, при этом в школе многие дети переживают тревожные состояния, чувствуют себя некомфортно.

Половых различий в полученных результатах не было выявлено. Корреляционный анализ Спирмена, применённый к полученным данным, позволил установить наличие связей между показателями тревожности по всем используемым методикам, что вполне оправдывает их применение в качестве единого диагностического комплекса.

На втором этапе исследования мы также применяли цветограмму «Моя жизнь» для выявления динамики эмоционального состояния школьников из экспериментальной группы. Второй замер проводился на шестом занятии. По его результатам, у одного ребёнка состояние улучшилось, у трёх – ухудшилось (что мы связываем с актуализацией и проработкой в середине арт-терапевтической сессии стрессовых ситуаций), у восьми – осталось прежним.

Третий замер, проведённый в конце групповых арт-терапевтических занятий, показал улучшение

эмоционального состояния у девяти респондентов, сохранение прежнего – у двух и ухудшение – у одного (в последнем случае ухудшение состояния было вызвано сложившейся на тот момент объективной неблагоприятной ситуацией в школе). По критерию Фишера нами были сопоставлены результаты проведённых замеров, что позволило выявить статистически достоверные различия между ними.

Привлечение учителей (классных руководителей) в качестве сторонних наблюдателей, которые могли фиксировать произошедшие изменения в поведении учащихся, показало, что у 6 из 12 человек (50%) заметны позитивные изменения на поведенческом уровне. Четверо из них демонстрируют большую уверенность в себе, у двоих снизился уровень проявляемой агрессивности, появилась большая склонность к сотрудничеству со сверстниками.

Результаты проведения повторной диагностики через три недели после занятий показали снижение уровня тревожности, выявляемого с помощью опросников, по сравнению с первоначальным (различия статистически значимы), уменьшение числа рисунков с отрицательным эмоциональным содержанием и увеличение – с положительным (по тесту «Нарисуй историю»). По методике незаконченных предложений также обнаружилось изменение в сторону уменьшения количества предложений с отрицательным эмоциональным содержанием. Это позволяет нам говорить о том, что у детей из экспериментальной группы снизился уровень тревожности. Данные самоотчетов детей также указывают на то, что большинство школьников, участников занятий, отмечают позитивные изменения в своей жизни, в том числе касающиеся и снижения тревожности.

Итак, проведённая нами работа позволяет сделать следующие выводы:

1. Проблема тревожности остаётся весьма актуальной для современной начальной школы и требующей своего решения со стороны психологов и педагогов.

2. Сфера школьной жизни характеризуется существенным преобладанием отрицательных эмоций.

3. Некоторые события повседневной школьной жизни являются для младших школьников высоко стрессовыми, травматичными, что приводит к нарастанию у них тревожного напряжения.

4. Половые различия в переживании травмирующих ситуаций у младших школьников не выражены.

5. Групповые арт-терапевтические занятия способствуют снижению исходного уровня тревожности младших школьников, о чем свидетельствуют как объективные, так и субъективные данные (мнение экспертов и самоотчёты).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алхазишвили А.А., Имедадзе Н.В. Исследование уровня тревожности в экспериментальном и обычном классах // Экспериментальные исследования по проблемам перестройки начального обучения. – Тбилиси, 1969.
2. Березин В.Ф. Психическая адаптация и тревога / Психические состояния. Хрестоматия. – СПб.: Питер, 2000. С. 219-229.
3. Васильева Т.Н. Психологическая и социологическая служба в школе. Чего боятся младшие школьники // Образование. – 2001. № 6.
4. Дусавицкий А.К. Зависимость между интересом и тревожностью в учебной деятельности младших школьников // Вопр. Психологии. 1982. № 3.
5. Жигарькова О.П. Время тревожных детей // Мы и мир. Психологическая газета. 2001. №1.
6. Ирвуд Ч., Федорко М., Хольцман Э., Монтанари Л., Сильвер Р. Диагностика агрессивности на основе использования теста «Нарисуй историю» // Международный журнал арт-терапии «Исцеляющее искусство». 2004. – Т.7. №3. – С. 51-64.
7. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб.: Речь, 2005.
8. Казачкова В.Г. Метод незаконченных предложений при изучении отношений личности // Вопросы психологии. 1989. №3.
9. Киселёва М.В. Арт-терапия в работе с детьми. СПб.: Речь, 2006.
10. Копытин А.И. Теория и практика арт-терапии. – СПб.: Питер, 2002.
11. Копытин А.И. Тест «Нарисуй историю»: учебно-методическое пособие. СПб.: Речь, 2003.
12. Лебединский В.В., Никольская О.С. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция. М.:МГУ, 1990.
13. Лямкина О.С., Ветер Т.В. Стресс в школьной жизни // Образование в современной школе. 2003. № 3.
14. Оздоровление детей – жертв военных конфликтов. Опыт работы Ростовского регионального общественного движения пострадавших в чеченском конфликте / Авторы-составители: В. Катрецкий, Т. Валитова, И. Куклеева и др. Ростов-на-Дону: ООО «Талер», 2000.
15. Орехова О.А. Цветовая диагностика эмоций ребёнка. СПб.: Речь, 2002.
16. Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. – М.-Воронеж: ЮНИТИ, 2000.
17. Хусейн С.А., Холкомб В.Р. Руководство по лечению психологической травмы у детей и подростков. М.:«Сострадание», 1997.

ДИАГНОСТИКА МОТИВАЦИОННО-ДИНАМИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТНОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И САМОРЕГУЛЯЦИИ

Кадыкина Н.М.

Смысловая реальность обнаруживает себя во многих разных формах и не может быть сведена к однопорядковым структурам; соответственно, для анализа разных ее аспектов требуются разные методы и методологические подходы. Ни один метод или методологический подход не может охватить смысловую реальность в целом, поэтому ее эмпирическое исследование требует применения комплексной исследовательской стратегии и разных, дополняющих друг друга, методов и подходов. Диагностика мотивационно-динамических характеристик саморегуляции возможна через выявление смысловых отношений, возникающие у человека в профессиональной деятельности и по характеру присущи самой деятельности, поскольку для понимания целей деятельности, их действительного источника и смысла необходимо обратиться к исследованию самого процесса целеполагающей, а в нашем случае саморегулирующей деятельности.

Ключевые слова: смысловая сфера, содержательные и динамические характеристики смысловой сферы личности, смыслообразующая и стимульная мотивация, личностная устойчивость, смысловая саморегуляция.

Проблема смысловой саморегуляции и личностной устойчивости в современной психологической науке выводится с уровня «призвупции изначально заданной и неизменной цели» (Леонтьев Д.А., 1999), выступающей зачастую в теории основанием для саморегуляции, с уровня ее объективно-информационной основы, и рассматривается теперь в контексте реальной жизнедеятельности (в том числе и той ее части, которую составляет профессиональное пространство), включающий поиск, выбор и смену целей, а также их отсутствие, учитывая фактор значимости во всех звеньях регуляторных процессов. Единая направленность всех элементов и процессов системы саморегуляции является функциональной необходимостью и предполагает иерархическую организацию соответствующих элементов и процессов – дифференциацию высших и низших уровней организации, при котором высшие задают критерии для низших. Сама же иерархия, по мнению Д.А. Леонтьева (2006) может обладать разной степенью «жесткости» в зависимости от единичности или множественности высших регуляторных критериев.

Широкий круг детерминант поведения человека, составляющий содержание мотивации, делится, согласно концепции А.Н. Леонтьева, на два больших класса: мотивы-стимулы и смыслообразующие мотивы. Изучение мотивации с точки зрения стимулирующего воздействия на поведение человека

разнообразного круга предметов и явлений окружающей действительности легло в основу большого числа исследований, посвященных изучению ценностных ориентаций.

Исследование смыслообразующей мотивации не нашло широкого применения в прикладных отраслях общей психологии, в частности для использования в процессе выявления профессиональных особенностей и специфики профессиональной мотивации, в том числе и в рамках юридической психологии. Однако ряд диагностических методик все таки претендуют на этот аспект эмпирических исследований. Они исходят из положения о том, что понятие «смыслообразующий мотив» самым тесным образом связано с понятием «отношение». А.Н. Леонтьев подчеркивал, что смысл не существует без значения, «он как бы принадлежит самому переживаемому содержанию, кажется входящим в значение» [16, с. 278]. Однако при этом он отмечал, что смысл и значение имеют разную основу, разную природу, разное происхождение и изменяются по разным законам. «Смысл отнюдь не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения» [16, с. 278]. «Развитие смыслов – это продукт развития мотивов деятельности, развитие же самих мотивов деятельности определяется развитием реальных отношений человека к миру, обусловленных объективно-историческими условиями его жизни» [16, с. 280].

Следовательно, определение смыслообразующих мотивов должно быть основано на понимании мотива как «реального отношения к миру». Задача выделения и классификации реальных отношений человека к миру представляется чрезвычайно сложной, требующей создания специальных моделей. Однако выделение основных типов отношений, возникающей у человека в профессиональной деятельности, как будет показано далее, представляется задачей, решение которой возможно осуществлять как «отношение мотива к цели». Исходя из предложенной формулы, мотив может быть определен как «психологическое произведение» смысла и цели или короче, как смысл цели. Если основной характеристикой цели является предметность, то что характеризует смысл? Как уже было сказано содержание смысла надо искать в отношении, в отношении человека с окружающим миром. Но что составляет специфику смысловых отношений? Для решения этого вопроса обратимся снова к концепции А.Н. Леонтьева. Определение «смысл есть отношение мотива к цели» мы могли бы переформулировать и так, что смысл есть отношение цели к цели. Но такая переформулировка не сводится к оценочному отношению типа: «хуже-лучше», «нравится-не нравится». Смысловое отношение не есть отношение предметов предметности, одно из которых оценивается выше, а другое ниже, фиксирующее положительное или отрицательное эмоциональное отношение данного человека к тому или иному предмету или явлению. На этот факт указывал А.Н. Леонтьев, в концепции которого личностный смысл не отождествляется с эмоциональным переживанием и не исчерпывается им [16, с. 202-205]. Специфика этого типа отношения состоит в разделении между элементами отношения двух функций: средства и цели. Осознание различия этих функций между двумя элементами, предметами предметности, рождает смысловое отношение.

В определении Л.И. Божович, смысловое понимание мотива противопоставляется предметному его пониманию. Мотив определяется как «то, ради чего осуществляется деятельность в отличие от цели, на которую эта деятельность направлена» [3, с. 201]. Такое противопоставление смысловой и предметной сторон мотивации представляет интерес не только как факт дискуссии для ученых. По мнению И.Г. Кокурина [12], само это противопоставление содержит интересную научную проблему адекватности предметного содержания целей, которую человек ставит перед собой, смыслы, которые он извлекает или приписывает этим целям. А.Н. Леонтьев по этому поводу писал: «личностные смыслы, отражающие мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями человека, могут не найти адекватно

воплощающих их объективных значений, и тогда они начинают жить как бы не в своих одеждах» [16, с. 154].

Исследование этого соотношения представляет собой важнейший аспект в изучении мотивационных механизмов в том числе и профессиональной деятельности. Необходимый этап в решении этой проблемы состоит, в частности, в выделении основных типов смысловых отношений, возникающих в процессе профессиональной деятельности. Выделение таких отношений послужит основой для построения классификации смыслообразующих мотивов трудовой и профессиональной деятельности.

Смысловые отношения, возникающие у человека в профессиональной деятельности, по-видимому, должны быть присущи самой деятельности, поскольку для понимания целей деятельности, их действительного источника и смысла необходимо обратиться к исследованию самого процесса целеполагающей, а в нашем случае (с учетом ракурса настоящего исследования) саморегулирующей деятельности.

В процессе выявления особенностей профессиональной мотивации нотариусов, мы воспользовались классификацией смыслообразующих мотивов трудовой деятельности, разработанной И.Г. Кокуриной, на основе деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, согласно которой, одна деятельность отличается от другой не спецификой операций и действий, но мотивами деятельности. Следовательно, классификации деятельностей должна соответствовать классификация мотивов деятельности. Формально-логическая процедура вычленения отдельных видов деятельности с помощью смыслового отношения состоит в том, что каждый из трех основных механизмов деятельности (преобразование, потребление и опосредующее движение) приписывается либо функции цели, либо функции средства. Все возможные варианты смысловых отношений, возникающих между тремя элементами деятельности (варианты, когда все три элемента выполняют одинаковую функцию, не рассматриваются, так как при этом теряется смысловое отношение «цели-средства»), описывают следующие шесть форм целесообразной активности, входящие одновременно в единый процесс деятельности:

Виды деятельности	Элементы структуры деятельности		
	Субъект 1	Субъект 2	Субъект 3
Преобразовательная	средство	средство	цель
Коммуникативная	средство	цель	средство
Утилитарная	цель	средство	средство
Кооперативная	средства	цель	цель
Конкурентная	цель	цель	средство
Достижения	цель	средство	цель

Каждому виду деятельности соответствует аналогичный смыслообразующий мотив, это означает соответствие между деятельностными и смыслообразующими мотивами и вытекает из понимания А.Н. Леонтьевым сущности деятельности как мотивационного образования. Специфика выделяемых видов смыслообразующих мотивов, как видно из вышеприведенной таблицы, обусловлена, с одной стороны, смысловым отношением, возникающим между элементами структурной деятельности, а, с другой – содержанием самих элементов. Прежде чем давать содержательную характеристику каждому виду смыслообразующих мотивов, остановимся на анализе самих элементов, составляющих структуру совместной деятельности. Характеристика этих элементов, как мы покажем далее, самым тесным образом связана с такими свойствами мотивации, как ее активный и пассивный характер.

Проблема активности мотивации относится даже в настоящий период развития психологии, дискуссионной, так как есть точка зрения, что нельзя говорить об активной мотивации в силу того, что потребность существует как активное отношение или не существует вообще, и есть другая точка зрения, согласно которой потребность может носить как активный, так и пассивный характер (И.И. Никитина, 1979; С.Л. Рубинштейн, 1957). Некоторые авторы связывают активность деятельности и мотивации с предметно-преобразовательным отношением человека к действительности, причем одни видят в этом отношении свойство активности (Г.С. Батищев, 1969), а другие наоборот, свойство пассивности, в смысле подчиненности субъекта логике объекта, логике внешней ситуации (В.В. Давыдов, 1979). Существует позиция, в которой активность мотивации связывается с уровнем присвоения индивидом социальных форм деятельности, начиная с включения индивида в ближайшее семейное окружение и кончая включенностью в целостную социальную систему (В.А. Ядов, 1979). Есть традиция, идущая от В. Штерна – связывать активность-пассивность мотивации с активным или реактивным способом воздействия личности на среду, на особенности его саморегуляции.

Интересную интерпретацию активности мотивации мы видим в работах Д.Б. Богоявленской (1979), проведенной совместно с И.А. Петуховым (1979), где было показано, что интеллектуальная активность является результатом тесного взаимодействия интеллектуальной и мотивационной подсистем. Именно поэтому в одних случаях сравнительно менее высокие способности, стимулирующиеся ярко выраженной познавательной потребностью, могут обусловить выход на эвристический уровень

интеллектуальной активности, в других же случаях, несмотря на ярко выраженные способности, мотивационные факторы интеллектуальной активности оказывают тормозящее влияние на ее проявления. Выделенные характеристики активности мотивации созвучны тому, что выделено в работах А.В. Петровского (1985), называвшего феномен активной мотивации феноменом «над-ситуативной» активности личности. Большой интерес для содержательного раскрытия феномена активности мотивации представляют идеи, развиваемые В.Г. Асеевым (1976), в частности, его идеи относительно двух видов мотивации: собственной потребности в деятельности и целевой установки, связанной с получением конкретного результата с помощью этой деятельности.

Краткий обзор проблемы активности мотивации обнаруживает большое разнообразие позиций, на первый взгляд, по мнению И.Г. Кокуриной (1990), весьма противоречивых. «Но при ближайшем рассмотрении между ними обнаруживаются и признаки сходства. Дело в том, что мотивационная активность разными исследователями изучалась, как правило, на основе разных мотивов, так как она может обнаруживаться и в коммуникации, и в преобразовательном мотиве, и в любом другом и, следовательно, может иметь разное предметное содержание» [12, с. 13]. В рассматриваемой стимульно-смысловой модели трудовой мотивации и предложенной классификации смыслообразующих мотивов активно-пассивный (динамический) характер мотивации в разных мотивах будет иметь разное содержание, но каждый мотив при этом имеет две смысловые ориентации: процессуальную и результирующую.

Процессуальная смысловая ориентация означает, что активность человека ограничена заданными рамками деятельности. Процессуальная ориентация особенно ярко проявляется в репродуктивной активности целей, результатов деятельности, на саму деятельность, например, на совершенствование мастерства, там, где эталон результата задан заранее (деятельность нотариуса как раз имеет такую жесткую регламентацию, поэтому в данном исследовании это как существенный показатель).

Результирующая ориентация обозначает более высокий уровень активности. Именно ориентация на результат чаще всего заставляет человека выходить за предписанные ему рамки деятельности, получение этих результатов открывает человеку существование таких целей, которые на деле создают не только предмет, но всегда и нечто дальнейшее, непривиденное, и, как правило, более значительное. Содержание динамического аспекта мотивации в таблице 1.

Таблица 1

Интерпретация динамического аспекта мотивации

Тип мотивации	
Результирующая мотивация	Процессуальная мотивация
1. Преобразовательный мотив	
Ориентация на получение результата ради самого результата	Ориентация на деятельность ради самого процесса, ради достижения мастерства
2. Коммуникативный мотив	
Ориентация на активное взаимодействие с другими, на общение в процессе профессиональной деятельности, на помощь другому человеку	Ориентация на сохранение позитивных взаимоотношений с другими
3. Утилитарно-прагматический мотив	
Ориентация использовать свой труд для удовлетворения других потребностей, не связанных с данной профессиональной деятельностью	Ориентация на профессию как на трату энергии, сил, стремление к сохранению здоровья в труде
4. Кооперативный мотив	
Ориентация рассматривать свою профессиональную деятельность с точки зрения его общественной полезности, необходимости для других людей, для общества в целом	Ориентация рассматривать свою профессиональную деятельность с точки зрения его полезности для близких и родных
5. Конкурентный мотив	
Ориентация быть лучше других, иметь высокий престиж, авторитет	Ориентация быть не хуже других, или хотя бы быть как все
6. Мотив достижения	
Ориентация на преодоление преград, стремление ставить перед собой сверхзадачи	Ориентация на самосовершенствование, на развитие своих способностей

На основе классификации мотивов и выделения в каждом типе результирующей и процессуальной ориентации можно дать следующую содержательную характеристику каждому мотиву и каждой мотивации в нем:

- преобразовательный мотив. Стремление к решению интересных задач, ориентация на получение результата ради самого результата, либо стремление достичь мастерства в работе, любить работу саму по себе;
- коммуникативный мотив. Стремление к установлению контакта с другими людьми, помощи другому, решению проблем этого другого человека; либо стремление сохранить и упрочить достигнутые с другими позитивные межличностные отношения;
- утилитарно-прагматический мотив. Стремление делать только то, что приносит очевидную пользу для субъекта, позволяет удовлетворить другие потребности и интересы, не связанные с профессиональной деятельностью; либо стремление в работе сохранить себя, свое здоровье, не тратить лишнюю энергию;

- кооперативный мотив. Стремление рассматривать свою работу с точки зрения ее необходимости для других людей, для общества в целом; либо рассматривать свой труд с точки зрения его необходимости для близких и родных;
- конкурентный мотив. Стремление быть первым среди лучших, иметь высокий авторитет, успех в глазах окружающих, либо стремление быть не хуже других, получить от других одобрение, позитивную оценку;
- мотив достижения. Стремление к преодолению трудностей в решении поставленной цели, стремление к успеху в решении самой задачи; либо стремление к самосовершенствованию, ориентация на себя как на объект преобразования.

И.Г. Кокурина [12] предлагает представленную выше классификацию социально-психологических видов деятельности и соответствующих мотивов положить в основу стимульно-смысловой модели трудовой мотивации. Суть этой модели составляет идея о различии природы мотивов-стимулов и смыслообразующих мотивов. Выяснение того принципиального положения, что основу мотивов-стимулов составляет категория «предмета», а основу смыслообразующих мотивов категория «смыслового отношения», дало возможность изучать профессиональную мотивацию как процесс, т.е. как предметно-смысловое единство, состоящее, с одной стороны, из законченных структур (мотивов-стимулов), а с другой – из складывающихся между ними смысловых отношений, составляющих содержание смыслообразующих мотивов.

Однако это определение еще не содержит понимания специфики именно профессиональной трудовой мотивации. Эту специфику мы видим прежде всего в предметном содержании тех мотивов-стимулов, которые актуализируют и объективируют смыслы трудовой деятельности человека, отражая наиболее значимые формы стимулирования труда.

Следовательно профессиональная (трудовая) мотивация может быть определена как процесс наполнения смыслами наиболее значимых стимулов труда, в результате чего возникает структура в виде иерархии смыслообразующих мотивов, способная оказывать обратное влияние на профессиональное поведение человека.

Представленная классификация смыслообразующих мотивов содержит в себе идею о существовании таких базовых мотивов-смыслов, сочетание которых друг с другом может дать всю основную «палитру» профессиональной деятельности. Для изучения именно такого набора мотивов, нами была использована методика И.Г. Кокуриной [12] «Изучение мотивационных механизмов регуляции трудовой активности личности». Методика построена на основе

идеи изучения житейских понятий. Так как методика предназначена для изучения смыслообразующей мотивации профессиональной деятельности, то среди житейских понятий, соответствующих трем сферам стимулирования, были выбраны три слова: «труд», «деньги», «коллектив». Эти слова были выбраны как наиболее значимые стимулы трудовой активности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абакумов О.Н., Целиковский С.Б. Саморегуляция в системе профессионально важных качеств сотрудников охраны // Северо-Кавказский психологический вестник. 2003. № 1. С. 181-184.
2. Асмолов А.Г. Психология индивидуальности. Методические основы развития личности в историко-эволюционном процессе. М.: Изд-во МГУ, 1986.
3. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Психология личности: Сборник статей / Сост. А.Б. Орлов. М.: Вопросы психологии, 2001. – С. 62–93.
4. Безносков С.П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. – 272 с.
5. Братченко С.Л. Проблема выбора критерия нравственного развития личности и пути ее решения // Психолого-педагогическое обеспечение учебного процесса в высшей школе в условиях ее перестройки. Л.; М., 1988. С. 482–491.
6. Власенкова Е.Г. Особенности смысловой сферы зрелой личности с разным уровнем самореализации / Автореф. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005. – 23 с.
7. Волков В.В. Некоторые результаты изучения профессиональной деформации личности следователя // Проблемы судебной психологии. М., 1971. С. 11-12.
8. Деркач А.А., Кузьмина Н.В. Акмеология: пути достижения вершин профессионализма. М., 1993.
9. Зинченко В.П. Миры сознания и структуры сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15–36.
10. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Самореализация человека. Введение в человековедение. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. – 280 с.
11. Ключко В.Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. Томск, 1996, Вып. 2. С. 10–13.
12. Кокурина И.Г. Методика изучения трудовой мотивации: Учеб.-метод. пособие для студентов фак. психол. гос. ун-тов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 96 с.
13. Конопкин О.А., Моросанова В.И. Стилевые особенности саморегуляции деятельности // Вопросы психологии. 1989. № 5. С. 18–25.
14. Коростылева Л.А. Самореализация личности в профессиональной сфере: генезис ее затруднений // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 5 / Под ред. Г.С. Никифорова, Л.А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. С. 3-23.
15. Кудрявцев Т.В., Шегурова В.Ю. Психологический анализ динамики профессионального самоопределения личности // Вопросы психологии. – 1983. №2. – С. 51-59.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.
17. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.
18. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. 1999. № 3.
19. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992.
20. Леонтьев Д.А. Методика предельных смыслов (МПС): Методическое руководство. М.: Смысл, 1999. – 36 с.
21. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал как потенциал саморегуляции // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 2 / Под общей ред. Б.С. Братуся, Е.Е. Соколовой. – М.: Смысл, 2006. С. 85-103.
22. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 2006.
23. Личность: внутренний мир и самореализация. Идеи, концепции, взгляды // Составители: Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобская. – СПб.: Изд-во института образования взрослых совместно с изд-вом «Тускарора», 1996.
24. Петровский А.В. Личность в психологии с позиции системного подхода // Вопросы психологии. 1981. № 1. С. 57–66.
25. Понятие «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К. Тихомиров. М.: Наука, 1977. С. 5–20.

ОЖИДАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ О ПЛАНИРОВАНИИ СОБСТВЕННОЙ КАРЬЕРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТРЕНИНГОВ)

**Пашкова А.П.,
Бюндюгова Т.В.**

Рассматриваются и анализируются ожидания и представления выпускников ВУЗов о будущей профессиональной деятельности и планировании собственной карьеры. Представлена программа работы с выпускниками по оказанию им помощи в раскрытии собственного потенциала и построении карьеры. Описаны и проанализированы материалы различных тренингов, участниками которых являются студенты пятых курсов ВУЗов.

Ключевые слова: потенциал, Программа помощи выпускникам, ожидания и представления о построении карьеры.

В настоящее время, в связи со сложными экономическими условиями, реформами в образовательном процессе, а также сменой ритма, образа жизни и ценностных приоритетов, происходят преобразования в сознании людей, которые не могут не отразиться на их поведении, адаптации к окружающей среде и жизнедеятельности в целом. Особенно сильно эти изменения заметны в молодежной среде.

Жизнь современного молодого человека в предлагаемых условиях не развивается линейно, как последовательность переходов: от основного образования к профессиональному, от учебы к работе, от жизни в родительском доме к созданию собственной семьи. Новые условия требуют поиска новых нестандартных индивидуальных вариантов построения своей жизни в целом и карьеры в частности.

В последнее время осуществляется довольно активная молодежная политика, разрабатываются и внедряются различные социальные программы, которые помогают в поиске работы, ВУЗы активно сотрудничают со службами занятости. Но, как показывает практика, высоких результатов это не приносит.

На наш взгляд, это можно объяснить несколькими причинами:

- отсутствием достаточного количества информации для студентов об осуществляемых мероприятиях;
- несформированностью мотивации профессиональной деятельности молодых специалистов;
- неверием в собственные силы и возможности;
- неумением презентовать себя перед потенциальными работодателями;
- незнанием собственного потенциала и личностных особенностей;
- стереотипным и «однобоким» представлением современных студентов о своей карьере, будущей

работе и способах достижения собственных целей (а также неумение их толком сформулировать).

В большом количестве изданий, в самих ВУЗах, во многих СМИ и интернет-источниках есть рекомендации о том, как искать работу, писать резюме, проходить собеседование, но, как показывает практика нашей многолетней работы с различными ВУЗами, только 10–12% выпускников реально пользуются какими-то рекомендациями. В ходе совместной работы со студентами выявляется их растерянность, нежелание, неумение что-либо активно предпринимать по поводу поиска работы. У выпускников отсутствуют четкие представления о будущей работе, о собственных целях и стратегиях поведения в коллективе, с руководством, при построении карьеры. С одной стороны, это все придет с опытом, с другой, – необходимо сформировать представления о первых шагах в мире профессиональной деятельности.

Таким образом, на наш взгляд, перед работниками ВУЗов, служб занятости, молодежными организациями стоит несколько основных задач:

- доносить адресно информацию до студентов относительно их возможностей в поисках работы, объяснить стратегии взаимодействия с различными службами;
- организовывать семинары, тренинги, на которых будет проводиться обучение составлению резюме, прохождению интервью, стратегиям самопрезентации; важно дать возможность на практике попробовать собственные силы, «прорепетировать», исправить возможные ошибки;
- проводить диагностику и раскрывать сильные и проблемные стороны личности молодых специалистов, их потенциал, что помогало бы им в дальнейших поисках работы и адаптации на рабочем месте.

Производить все мероприятия желательно совместно с ВУЗами, выделяя время во время или сразу после занятий, поскольку вероятности посещения таких мероприятий резко снижается, если разрывать их с процессом обучения.

Итак, возникает необходимость выявления развития личностного потенциала у будущих молодых специалистов, студентов ВУЗов.

Понятие «человеческий потенциал» разворачивается как конфигурактор из четырех составляющих: человеческие ресурсы, человеческий капитал, жизненный потенциал и личностный потенциал [2].

Личностный потенциал – это интегральная системная характеристика индивидуально-психологических особенностей личности, лежащая в основе способности личности исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность деятельности и смысловых ориентаций на фоне давлений и изменяющихся внешних условий [1].

К личностному потенциалу, по мнению Леонтьева Д.А., относятся: личностная автономия (Э. Деси, Р. Райан), осмысленность жизни (В. Франкл, Дж. Крамбо), жизнестойкость (С. Мадди), готовность к изменениям (Д. Леонтьев, Д. Сапронов), толерантность к неопределённости (Д. Мак-Лейн), ориентация на действие (Ю. Куль), особенности планирования деятельности (Е. Мандрикова) и временная перспектива личности (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо) [1].

Личностный потенциал предстает как интегральная характеристика уровня личностной зрелости, а главным феноменом личностной зрелости и формой проявления личностного потенциала является как раз феномен самодетерминации личности, то есть осуществление деятельности в относительной свободе от заданных условий этой деятельности – как внешних, так и внутренних условий, под которыми понимаются биологические, в частности телесные предпосылки, а также потребности, характер и другие устойчивые психологические структуры. Личностный потенциал отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, преодоление личностью самой себя.

Одна из специфических форм проявления личностного потенциала – это проблематика его реализации в выбранной профессии.

Личностный потенциал специалиста – это система свойств личности, составляющих основу его профессионально-личностного развития и обеспечивающих соответствующий уровень достижений в профессиональной подготовке и последующей деятельности. Личностный потенциал рассматривается в контексте профессиональной деятельности складывается из следующих основных компонентов, каждый из которых, в свою очередь, может быть системно рассмотрен как потенциал [2]:

1. Гносеологический потенциал (система знаний, умений, навыков, представлений, мировоззрения, познавательных способностей, в том числе иноязычных, составляющих, возможно, особый лингвистический потенциал).

2. Аксиологический потенциал (система профессиональных целей, ценностей и ориентации, социально-психологических установок).

3. Творческий потенциал (возможность созидать, творить, находить новое, действовать оригинально и нестандартно).

4. Коммуникативный потенциал (способности общения, понимания и взаимопонимания, способности к овладению общением, коммуникативные качества, умения и навыки).

5. Художественный потенциал (система художественно-эстетических потребностей, форм и способов их удовлетворения).

6. Профессиональный потенциал (соответствие ориентации, склонностей, профессиональных предпочтений избранной профессии, наличие соответствующего типа личности, уровень профессиональной мотивации).

7. Духовный потенциал (система смыслов и смысло-жизненных ориентации, духовно-нравственных ценностей, жизненных позиций и моральных установок личности в системе общечеловеческих нравственных норм).

Правильнее будет говорить об интегральной взаимосвязи личностного потенциала с профессиональным потенциалом.

Личностно-профессиональный потенциал рассматривается как совокупность внутренних ресурсов человека, определяющих его профессиональные возможности.

Основные направления реализации потенциала личности [2]:

- внешнее, направленные на биосферу, социум, техносферу и инфосферу;
- внутреннее, связанное с направленностью личности и имеющее иерархическую структуру, которая объединяет различные уровни потенциала (биологический, психофизиологический и личностный) и опирается на переход от саморегуляции индивида к ценностно-смысловому самоуправлению личности.

Решающую роль в раскрытии потенциала играет сознательный выбор субъекта. Этот выбор и лежит в основе творения себя, самореализации. Лишь на высшем уровне человек становится субъектом развития себя.

Психологическая готовность к самореализации – это системное явление, проявляющееся в виде ситуативной или долговременной, устойчивой готовности, являющихся диалектическим единством психических состояний и свойств личности.

Готовность представляет собой систему личностной и функциональной, а также содержательной и оценочной сторон. Выделенные блоки – это различные формы проявления готовности, встречающиеся в реальной жизнедеятельности субъекта (Рис. 1) [2].

Личностная сторона	Функциональная сторона	
Отношение к себе	Направленность личности	Оценочная сторона
Качества индивидуальности	Опыт личности	Содержательная сторона

Рис. 1. Готовность личности к самореализации

Первый блок (отношение к себе) представляет собой элемент самосознания личности. Оно включает в себя оценку своих возможностей, которая может выражаться в осознании призвания, особого предназначения личности, возможности решить задачу, недоступную другим. Однако оно может быть и неосознанным (или недостаточно осознанным) и опираться на интуицию. Этот блок включает в себя также образ идеального «Я» или, шире – идеалы личности.

Второй блок (направленность) представляет собой мотивы и потребности творчества (мотивы самоактуализации) и ценностные ориентации личности. Потребности могут быть разделены на две группы: потребности творить «что-то» и потребности творить «себя». Потребности и ценностные ориентации выражаются в интересах, склонностях, желании творить, потребности выразить себя в творческом произведении. Оценочная сторона готовности представляет собой систему отношений личности.

Третий блок – это творческие способности личности, являющиеся важнейшим фактором самореализации. Развитие способностей непосредственным образом связано с развитием творческого отношения к себе и направленности.

Четвертый блок – это операциональная система, представляющая собой инструментарий, способствующий реализации потребностей в творчестве и самореализации. Это не только непосредственный опыт, но и фиксированные установки, диспозиции личности. Установка определяет направленность активности человека и трактуется именно как готовность к определенным способам деятельности. Можно говорить об установке на самореализацию, то есть, состоянии, которое способствует включению механизмов самореализации при способствующих условиях.

Итак, возникает необходимость выявления развития личностного потенциала у будущих молодых специалистов, студентов ВУЗов. Это может быть реализовано с помощью Программы «Непрерывный поиск перспективных сотрудников среди студентов ВУЗов».

Этот проект работы со студентами ВУЗов состоит из 4 этапов (один этап – один год обучения). Он направлен на динамическое наблюдение и сбор психологической и профессиональной информации об ее участниках на протяжении 4 лет. Каждый этап выполняет свои задачи и последовательно осуществляется на все более высоком уровне. В результате потенциальный руководитель получает объективную комплексную информацию о потенциале кандидатов для принятия кадровых решений, в свою очередь, кандидаты получают личностные характеристики и подробную информацию о своих сильных и слабых сторонах, а также учатся писать резюме, работают в тренингах, проходят пробные отборочные интервью.

I ЭТАП – метод экспертных оценок (метод групповой оценки личности (ГОЛ)) – 2 курс обучения. Цель – выявление студентов, которые обладают потенциалом развития. ГОЛ содержит информацию о реальных проявлениях личностных потенций и позволяет определить фактическую сторону в поведении личности. ГОЛ следует понимать как научно составленную информацию об уровне проявления качеств личности оцениваемого человека в конкретном коллективе.

II ЭТАП – диагностический модуль – 3 курс обучения. Цель – получение объективной информации о личностно-профессиональном потенциале студентов, прошедших первый этап. Теперь определяются сильные стороны и ключевые характеристики студентов, описываются условия, при которых возможна эффективная реализация их потенциала в условиях межличностного общения, построения карьеры, профессиональной деятельности. Тесты взаимосвязаны с рядом других систематических методов, которые включают в себя широкий круг интуитивных и большей частью бессознательных приемов. Получение информации с помощью психометрических тестов еще не гарантирует эффективного использования данной информации.

III ЭТАП – интервью – 4 курс обучения. На этом этапе удастся проследить динамику развития участников Проекта с помощью структурированного психометрического интервью. Всем кандидатам задаются одинаковые вопросы и критические ситуации для удобства системы интерпретаций и экспертного оценивания ответов.

IV ЭТАП – тренинги – 5 курс обучения. Цель – активизация внутренних ресурсов через интерактивное обучение, психологическое сопровождение условий личностного и профессионального роста перспективных специалистов. Тренинги позволяют опытным путем прочувствовать окружающую реальность, выработать необходимые социальные и коммуникативные навыки, понять свои слабые и сильные стороны, а главное – научиться видеть и раскрывать потенциал своей личности. Личностное и социальное развитие молодых специалистов способствуют повышению их трудовой адаптации и построению успешной карьеры.

В рамках развития потенциала молодого специалиста предлагается использовать тренинговые программы по следующим направлениям:

1. Программа «Эффективное построение карьеры». Задача – выработать навыки и стратегию построения успешной карьеры.

2. Программа «Эффективное взаимодействие в команде». Задача – научиться эффективно работать в команде и понять свое место в ней.

По результатам реализации Программы накоплен значительный диагностический материал, который может быть полезен как самим студентам, так и различным службам и организациям, которые с ними работают.

В данной работе нам бы хотелось сделать акцент на информации, которая получена в результате работы студентов в тренингах, поскольку она дает более полную картину о сформированности у студентов их целей, планов на будущее, а также представлений об их реализации.

Подробно описывать тренинговые программы не является нашей основной задачей, основная цель – рассмотреть представления и ожидания выпускников ВУЗов относительно их будущей профессиональной деятельности.

Объект изучения – студенты 5-го курса, в возрасте от 22 до 24 лет, обоих полов в количестве 126 человек.

Предмет изучения – представления студентов о будущей профессиональной деятельности.

Все данные получены в результате частотного анализа.

Мы использовали материалы отдельных упражнений и проектов, выполняемых студентами в ходе тренинговой работы. В результате нами были получены несколько основных блоков информации.

1-ый блок информации связан с построением карьеры (упражнение «Дерево карьеры»). Сюда мы включили 3 основных параметра:

- с чего и с чем (качества, навыки) они начинают строить карьеру;
- что им поможет, и как они будут это делать;
- что они получают через 5 лет.

2-ой блок информации очерчивает круг проблем (личностные качества и ситуации), которые могут возникнуть в ходе построения карьеры, прогнозируемых студентами (упражнение «Подводные камни»).

3-ий блок информации описывает качества личности соискателя при приеме на работу (упражнение «Идеальный кандидат»). Здесь все качества были разделены нами на следующие семантические блоки:

- личностные качества;
- деловые характеристики;
- поведенческие особенности.

4-ый блок включает в себя обратную связь и представления студентов по итогам участия в командной работе. Здесь также было выделено несколько блоков информации:

– представления о выполняемых командных ролях;

– общие представления о работе в команде.

Рассмотрим полученные результаты более подробно.

Что касается первого блока информации, то, с чего у студентов, по их мнению, начинается карьера, можно описать следующим образом (отмечены ответы, названные более чем 75% участников):

- знания
- стремления, мотивация
- минимальный опыт
- коммуникабельность
- трудолюбие
- способность к обучению, креативность
- высшее образование.

Строить карьеру и продвигаться по службе им поможет собственное трудолюбие, инициативность, активность, повышение квалификации, налаживание отношений с коллективом и руководителем, правильная постановка целей.

Что касается целей, которые они ставили перед собой на ближайшие 5 лет, их можно разделить на несколько групп:

- а) достижение семейного благополучия;
- б) достижение материального благополучия (финансовая независимость, много денег, обеспеченность, жилье, машина);
- в) достижение «хорошей должности»;
- г) рост профессионализма (стать хорошим специалистом);
- д) уважение коллег и признание окружающих;
- е) удовлетворенность работой.

Таким образом, получив задание описать процесс построения карьеры (с чего начнете – как будете строить – что планируете достичь за 5 лет), мы видим, что представления студентов о построении карьеры достаточно общие, типичные. Цели, так же как и способы построения карьеры размытые, неконкретные. При просьбе уточнить, что именно имеется в виду, участники практически в 80% случаев испытывали некоторое затруднение в формулировании конкретных ответов.

Теперь рассмотрим результаты упражнения, которые вошли во второй блок полученной информации. В данном случае нас интересовали представления студентов о том, какие сложности у них могут возникнуть при построении карьеры, а так же качества, которые могут им мешать. Данные представлены в таблице 1.

Ответы, описанные выше, также носят достаточно общий характер, но нельзя не отметить, что студенты чаще берут ответственность за возникающие сложности на себя, таких ответов как: «меня не понимают», «мне мешают», «вокруг не те коллеги,

которые хотелось бы, чтобы были» практически не встречаются.

Таблица 1

**Представления о возможных сложностях
в построении карьеры у выпускников ВУЗов
(ответы, встречающиеся чаще 75%)**

Качества, мешающие строить карьеру	Ситуации, мешающие строить карьеру
Лень	Неинтересная и рутинная работа
Упрямство	Нет общего языка с коллегами или начальством
Невозможность спланировать результат	Личные проблемы
Самоуверенность	Непонимание окружающих
Пассивность	Сложности выбора того, что важнее
Узкий взгляд на проблему	Отсутствие мотивации
Неумение долго заниматься монотонной работой	Сложные задачи, отсутствие необходимых навыков

Сложности, описанные выше, структурированы и продуманы, на наш взгляд, лучше, чем рассмотренные ранее цели.

Таблица 2

**Представления выпускников ВУЗов о соискателе
на должность (ответы, встречающиеся чаще 65%)**

Группа качеств	Перечень качеств, которые в нее входят
1. Личностные качества	- целеустремленность, - коммуникабельность, - ответственность, - пунктуальность, - трудолюбие, - амбициозность.
2. Особенности личности, связанные с профессиональной деятельностью	- образование, - опыт работы, - обучаемость, - желание узнавать новое в выбранной профессии, - профессиональная грамотность.
3. Особенности интеллектуальной деятельности	- креативность, - гибкость мышления, - критичность, - широкий кругозор, - наблюдательность и умение анализировать.
4. Личностные особенности, связанные с общением	- умение слушать собеседника, - дружелюбие, - отзывчивость, - искренность, - дипломатичность.
5. Деловые качества	- лидерские способности, - умение принимать решения, - любовь и интерес к работе.
6. Морально-этические качества	- порядочность, - честность.
7. Особенности внешнего вида и поведения	- аккуратность в одежде, - хорошие манеры, - четкая и спокойная речь, - отсутствие ярко выраженной жестикуляции.

Помимо проанализированных выше, мы получили данные, которые дают информацию о том, какие представления у выпускников ВУЗов сформированы относительно того, каким должен быть соискатель на должность. Для этого мы просили их нарисовать портрет такого соискателя, а так же описать необходимые ему качества и особенности.

Что касается портрета, то в 90% случаев они совпадали. Соискатель выглядит следующим образом: деловой костюм, часы, портфель, аккуратная прическа, доброжелательной выражение лица. Иногда в руках рисовали документы или диплом.

Качества и особенности поведения, которые выделяли большинство участников, можно разделить на несколько групп (таблица 2).

По данным результатам можно сделать вывод о том, что представления о соискателе четче структурированы и могут быть описаны участниками шире и разнообразнее, нежели представления о карьере. Мы можем связать это с двумя факторами: во-первых, представления о кандидате как бы «более реальны», поскольку они связаны с самими участниками, а представления о карьере носят гипотетический характер; во-вторых, здесь понятна задача – быть таким, чтобы приняли на работу, а в случае построения карьеры – существуют только предположения о том что «мне это надо», а на вопросы «зачем и почему» четкого ответа нет.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

- во-первых, необходимо проводить пошаговую индивидуальную работу со студентами, которая помогала бы им раскрыть свой потенциал;
- во-вторых, важно говорить с выпускниками обо всех проводимых мероприятиях, объяснять их цели и задачи, чтобы сформировать определенную мотивацию;
- в-третьих, по результатам проведения тренингов можно говорить о том, что у выпускников существуют относительно целостные представления о том, каким должен быть соискатель на должность, с помощью чего они будут строить карьеру и относительно неструктурированные представления и ожидания относительно собственной карьеры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леонтьев Д.А. Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Вып. 1. – М.: Смысл, 2002.
2. Человеческий потенциал: опыт комплексного подхода / Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

РЕЧЬ КАК СРЕДСТВО САМОВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Шкуратова И.П.

Статья посвящена анализу индивидуально-психологических особенностей речи человека, которые служат, с одной стороны, средством его самовыражения, а, с другой стороны, позволяют окружающим людям составить представление о его личности.

Ключевые слова: самовыражение личности, языковая личность, невербальные характеристики речи, стили речи, гендерлект.

Развитие современных технологий коммуникации приводит к тому, что человек все чаще оказывается представленным в виде устного или письменного текста (письма, дневника, блога, заявления, диалога в чате или по телефону). Эти тенденции привели к широкому развитию нарративной психологии, работам по изучению языковой и письменной личности, в которых исследуется соотношение между личностью и порождаемым ею текстом (художественным, деловым, бытовым, юридическим и пр.).

Данная проблема находится на границе многих научных дисциплин: лингвистики, психологии, социологии, культурологии, философии. Каждая из них по-разному расставляет акценты в изучении связи между человеком и порождаемым им текстом.

Для психологов человек является главным объектом исследования, поэтому ими речь чаще всего исследуется как производная переменная от его индивидуальных особенностей. Однако, в самой психологии также существуют разные подходы к пониманию личностной детерминации речевого поведения и его отражения другими людьми.

Современный человек стремится взять под надежный контроль успешность межличностного взаимодействия с другими людьми. В этой связи возникает спрос на выявление факторов успешной презентации себя в общении с окружающими людьми. К числу таких факторов в первую очередь, после внешнего вида, относится речевое поведение человека, которое включает весь ансамбль индивидуально своеобразных характеристик человека, позволяющих человеку проявить себя, а другому идентифицировать его.

Наличие таких устойчивых отличительных особенностей побудило ученых предложить понятие языковой личности. Ю.Н. Карауловым было введено понятие языковой личности, под которым он понимает «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие

им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [8, с. 3].

Структура языковой личности представляется Ю.Н. Караулову состоящей из трех уровней: «1) вербально-семантического, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком; 2) когнитивного, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в более или менее упорядоченную, «картину мира»; 3) прагматического, заключающего цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности» [8, с. 5].

Близким к этому представлению является понятие психо-социального субъекта высказывания, предложенного известным французским языковедом Клодом Ажежем [1]. Это понятие подразумевает человека не только говорящего, но и слушающего чужую речь. Причем, в качестве факторов, детерминирующих речевое поведение субъекта высказывания, автором берется широкий круг биологических, психологических, лингвистических и социокультурных явлений.

Нам представляется актуальным и ценным рассмотреть индивидуальные особенности речи человека в связи с проблемой его самовыражения, поскольку в процессе общения человек не только стремится передать информацию, но и определенным образом презентовать себя.

Под самовыражением личности в общении нами понимается широкий круг вербальных и невербальных поведенческих актов, которые человек использует для передачи информации о себе другим лицам и создания определенного образа себя. Речь выступает главным средством самовыражения личности, поскольку и ее содержание, и ее стилевые особенности создают у слушающего человека психологический

портрет субъекта высказывания. Речь содержит много информации о личности говорящего и его состоянии в данный момент.

Индивидуальные особенности говорящего человека выражаются вербальным компонентом, т.е. словесным рядом, и невербальными характеристиками речи. К последним относятся экстралингвистика и просодика. Экстралингвистические характеристики включают разного рода психофизиологические проявления, которые сопровождают речь человека (особенности дыхания, плач, кашель, смех). К просодике относят разные характеристики голоса человека (высоту, тембр, громкость, скорость и др.). Важную информацию о личности говорящего, его состоянии несет ритмико-мелодическая сторона речи, которую называют интонацией. Она складывается из таких характеристик как мелодия речи, ритм, интенсивность, темп, тембр, а также фразовое и логическое ударение [11].

В.А. Лабунская отмечает, что невербальное речевое поведение дополняет, замещает, превосходит, регулирует речевое высказывание. Она ссылается также на Г.В. Колшанского, который высказал мысль о том, что просодика и экстралингвистика выполняет функцию экономии речевого высказывания [11].

С.Д. Дерябо и В.А. Ясвин соотносят разные характеристики голоса с разными сторонами индивидуальности говорящего: скорость речи отражает темперамент говорящего (его индивидуальный темп), громкость речи служит показателем жизненной энергии человека и уверенности в себе, высота голоса связана с полом человека (женские голоса более высокие), а также с эмоциональным состоянием человека, отчетливость произношения является показателем внутренней дисциплины, уважения к собеседнику [7].

Без звукового канала коммуникации речь человека утрачивает большой процент информации. Телефонный разговор является более предпочтительным для поддержания интимного общения, чем с помощью электронной почты, потому что в этом случае общающимся людям важно не только (и, может быть, не столько), что было сказано, но и с какой интонацией. При общении в чатах применяют, так называемые, смайлики (схематичные изображения эмоций), которыми сопровождают письменный текст. Однако, они не могут заменить тот поток информации, который слушатель получает через голос. Голос, как и глаза, принято считать зеркалом души. Красивый выразительный голос дает его владельцу большие преимущества в плане оказания влияния на других людей.

Вербальную составляющую речи человека определяют в первую очередь особенности его речи и, прежде всего, лексики. Ни один человек не овладевает всем богатством своего родного языка, поскольку его состав огромен. Каждый национальный язык содержит много компонентов, которые могут

быть по-разному представлены в речи конкретного человека. Основу всякого языка составляет литературный язык, представляющий собой наиболее часто употребляемые лексические и грамматические средства. В нем выделяют несколько функциональных стилей: научный, официально-деловой, публицистический, художественный, разговорный [4].

В зависимости от того, насколько четко и тщательно произносятся слова, в устной разговорной речи различают три стиля произношения: полный, нейтральный и разговорный. Полный стиль характерен для людей, профессия которых требует отчетливой артикуляции, ораторских умений. Такой стиль можно услышать у профессиональных дикторов, актеров, политиков. Нейтральный стиль допускает сокращение фраз, проглатывание некоторых звуков, более быстрый темп. Его используют в деловой сфере. Разговорный стиль допускает еще большее отклонение от языковой нормы, поэтому его используют в бытовом общении. Некоторые люди не владеют полным стилем разговорной речи из-за недостаточного образования.

Считается, что научный, официально-деловой и публицистический стили входят в, так называемый, книжный язык, который имеет письменную форму выражения и реализуется преимущественно в форме монолога. Человек, чья профессия связана с использованием книжного языка, может переносить принятые в нем формы в свою разговорную речь. Например, человек может говорить с большим количеством канцелярских оборотов, выдавая тем самым свою принадлежность к чиновничьему сословию. Человек, занимающийся научной работой, проявляет свою профессиональную принадлежность применением научных терминов или иностранных слов в своей речи.

Помимо вышеуказанных форм, речь человека может содержать территориальные диалекты, просторечия и жаргоны. Диалектом называется разновидность общенародного языка, употребляемая в качестве средства общения между людьми, связанными тесной территориальной общностью [4]. Человек, употребляющий в своей речи диалектизмы, дает информацию слушателям о своем происхождении. Просторечие, под которым понимают речь городского малообразованного населения, свидетельствует о недостаточной образованности говорящего человека.

Жаргоном называется речь людей, составляющих обособленные группы или людей, которых объединяет общая профессия [4]. Их подразделяют на две группы: профессиональные и социальные. Социальный жаргон включает воровской и молодежный жаргон. Некоторые филологи к жаргонам относят и сленг, под которым понимается совокупность жаргонных слов, составляющих слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи.

В настоящее время молодежный жаргон стал предметом изучения, как за рубежом, так и в нашей стране. Д.М. Костина изучала молодежный сленг на материале речи студентов ведущих учебных заведений США [10]. Она считает, что употребление сленга дает молодым людям ощущение причастности к молодежной среде. Студенты его чаще всего используют в общении с друзьями в неформальной обстановке. Сленговое выражение короткое и емкое, оно избавляет говорящего от длительных объяснений. По мнению автора, еще одной причиной, заставляющей молодежь использовать сленг, является то, что он полон юмора и игры слов. «Сленг – это стремление выразить себя, подтвердить и для самого себя свой имидж и свое удовлетворение тем фактом, что ты «принадлежишь к команде»» [10, с. 177]. Употребление сленга часто сопровождается и употреблением вульгаризмов и нецензурной лексики. Проникновение ругательств и мата в художественную литературу и речь публичных людей в современном российском обществе вызывает тревогу у многих людей, поскольку это означает значительное снижение речевой культуры нашего общества. Часто целью употребления такой лексики является эпатаж и демонстрация независимости от мнения окружающих людей. Но какая бы ни была мотивация включения в свой речевой ряд таких слов, их употребление свидетельствует о низком уровне общей культуры данного человека и его нежелании следовать общепринятым нормам поведения.

Речь человека также характеризует использование историзмов и архаизмов (слов, вышедших из употребления), неологизмов (новых слов, связанных с появлением новых явлений или предметов), иноязычных слов (заимствованных из других языков) [4]. Употребление архаизмов свидетельствует о приверженности к старым формам русского языка. Существует мнение, что правильный дореволюционный русский язык наиболее сохранился в среде эмигрантов того времени, потому что их не коснулись трансформации русского языка, произошедшие в течение советского периода. Напротив, использование в речи неологизмов, может свидетельствовать о стремлении человека выглядеть современно и демонстрировать знание новых реалий. Например, в последнее время появился целый словарь новых терминов, связанных с использованием компьютера. Человек, грамотно их употребляющий, дает понять, что он умеет обращаться с компьютером. То же самое можно сказать об экономических терминах, которые из ряда узко профессиональных перешли в группу общеупотребимых (дефолт, ваучер, дилер и пр.).

Для экономии усилий по построению своих речевых высказываний каждый человек использует устоявшиеся выражения, принятые в его кругу. Стереотипизация речевого опыта служит средством облегчения кодирования и декодирования речевых текстов. По мнению

Е.В. Клюева, «стереотип обычно возникает как некая «находка» – чаще всего удачная или удобная для обозначения того или иного понятия вводимого в оборот впервые» [9, с. 191]. «Стереотипы не умирают и не поддаются устранению из социального обихода – в качестве контейнеров они сохраняют социальный опыт нации» [9, с. 192]. Он выделяет разные виды стереотипов: штампы, клише (канцеляризмы); формулы вежливости, банальные цитаты. Большое количество стереотипов в речи человека свидетельствует о бедности его словаря, а также о стремлении к закрытости, так как за стереотипными фразами он, возможно, прячет свое истинное отношение к обсуждаемым явлениям.

На речь человека оказывают влияние его социально-демографические и индивидуально-психологические особенности. В первую очередь на речь человека оказывает влияние его пол. Поскольку речь, как и другие средства самовыражения личности, направлены на создание и поддержание социальной и личностной идентичности, каждый человек стремится говорить так, как это делают представители его пола.

Различия в речевой деятельности мальчиков и девочек наблюдаются с раннего детства. Девочки раньше начинают говорить, у них больший словарный запас, они более многословны, чем мальчики. У женщин скорость речи в 1,37 раза выше, чем у мужчин. И.В. Грошев сообщает о результатах собственного эмпирического исследования различий лексики мужчин и женщин [6]. Согласно его данным, женщины говорят на языке более близкому к правильному, они избегают сленга, резкостей, инвективных слов (ругательств). Их язык более эмоционален и точен. Они чаще меняют порядок слов, больше используют неоконченные предложения, имеющие интенциональный подтекст. Женщины используют большее количество участливых и эмпатийных выражений, а мужчины – инструментальных и целевых. Слова, связанные с соблюдением этикета (пожалуйста, простите), женщины употребляют в своей речи в 2,36 раза чаще, чем мужчины. Женщины больше внимания уделяют интонации речи, и она у них более богата вариациями, тогда как мужчины больше внимания уделяют содержательной стороне сообщения.

Мужчины быстрее и чаще запоминают и используют новые слова, сленг, любят игру слов. В процессе диадного общения партнеры одного пола перебивают друг друга примерно одинаковое число раз, если же пара смешанная, то мужчины перебивают собеседниц-женщин в 2 раза чаще, что согласуется с данными зарубежных исследователей.

Анализ письменной речи (на материале сочинений) показал, что мужчины пишут с меньшей скоростью, строят текст в более свободной форме и стремятся к информативности. Для женщин более характерно использование стереотипных формулировок, и стремление к передаче своего эмоционального состояния.

Сопоставительный анализ сочинений, проведенных Е.И. Горошко по 97 параметрам, показала наличие существенных различий между мужчинами и женщинами. В целом для мужчин характерен рационалистический стиль, а для женщин – эмоциональный. Для женщин характерен более сложный синтаксис и более богатый словарный запас. Результаты ассоциативного эксперимента показали, что женщины дают более разнообразные ассоциативные реакции, мужские ассоциативные поля более стереотипны и упорядочены [5].

В.П. Белянин отмечает, что если в настоящее время не совсем корректно говорить о гендерлекте, то правомерно говорить об определенных особенностях речевого стиля мужчин и женщин. По его мнению, «женщинам в русской культуре более свойственны фатические речевые акты, они легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации» [2, с. 202].

Влияние национальности человека на его речевое поведение изучается в рамках этнопсихолингвистики. Каждая национальность имеет свой язык, который выполняет функцию ее самосознания, обеспечивает картину мира людей, говорящих на этом языке. Полная передача всех смысловых оттенков в процессе перевода с одного языка на другой невозможна. Именно поэтому каждый народ ценит возможность говорить на своем родном языке и не хочет от него отказываться. Национальная принадлежность человека, а точнее та национальная среда, в которой проходила его социализация, накладывает отпечаток на все характеристики его речи (как вербальные, так и невербальные). Особый интерес в этом отношении представляют люди, которые долгие периоды своей жизни находились в разных языковых средах, благодаря чему в совершенстве владеют двумя и более языками. Их языковая личность становится гораздо более сложной из-за их билингвизма.

Профессиональная принадлежность также накладывает существенный отпечаток на речевое поведение человека, особенно если она связана с речью. Использование командных и четких фраз военными, дидактичность и назидательность речи педагогов, четкость и правильность речи дикторов. Эти и многие другие примеры свидетельствуют о том, что речевые навыки, приобретенные в профессиональной деятельности, потом переносятся личностью на более широкий круг ситуаций, иногда становясь неотъемлемыми чертами ее речи.

Влияние характерологических особенностей особенностей на речь изучалось в связи с акцентуациями характера. К. Леонгард при описании каждой акцентуации личности отмечает ее характерные речевые особенности [12]. Для некоторых акцентуаций речь выступает важным диагностическим признаком. Так, например, демонстративная личность характеризуется преувеличенностью тона, громкостью речи, некоторой театральностью, подстраиванием под ожидания собеседника.

В.П. Белянин осуществил анализ текстов художественной литературы в связи с акцентуацией личности ее автора, в результате чего он выделил шесть типов текста: светлые (паранойяльность), темные (эпилептоидность), веселые (маниакальность), печальные (депрессивность), красивые (истероидность), сложные (шизоидность) [3]. В.П. Белянин называет раздел психолингвистики, занимающийся изучением связи между стилем речи или текста и личностью говорящего, а также восприятие стиля реципиентом, психостилистикой [2]. Им была разработана экспертная психолингвистическая программа ВААЛ, позволяющая по тексту определить характерологические особенности его автора.

Можно сказать, что речь является полным отражением личности говорящего, и значительное изменение речи человека по закону обратной связи ведет к существенной перестройке и самой личности. Речь несет в себе большие возможности для самопредъявления личности. Она выполняет все функции самовыражения: экзистенциальную, коммуникативную, идентификационную, саморегуляционную, преобразовательную, самовоплощения, регуляционную межличностных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ажеж К. Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2003. – 304 с.
2. Белянин В.П. Психолингвистика. М.: Флинта, 2003. – 232 с.
3. Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. – 320 с.
4. Гойхман О.Я., Надеина Т.М. Речевая коммуникация. М.: ИНФРА-М, 2003. – 272 с.
5. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма // www.textology.ru/public/gorsh1.html
6. Грошев И.В. Гендерные различия интенционально-речевого лекса // Социальная психология. 21 век. Т.1. Ярославль, 1999. С. 162165.
7. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Гроссмейстер общения. М., Смысл, 1996. С. 160180.
8. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 38.
9. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 1998. – 234 с.
10. Костина Д.М. Языковая специфика молодежного сленга США // Психология общения: социокультурный анализ. Ростов-на-Дону: изд-во РГУ, 2003. С. 176180.
11. Лабунская В.А. Экспрессия человека: общение и межличностное познание. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 608 с.
12. Леонгард К. Акцентуированные личности. М., 1980. – 312 с.

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ПРОПАГАНДЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ ХХ-НАЧАЛА ХХІ ВЕКОВ

Дубовер Н.Д.

Статья посвящена анализу концептуальных изменений пропаганды здорового образа жизни в СМИ в течение ХХ –нач. ХХІ в.в.. Рассматриваются аспекты смыслового наполнения понятия здоровый образ жизни в различные исторические эпохи. Представлена характеристика современных методов и форм реализации в СМИ государственной программы оздоровления нации. Отмечается необходимость модернизации методов и приемов пропаганды здорового образа жизни для молодежной аудитории.

Ключевые слова: концепция пропаганды здорового образа жизни, противоречивые информационные потоки, оздоровление нации, модернизация методов и приемов, молодежная аудитория.

Понятие «здоровый образ жизни» в процессе исторического развития нашей страны в течение ХХ-начала ХХІ веков неоднократно подвергалось концептуальному переосмыслению, которое нашло отражение в тематических и жанровых особенностях публикаций СМИ в различные десятилетия указанного периода.

Так, в печати 1920-х годов это понятие имело ярко выраженный классовый характер. В те годы в советских газетах и журналах публиковались контрастные характеристики здорового образа жизни людей труда и, напротив, вредного, разрушительного для здоровья образа жизни «паразитирующих сословий». В заметках, пропагандистских статьях и фельетонах высмеивалась дворянская «ночная жизнь», «чахоточные красавицы», задыхающиеся в корсете и т.д. Подобные публикации дополнялись карикатурными рисунками и сатирическими слоганами. Важно отметить, что в данный период СМИ акцентирует внимание не столько на преимуществах здорового образа жизни, сколько на прославлении тех, для кого физический труд, жизнь по солнечным часам и т.п. является традиционной и единственно-возможной формой существования.

Значительные концептуальные изменения в трактовке СМИ понятия «здоровый образ жизни» связано с появлением в Советском Союзе первого поколения людей умственного труда и характерного для данного вида деятельности сидячего образа жизни. Генетическая не приспособленность многих молодых людей к новым условиям, особенности социально-экономической жизни довоенной эпохи, сформировали объективную потребность

государства в разработке концепции пропаганды здорового образа жизни: регулярных занятий физкультурой и спортом (в те годы с акцентом на физическую культуру), соблюдение правильного режима дня и т.п.

В конце 1920-х начале 1930-х годов советской пропагандой активно формировалась потребность молодых людей быть здоровыми для получения возможности активного общественного труда и обороны страны. Тематические страницы, развороты центральных и местных газет были посвящены репортажам о проведении спартакиад, парадов физкультурников и другим спортивным мероприятиям. Такие материалы, передавали атмосферу жизнеутверждающей энергии здоровых, сильных, а потому радостных и счастливых молодых людей, формировали в сознании читателя устойчивое и прочное сочетание указанных категорий.

При этом важной концептуальной особенностью советской пропаганды является достаточно объемная трактовка понятия «здоровье», воплощенное в известном девизе «в здоровом теле – здоровый дух».

Газетные очерки и зарисовки прославляли молодых людей, сочетающих физическую силу и выносливость с неизменным оптимистичным настроем. Изучение публикаций этих лет показывает, что журналисты вкладывали в понятие «здоровый образ жизни» широкий смысл. Это – жизнь с верой в собственные силы, с умением не унывать и не впадать в отчаяние в самых сложных ситуациях.

В то же время различные нервные срывы, бессонницы, чувства тревоги и страха рассматривались в печати как следствие нездорового образа жизни.

Анализ довоенных журналистских материалов, посвященных данной тематике, показывает тенденцию к унификации образа жизни молодых людей.

В корреспонденциях 1930-х годов об организации труда и отдыха особое внимание уделяется соблюдению правильного режима жизни и самодисциплине. Здоровье советского человека постепенно становится достоянием государства. В связи с этим печатные органы партийных и профсоюзных комитетов уделяют особое внимание качеству медицинского обслуживания, организации горячего питания в учебных заведениях и на производствах, системе санитарно-гигиенического просвещения и профилактике различных заболеваний.

Возобновление внимания СМИ к пропаганде здорового образа жизни приходится на середину 1950-х годов. В этот период получают развитие многие тенденции, заложенные в предвоенное десятилетие. Приметой времени явилось особое внимание государства, получившее всестороннее отражение в печати, к качеству родовспоможения и предотвращению детской смертности. В специализированных и общественно-политических изданиях публикуется информация об открытии новых акушерских и фельдшерских училищах, зарисовки о лучших врачах, сумевших сохранить жизнь матери и ребенка.

В 1960-х годах прошлого века концепция пропаганды в СМИ здорового образа жизни остается прежней, но при этом существенно видоизменяется восприятие молодёжной аудиторией печатных, телевизионных и радио – материалов, призывающих следить за своим здоровьем, делать зарядку по утрам и соблюдать правильный режим дня.

Подобные публикации уже не занимают газетных и журнальных разворотов. Они постепенно уменьшаются в объеме и все чаще оказываются приуроченными ко Дню физкультурника и другим событийным поводам.

Реальные молодёжные кумиры 60-х курят и не отказываются от алкоголя, пренебрежительно относятся к своему здоровью, изнуряя организм ради достижения поставленной цели, «дела, которому ты служишь».

Образ киногероя, который с высокой температурой идет на работу, сбегает из больницы для проведения физических опытов, приветствуется журналистами и кинокритикой, оказывающей в ту пору большое влияние на формирование базовых ценностей молодёжи. Известная метафора «горит на работе» употреблялась в печати тех лет без приобретенного позже иронического оттенка. Положительное отношение общества к подобному принципу жизни наблюдается также при анализе однотипных текстов некрологов, публикуемых в СМИ. В качестве высокой оценки личности покойного

авторы неизменно подчеркивали: «он был беззаветно предан делу, умел заботиться о своем коллективе, о своей семье. Одного только не умел – жалеть себя». В качестве альтернативы в печати создавались образы эгоистов, жалеющих себя и воспринимающих свое здоровье как высшую ценность. Такие люди упоминались в качестве отрицательного примера в корреспонденциях и проблемных статьях, а также достаточно часто становились героями фельетонов, авторы которых формировали ироничное отношение к стремящимся «непрерывно мыть руки перед едой и спать не менее 8 часов в сутки».

В результате подобного пропагандистского воздействия в сознании молодых людей 1970-х начала 80-х годов начало формироваться определенное пренебрежение по отношению к своему физическому состоянию. Здоровье использовалось в качестве своеобразной ценной монеты, с помощью которой можно приобрести не менее ценные блага.

Правда, система ценностей молодёжи в эти годы смещалась от стремления не жалеть здоровье ради бескорыстного служения высокой цели к карьерному росту, высоким заработкам, приобретению дефицитных престижных вещей и т.п.

Таким образом, людей с различными жизненными целями объединяло достаточно схожее безразличное отношение к своему здоровью.

При этом параллельно продолжалась пропаганда через СМИ здорового образа жизни.

Анализ газетных и журнальных материалов тех лет показывает, что в последнее советское десятилетие велась достаточно объемная работа по первичной и вторичной профилактике заболеваний, популяризации физкультуры и спорта. Массовые печатные издания выступали организаторами спортивных соревнований, конкурсов и викторин, регулярно выходили тематические страницы в центральных и местных изданиях с постоянными рубриками: «Папа, мама, я – спортивная семья», «Бегом от инфаркта», «Закаляйся как сталь» и другие.

Однако авторы большинства материалов, посвященных данной тематике, зачастую не стремились к глубокому изучению особенностей читательской аудитории, не искали оригинальных средств воздействия на молодежь, часто использовали устаревшие композиционные приемы и языковые штампы. В результате можно сделать вывод, что в 1970-х – первой половине 1980-х гг. СМИ проводило пропаганду здорового образа жизни, но далеко не всегда она была эффективной.

В этот период наблюдается снижение влияния официальной пропаганды и усиление воздействия на сознание молодёжи образа жизни западного общества, который в ту пору трудно было называть здоровым.

Список причин отказа молодых людей от здорового образа жизни все чаще пополнялся открывшимися в 70-х гг. новыми формами досуга. Дискотеки, с разрушающей нервную систему громкой светомызкой, возможность свободного курения в общественных местах, зарождение моды на беспорядочные сексуальные связи и прочее.

Представляется, что данная ситуация стала одной из главных причин резкого снижения физического здоровья населения в период децентрализации конца 1980-х 1990-х гг., когда здоровье граждан постепенно переходило, условно говоря, из государственной в личную собственность. Разумеется, при анализе причин снижения в этот период продолжительности жизни, широкого распространения женского курения, наркомании, обострения хронических заболеваний и т.п., необходимо комплексное рассмотрение всех факторов риска данной эпохи. Однако изучение качества пропаганды в СМИ здорового образа жизни в доперестроечную эпоху в определенной степени объясняет тот факт, что молодежь и люди среднего возраста достаточно легко приняли все то, что явно вредило их здоровью: фаст-фуд, энергетические напитки, переход на ночной образ жизни и т.д.

В связи с этим в начале 1990-х годов происходит своеобразная трансформация объема понятия «здоровый образ жизни». Этот устойчивый лексический оборот словно распадается на две не только не связанные между собой, но и противоречащие друг другу части: «здоровье» и «образ жизни».

Здоровьем россиян стали активно заниматься представители коммерческих структур, которые размещали во всех видах СМИ рекламу пищевых добавок. Наиболее характерной особенностью подобных рекламных текстов и слоганов явилась мысль о том, что для восстановления здоровья человеку совсем необязательно менять образ жизни. Напротив, были использованы разнообразные средства для убеждения читательской и зрительской аудитории в том, что предлагаемые препараты помогут избавиться от любого недуга и сохранить при этом нефизиологичный режим жизни и многие вредные привычки. «Лень делать зарядку? Приобретайте препарат для похудения или массажный пояс, при помощи которого можно сбросить лишний вес», при этом продолжая сидеть у телевизора и питаться углеводистой пищей.

С помощью современных PR-технологий СМИ создавали новые образы эталонных героев и вызывающих насмешки старомодных приверженцев утренней зарядки и бега трусцой. Эти яркие приметы 1990-х годов продолжают свое развитие и в начале нового века.

Основной массив, пропагандирующий лекарственные препараты, продукты питания, гигиенические

средства содержится в рекламных видеороликах. Для осуществления манипулятивного воздействия не только на молодежную, но и на возрастную аудиторию используется прием создания «псевдонаучности». Зачастую в качестве «неоспоримых» аргументов приводятся данные якобы проведенных исследований, а рекмейкеры оперируют неизвестными для рядового зрителя понятиями, такими как «уровень PH 5.5» (реклама средств личной гигиены), «лактобактерии Казель и Эранозус» (реклама питьевого йогурта «Актимель») и т.д.

Вместе с тем наблюдается зарождение и другой тенденции: с укреплением российской государственности категория здоровья на самом высоком уровне стала рассматриваться как важнейшее национальное достояние.

В 2002 году на заседании Госсовета России была принята новая концепция пропаганды в СМИ здорового образа жизни. Она предусматривает комплекс разнообразных мер, направленных не только на повсеместное развитие физкультуры и спорта, но и глубокое осмысление россиянами самооценки собственного здоровья и здоровья окружающих [1].

С 2009 года начала действовать федеральная программа «Здоровый образ жизни», на реализацию которой из бюджета было выделено 830 млн. рублей [2].

Исследование публикаций в современных СМИ, направленных на осуществление программ оздоровления нации, показывает, что в последние годы произошли заметные позитивные изменения. Во всех видах СМИ, по сравнению с еще недавним прошлым, уделяется большее внимание развитию физкультуры и спорта. В частности, появился федеральный канал «Спорт», спортивная тематика широко представлена практически во всех молодежных журналах. Постоянно увеличивается количество русскоязычных интернет-сайтов, на которых размещается спортивная информация.

Анализ тематических и жанровых особенностей материалов в различных типах печатных и электронных СМИ позволяет выделить ряд наиболее существенных направлений в реализации данной государственной программы.

Одним из них является всестороннее освещение труда школьного учителя физкультуры. В течение нескольких десятилетий в общественном сознании урок физкультуры воспринимался как малозначимый и второстепенный предмет. Сегодня используется разнообразные средства для изменения данного стереотипа. Достаточно показательным в этом смысле является опыт «Учительской газеты». На ее страницах постоянно публикуются проблемные материалы, анализирующие причины на первый взгляд парадоксального явления: некоторые ученики

не хотят идти на урок, который призван не только оздоравливать их, но и приносить им радость. «Все уроки в школе, – пишет «Учительская газета», – работают против здоровья человека и только одна физкультура – «за» него [3].

О том, какие аспекты данной проблемы привлекают особое внимание редакции можно судить по характерным заголовкам материалов «Как сделать уроки полезными и привлекательными?», «Зачем учить физкультуре?», «Каждому ребенку нужна своя физическая нагрузка».

В последние годы появляется значительное количество публикаций, указывающих на низкий профессиональный уровень учителя. Под рубрикой «Звонок по письму» публикуются письма родителей о происшествиях на уроке физкультуры, требующих немедленного вмешательства газеты. Тематический диапазон «родительских историй» достаточно широк – от курьезных («Бегал на уроке физкультуры» такое замечание учительница записала в дневнике первоклассника[4]), до трагических (о девочке, которая из-за халатности учителя отморозила руку [5]).

Авторы большинства материалов, как в «Учительской газете», так и в других специализированных изданиях видят решение проблемы в разработке методики индивидуального подхода к каждому ученику. В сегодняшней педагогической журналистике все чаще появляются зарисовки об учителях-новаторах. В частности, широкое обсуждение получила инновационная методика учителя физкультуры Веселовского района Ростовской области Василия Титюка [6].

Другое важное направление в работе СМИ – размещение разнообразной информации о факторах риска для здоровья различных возрастных групп населения. Особенностью современного подхода к освещению этой темы является выделение интернет-зависимости как сложно диагностируемого и наиболее опасного недуга, которому подвержена наибольшая часть подростков и молодых людей. В связи с этим в молодежных СМИ, а также в изданиях, обрисованных педагогом и родителем, публикуется интервью с психологами и психиатрами, редакции организуют круглые столы с привлечением различных общественных организации к решению данной проблемы. Анализ публикаций о других факторах риска для здоровья показывает, что наряду с традиционным акцентом на негативных последствиях злоупотребления алкоголем и табачными изделиями, журналисты последнее время широко используют различные формы убеждения читателя, основываясь на положительных примерах. Так, в многочисленных интервью наиболее популярные в молодежной среде музыканты и артисты рассказывают поклонникам о том, что решили отказаться от вредных привычек («Земфира – за здоровый образ жизни») [7].

Данная тенденция наблюдается также в подаче информации о правильном питании и режиме дня. Известные спортсмены делятся с читателем опытом организации своей жизни, сообщая при этом о прекрасном самочувствии.

В отдельную группу можно выделить материалы обобщающего характера. Это, как правило, отчеты о заседаниях координационных советов по вопросам развития физкультуры и спорта при региональных органах местного самоуправления, брифингах, онлайн конференциях.

В расширенных информациях о ходе дискуссии на указанных форумах обычно освещается комплекс проблем, связанных с необходимостью серьезных изменений в сознании россиян и формированием качественно нового подхода к собственному здоровью и жизни.

Таким образом, в современном пропагандистском воздействии СМИ на разновозрастную аудиторию достаточно отчетливо выступают два противоречащих друг другу информационных потока. На фоне масштабной кампании по пропаганде здорового образа жизни СМИ продолжают рекламировать слабоалкогольные коктейли, табачные изделия, энергетические напитки, которые, как известно, небезобидны для здоровья.

Какой из этих информационных потоков оказывает наиболее действенное влияние на молодежную аудиторию? Для выяснения этого вопроса будущим журналистам (студентам 1-2 курса факультета филологии и журналистики ЮФУ) было предложено написать эссе об их восприятии деятельности современных СМИ по реализации программы оздоровления нации, а также рассказать о своем образе жизни. Анализ творческих работ на предложенную тему показал, что студенты в целом отмечают позитивные изменения в освещении данной тематики, но вместе с тем обращают внимание на то, что все виды СМИ отдают предпочтение материалам в информационных жанрах (интервью, зарисовки, отчеты, большое количество новостных публикаций о спортивных соревнованиях). При этом крайне редко появляются аналитические статьи, которые предлагают оптимальное решение проблем организации питания студентов вузов, разработки индивидуальных нагрузок на занятиях физкультурой и др.

Важно отметить, что никто из респондентов не смог однозначно назвать свой образ жизни здоровым. Систематизация указанных студентами причин этого явления показывает, что большинство опрошенных уверены: для того, чтобы вести здоровый образ жизни, необходимо посещать дорогостоящие фитнес-клубы, тренажерные залы, бассейны, а также покупать в спортивных центрах специальные салаты, соки, оздоровительные коктейли и т.п. Этот перечень

чаще всего дополняется в студенческих работах списком необходимой спортивной одежды престижных марок. Подводя итог, многие респонденты заключают: «У меня нет материальной возможности вести здоровый образ жизни».

При обсуждении в аудитории указанных работ, студентам был задан вопрос о причинах их отказа от самостоятельного приготовления салатов и соков, а также бесплатных занятий физкультурой на свежем воздухе в обычной спортивной одежде. Оказалось, что самостоятельное оздоровление ассоциируется у участников дискуссии с особенностями менталитета людей пожилого возраста. Аргументируя данное утверждение, студенты ссылались на возраст участников и зрителей программы «Малахов +». Анализ телевизионной сетки вещания показывает, что указанный стереотип в немалой степени сформирован СМИ. На сегодняшний день нет ни одной молодежной программы о самоорганизации здорового образа жизни. Наиболее популярными в студенческой среде оказались не отечественные публикации о формировании полезных привычек, а телепрограммы и фильмы, герои которых, напротив, демонстрируют свои вредные привычки.

В наши дни населению страны предоставляется право небывало широкого выбора, что предполагает высокий уровень самосознания личности.

Проведенный исторический экскурс показывает, что наиболее результативной деятельностью СМИ была в те исторические периоды, когда понятие «здоровый образ жизни» рассматривалась не только в физиологическом, но и в психологическом, духовном, нравственном аспектах.

В наши дни началась большая работа, направленная на то, чтобы Россия стала страной здоровых людей. Достижение этой цели в немалой степени зависят

от того, насколько эффективно будут работать в этом направлении средства массовой информации.

«Нам сегодня, – отмечал Д.А. Медведев, – нужно подумать о том, как на современном уровне, без занудства и пошлости, пропагандировать здоровый образ жизни» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция информационно-образовательной компании по пропаганде физической культуры и здорового образа жизни среди детей, подростков и молодежи. URL: <http://lib.sportedu.ru/press/fkvot/2003N1/p18-24.htm>.
2. Постановление Правительства РФ от 18.05.2009, N 413 «О финансовом обеспечении в 2009 году за счет ассигнований федерального бюджета мероприятий, направленных на формирование здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака». URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=87909>
3. Репьева И. Зачем учиться физкультуре? // Учительская газета. 2003. 16 сентября.
4. Егоров Д., Горюхина Д. Бегал на уроке физкультуры! // Учительская газета. 2002. 2 июля.
5. Туманова Н. Случай на уроке физкультуры. // Учительская газета. 2007. 10 апреля.
6. В хуторе Ленинском Ростовской области учитель физкультуры успешно воплощает в жизнь свою программу «Спортивный класс» // DONTR.RU. URL: <http://news.webrostov.ru/society/4070592>.
7. Земфира за здоровый образ жизни. URL: http://informativ.ru/01-02-2008_11-21.
8. Медведев Д.А. Речь на встрече с ведущими кардиологами России. 19.05.2007. URL: http://www.rost.ru/news/2007/05/181611_9226.shtml.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ РЕАБИЛИТАЦИИ – НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

**Калачинская О.А.,
Васильева О.С.**

Данная статья посвящена исследованию жизненной ситуации военнослужащих, находящихся в экстремальных условиях. Показано, что непринятие изменившейся ситуации, произошедших перемен, потеря личностью смысла затрудняют процесс социальной адаптации, осложняют процесс выздоровления. Экзистенциальный подход в процессе реабилитации позволяет пробудить внутренние жизненные силы человека, направить их на процесс изменения своей жизни, развить ценностно-смысловую сферу и восстановить социальное здоровье личности.

Ключевые слова: здоровье, жизненная ситуация, принятие, альтруизм, осмысленность жизни, самопознание, развитие.

Современность характеризуется не только техническим прогрессом, но и огромным «материалом» мировых войн, бедствий, социальных катастроф и революций 20-го века. Варварские последствия Первой Мировой войны потрясли европейское сообщество. Количество погибших, раненых, искалеченных людей, шокировало, не укладывалось в сознании. В переходе от одного поколения к другому, трагедии истории постепенно теряют свою угнетающую силу, но не уходят из памяти, а продолжают присутствовать в новых эксцессах мирового насилия. Об этом говорят трагические события в Косово, Югославии, Чечне, Южной Осетии и др., приведшие к массовой гибели людей, травмам и ранениям.

Перед историками, философами нашего времени встала задача осмысления всеевропейского многомиллионного отрицательного опыта. Попытки открытия смысла человеческого развития заключались в поисках ответа на вопросы: «Возможно ли повторение трагедий? В чём идея спасения в ситуации радикальной экзистенциальной опасности? Каковы возможности человека в экстремальной ситуации?».

Идея спасения, как указывают в своих работах М. Фуко, М. Хайдеггер и др. исследователи [8, с. 295], при историческом переходе от Средних веков к Новому времени радикально преобразуется. «Существенная для христианства мысль о достоверности спасения заимствуется, но «спасение» – уже не потустороннее вечное блаженство; путь к нему – не отказ от самости. Спасительное и здоровое отыскивается исключительно в свободном саморазвёртывании всех творческих способностей человека» [9, с. 234]. И это саморазвёртывание осуществляется относительно двух идей – свободы и здоровья. Войны дали толчок к новому пониманию человеческого существования. Страдание преобразуется

в морально-политическую категорию, обосновывающую стремление к свободе и одновременно, переживание страдания рассматривается как шанс к спасению.

Проблема реабилитации людей, принимавших участие в ведении военных действий, получивших травмы/ранения, находящихся в экстремальных условиях, является актуальной и одной из важнейших психологических и медико-социальных проблем настоящего времени.

Исследования, проведённые отечественными и зарубежными специалистами (Д. Гарнер, С. Кливленд, С. Фишер, Г.А. Арина, А.Ш. Тхостов, Е.Т. Соколова и др.) в русле культурно-исторического подхода, отчётливо показали, что на формирование общего уровня самопринятия и самооценки своего здоровья влияет телесный опыт человека. По мнению авторов, отражение телесной сферы, хотя и носит глубоко индивидуальный характер, является культурным феноменом, опосредованным категориальной структурой сознания, являющейся продуктом присвоения общественного опыта.

На базе 625 Центра психологической помощи и реабилитации г. Ростова-на-Дону, во время работы в 236 военном госпитале г. Владикавказа с пострадавшими в ходе операции по принуждению республики Грузия к миру, нами было проведено эмпирическое исследование. В работе также приняли участие военнослужащие Северо-Кавказского военного округа, длительное время находящиеся в экстремальных условиях (военнослужащие погранзастав 4-й Военной базы). Все испытуемые были разделены на четыре группы:

1. Тяжелораненые военнослужащие: 11 человек в возрасте 19-23 лет.
2. Военнослужащие, получившие лёгкие ранения и ранения средней степени тяжести: 80 человек в возрасте 19-35 лет.

3. Военнослужащие, проходящие службу в зонах повышенной опасности и сложными бытовыми условиями (в экстремальных условиях): 100 человек в возрасте 19-33 лет.
4. Здоровые испытуемые, военнослужащие, находящиеся в привычных условиях существования: 80 человек в возрасте 18-28 лет.

В исследовании использовались следующие методики: дополненная методика ценностных ориентаций (ЦО) М. Рокича; цветовой тест отношений (ЦТО) Е.В. Эткида в модификации Г.А. Ариной; модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения» Л. Сакса и В. Леви; опросник С. Хобффола оценки способности к преодолевающему поведению (SACS); определение ценностной структуры образа тела (ЦСОТ) С.Фишера в модификации Е.Т. Соколовой; опросник Ч.Д. Спилбергера и Ю.Л. Ханина определения уровня реактивной и личностной тревожности; проективная методика «Рисунок человека»; 8-цветовой тест Люшера; индивидуальная беседа.

Проведённое исследование показало, что у здоровых испытуемых тело более ясно представлено в сознании, чем у военнослужащих, получивших ранения. Так при выполнении методики ЦСОТ, при свободной актуализации здоровые испытуемые называли в среднем 8,8 частей тела, раненые 2 группы – 8,1; тяжелораненые и военнослужащие с ампутацией конечностей – 4,2. При этом все испытуемые 3 и 4 групп называли внутренние органы, а испытуемыми 1 и 2 групп внутренние органы практически не назывались. Все испытуемые 2 группы с ожогами лица, называли сначала лицо и только после паузы перечисляли другие части тела. Известно, что лицо несёт особую коммуникативную нагрузку и является особо значимым для людей молодого возраста. Более 87% здоровых испытуемых отмечали лицо и его части. Военнослужащие, перенесшие ампутацию, называли руки и ноги, как правило, на этом останавливались.

Полученные данные указывают на то, что важную роль в организации телесного опыта играют болевые ощущения: локализация ощущений в какой-либо части тела свидетельствует о чёткости и полноте её осознания. У раненых с фантомно-болевым синдромом боль помогает сохранить иллюзию реального существования ампутированной конечности. Для них характерны такие высказывания (при выполнении методики «Незаконченных предложений»): «для меня важно... вернуть руку (ногу), стать прежним». И в тоже время – «по сравнению с большинством людей... я такой же». Наблюдается несоответствие между сознательной компонентой и бессознательным стремлением остаться в прежнем мире. Очевидно, что боль снимает, а страх мешает необходимости переструктурирования образа физического Я. Продолжить фразу «когда я буду старым...» около 80%

испытуемых 1 группы не смогли, что говорит о возникновении синдрома «закрытости будущего».

Для определения неосознаваемого отношения к телу, изучения образа физического Я, использовалась проективная методика «Рисунок человека». Для военнослужащих 1 группы, характерен отказ от рисования (говорили: «Сейчас не могу», – даже при наличии хорошего контакта с психологом). Выполненные же рисунки носят примитивный характер, линии нечёткие, часто вытянуты, в образе тела нарушены пропорции (удлинены), отсутствуют признаки половой принадлежности. Согласно теории А. Лоуэна [5, с. 118] эти данные (и данные методики «Незаконченных предложений») свидетельствуют о наличии страха у пострадавших, причём не конкретного, а бессознательного глобального страха перед миром. В некоторых рисунках, напротив, обращает на себя внимание чёткость и скрупулезность в прорисовке рук и ног (у испытуемых 1 группы). Эта тенденция также говорит о неготовности (на неосознаваемом уровне) принять произошедшие изменения с телом и отражает противоречие между необходимостью перестроить образ тела и реальной жизненной ситуацией.

В рисунках 2 группы также наблюдалась большая схематичность и нечёткость в прорисовке деталей, очень слабый нажим, нежели у военнослужащих 3 и 4 групп. Вероятно, эти данные свидетельствуют о модификации образа тела: образ физического Я строится с учётом изменения телесного опыта, что говорит о принятии жизненной ситуации.

Отмечены сенсорная бедность и негативный локус телесных ощущений у пострадавших, что свидетельствует об их нежелании быть «здесь-и-сейчас», об их стремлении уйти в другую реальность. Военнослужащие, находящиеся в состоянии депрессии, воспринимают своё жизненное пространство как сузившееся, теряют остроту чувств. Д. Хелл указывает на то, что в экстремальных случаях «тело воспринимается менее одушевлённым, чем прежде, зачастую, как пустая оболочка. При этом собственное пространство жёстко ограничено от пространства мира» [11, с. 43].

Обращает на себя внимание следующая закономерность – характер ранения и отношения с окружающими находятся между собой в сложной связи. Военнослужащие, перенесшие тяжёлые ранения, ампутацию, часто отказываются принимать новые правила (неспособность ухаживать за собой, обязательность медицинских процедур), отказываются контролировать свои ситуативные побуждения (нарушается диета, запрет курения и пр.), что приводит к осложнению их отношений с окружающими (медперсоналом, коллегами, родными и близкими). Состояние больных ухудшается в результате активных или пассивных протестных реакций, колебаний эмоционального состояния. Часто гиперопека со

стороны близких приводит к пессимистическому и даже трагическому взгляду в будущее, депрессии.

Высокие показатели, полученные при изучении реактивной тревожности, указывают на наличие невротического конфликта у военнослужащих 1 группы. Признаки повышенной тревожности регистрировались и в тесте Люшера. Чёрный, фиолетовый, серый цвета; сочетание чёрного и жёлтого – занимали первые позиции у военнослужащих 1 группы, что позволяет судить об их негативном душевном состоянии – чувстве безнадежности, обречённости, отчаянии. Жёлтый, красный и синий цвета занимали первые позиции у здоровых испытуемых и указывали на их положительное настроение, стремление к позитивному эмоциональному состоянию и несколько повышенное деловое возбуждение (табл. 1).

Таблица 1
Выбор цвета, при выполнении 8-цветового теста Люшера, разными группами испытуемых

	Ранг цвета							
	Жёлт.	Синий	Красный	Зелё- ный	Фио- лет.	Коричн.	Чёрный	Серый
Группа №1	2,5	7	8	5	2,5	6	1	4
Группа №2	3	4	7	1	8	5	6	2
Группа №3	4	5	1	2	3	7	6	8
Группа №4	1	3	2	4	5	7	6	8

При оценке способности испытуемых 2 и 3 групп к преодолевающему поведению и определения уровня тревожности, выявлено снижение показателей тревожности при повышении показателей агрессивности. В данной ситуации агрессию можно рассматривать как негативный, но всё же менее деструктивный фактор, чем тревожность.

В процессе выполнения методики ЦТО, выборы цветов, сделанные военнослужащими 3 и 4 групп, показывают, что для большинства из них тело является источником достижения удовольствия (жёлтый цвет); также влияет на эмоциональное состояние и уверенность в себе, на чувство целостности (синий цвет); на активное стремление к деятельности, на расширение контактов и стремление к впечатлениям (красный цвет). Дополнительные цвета (чёрный, коричневый, серый), как правило, этими военнослужащими не назывались (табл. 2).

Для группы раненых с ампутацией конечностей характерен выбор отвергаемых чёрного и коричневого

цветов для категории «всё тело». Очевидно, данный факт свидетельствует о фрустрации потребности в независимости, стремлении уйти от беспокойных мыслей, постановке нереальных задач. Для испытуемых 2 группы наиболее часто встречается серый цвет в категории «всё тело», что говорит о недостаточном владении собственным телом, существующем препятствии в достижении некоторых потребностей. Характерно, что военнослужащие, получившие тяжёлые ранения (1 группы), в категориях «голова», «всё тело» выбирали зелёный, чёрный и коричневый цвета (табл. 2). Данное сочетание указывает на чувство неудовлетворённости, усталости, переоценке значимости к себе со стороны окружающих, стремлении к жалости и потребности в самоутверждении. Нужно отметить, что нередко негативное эмоциональное состояние связано с обидой на окружающих: «Почему именно я получил ранение? Почему назначения (медицинские) у меня другие и пр.?». Присутствие чёрного цвета на первых позициях также трактуется как протест против судьбы, как желание отстаивать свои взгляды. Регрессивные реакции, в этом случае, основаны на отрицании травматического опыта, на желании травмированной души аннулировать, «анестезировать» боль и вернуться к нарциссическому состоянию ребёнка.

Для 3 группы военнослужащих, находящихся в экстремальных условиях, характерен выбор красного, зелёного и фиолетового цветов. Такой выбор присущ людям, испытывающим деловое возбуждение, не всегда адекватную увлечённость, преодолевающим трудности, активно добивающихся поставленной цели и стремящихся к высокой оценке своей деятельности.

Как показывают наши наблюдения, многими военнослужащими, получившими тяжёлые травмы и ранения, травма воспринимается как значительная, иногда и вовсе непреодолимая преграда на пути достижения жизненных целей. И как следствие, у них возникает субъективное ощущение «закрытости будущего», безнадежность, страх и отчаяние. Депрессивные ожидания в отношении будущего выражались военнослужащими как в прямой форме (просьбу продолжить предложение «наступит день, когда...», заканчивают словами «начнётся война, все погибнут и т.д.»), так и в защитной (раненые говорили об отдалённом будущем, которое они не смогут увидеть). Деструктивные и танатические фантазии, возникшие

Таблица 2
Цвет, ассоциируемый испытуемыми с частями тела при выполнении методики ЦТО/среднее количество, названных частей тела, при выполнении методики ЦСОТ

	Оцениваемые части тела					
	Всё тело (названо частей тела)	Голова	Грудь	Спина	Руки	Ноги
Группа №1	Чёрный/коричн. (4,2)	Зелёный	Не оценивались			
Группа №2	Серый (8,1)	Фиолетов./серый	Синий/жёлтый	Коричн./зелён.	Зелён./фиолетов.	Чёрный
Группа №3	Красный/жёлтый (9,0)	Зелён./фиолет.	Зелёный/красный	Синий/фиолет.	Синий	Зелёный/коричн.
Группа №4	Красный (8,8)	Жёлтый	Красный	Красн./зел.	Синий	Зелёный

в результате эмоциональной оглушенности, являются проекцией неосознаваемых суицидальных тенденций, стремлением остаться безразличным к пережитым страданиям.

Состояние отчаяния и страха перед будущим парализует потенциальные возможности человека, ухудшает динамику выздоровления. Это состояние приводит к возникновению протестных реакций, выражающихся в отказе выполнять необходимые процедуры и предписания врача. Для военнослужащих, находящихся в депрессивном состоянии характерны высказывания: «Зачем мне это нужно? Я так жить всё равно не смогу».

Психологическая травма понимается как переживание, сопровождающееся чрезвычайно сильным чувством беспомощности, при столкновении с внезапным, потенциально опасным событием, которое превосходит возможности индивида и которое он не способен ни контролировать, ни сколько-нибудь эффективно отреагировать. Психологическая травма возникает из-за отсутствия индивидуальных ресурсов, необходимых для переживания травматического события. Как отмечает П. Левин, разрушительная сила психической травмы зависит от индивидуальной значимости, которое травмирующее событие имеет для человека, степени его психологической защищенности и способности к саморегуляции [12].

Важно отметить, что не сама травма и её характер влияют на динамику выздоровления и социальной адаптации. У многих раненых (около 20 – 25% человек) феномена «закрытости будущего» не обнаруживается. Напротив, обращает на себя внимание их самообладание, повышенная общая энергетика и тонус, чёткость и быстрота выполнения методик (что говорит о сформированности взглядов). На вопрос: «Что нового ты узнал о себе, переживая данное событие?» – отвечали, что в сложной обстановке, смогли сохранить уверенность в себе, в своих силах, принять верное решение; чувствовали ответственность за окружающих. Данные военнослужащие отмечали, что экстремальная

ситуация позволила им почувствовать гордость за себя (представление о себе, как о сильной личности), повлияла на рост самооценки и на уверенность в своих профессиональных качествах (самореализации). Как отмечают многие исследователи, «развитие самопознания, необходимого для достижения здоровья и счастья, возможно только на основе выхода человека за пределы социально обусловленной, ситуативной личности, и установления контакта со своим бессознательным. Средство для этого – знание, основанное на переживании» [2, с. 211].

В ходе исследования нами была выявлена взаимосвязь между эмоциональным состоянием военнослужащих и их системой ценностно-смысловой ориентации. Низкие показатели реактивной тревожности напрямую коррелировали с данными, указывающими на сформированность у испытуемых системы ценностей. Среди терминальных ценностей, военнослужащие чаще всего называли: причастность к делу по защите Отечества, воинская честь и достоинство, здоровье (физическое и психическое), уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий), продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей и сил), общественное признание (уважение окружающих) и др. У респондентов, находящихся в состоянии безнадежности, страха и депрессии, переживающих психологическую травму, выявлена несформированность отношений к самому себе, к другим людям и окружающему миру. На предложение проранжировать терминальные ценности, либо выбрать предпочитаемые, отвечали: «Не могу. Не знаю, мне всё равно» (табл. 3). На наш взгляд, ведущая роль и в становлении психической сферы, и в течение процесса выздоровления принадлежит мотивации, точнее ценностно-смысловой ориентации человека.

Ценностно-смысловая ориентация молодого поколения сформирована многими факторами: мотивационными установками родителей, значимыми близкими, характером их взаимоотношений, педагогами, СМИ

Таблица 3

Выбор респондентами терминальных ценностей при выполнении методики ЦО, в соответствии с уровнем реактивной тревожности

	Уровень реактивной тревожности/доля испытуемых	Ценностные ориентации
Группа №1	Высокий/80%	Не сформированы.
	Низкий/20%	Воинская честь и достоинство; защита Отечества; воинское братство; уверенность в себе; самопознание.
Группа №2	Высокий/20%	Не сформированы.
	Средний/60%	Активная деятельная жизнь; здоровье; достижение приличного положения в жизни; специальные льготы.
Группа №3	Низкий/20%	Воинская честь и достоинство; защита Отечества; самопознание; общественное признание; активная деятельная жизнь; развитие; здоровье; достижение цели.
	Средний/74%	Возможность увидеть жизнь в разных краях, испытать себя в сложных условиях; активная деятельная жизнь; материально обеспеченная жизнь; специальные льготы; уважение со стороны окружающих.
Группа №4	Низкий/26%	Причастность к делу по защите Отечества; активная деятельная жизнь; дружба; самопознание; самосовершенствование; достижение цели.
	Средний/63%	Активная деятельная жизнь; развитие; материально обеспеченная жизнь; здоровье; свобода.
Группа №4	Низкий/37%	Причастность к делу по защите Отечества; уверенность в себе; продуктивная жизнь; дружба; самопознание.

(телевидением, Интернетом, прессой), рекламой и другими социокультурными факторами. В результате этого адаптация происходит чаще не к реальным условиям, а к условиям, порождаемым иллюзорными представлениями. Как отмечают О.С. Васильева, Л.Р. Правдина, «социальная среда, предоставляя широкие возможности совершенствования когнитивной сфере личности, проявляет всё меньше возможностей для стимулирования развития и совершенствования поведенческой, эмоциональных сфер, самосознания субъекта, его ценностных и смысловых сфер. Это происходит благодаря стереотипизации социальных ситуаций, культивированию репродуктивных стилей мышления и поведения, более удобных для социума, чем индивидуальные... Человек в обыденной жизни не часто прибегает к самосознанию, потому что многие поведенческие акты регулируются автоматически, а стереотипные бытовые ситуации не дают повода для поиска новых стратегий» [2, с. 206]. Человек учится воспринимать как «жизнь» всё, что не содержит реальной опасности (эту иллюзию обеспечивает, как правило, неизменность его бытия, «виртуальный мир» Интернета, телевидения, компьютерных игр и пр.), и как «трагедию» всё, что содержит в себе окончание стабильности и всякий новый опыт. Поэтому, как правило, человек обучается программировать свои действия так, чтобы избежать телесного неудовольствия. М. Хайдеггер указывал на то, что «всё, что у нас получается хорошо, мы в некотором смысле пытаемся поставить на конвейер, чтобы впоследствии извлекать из этого социальную выгоду. Однако наша суть, которая в то же самое время не только наша, но и суть вещей, и само бытие, зачастую требует от нас отказа от привычных социально успешных моделей поведения и рискованного погружения в неизвестное и неосвоенное» [10].

В настоящее время средствами массовой информации активно пропагандируется и навязывается развитие потребительской, финансовой, достиженческой мотивации, которая является частным случаем мотивации индивидуалистической и порождает иждивенческую позицию (манипуляцию окружающими). Конфликт между внешним и внутренним, подготовленный предшествующим опытом, наиболее ярко проявляется в экстремальных условиях. Полученная травма, ограничивая культивированные достиженческие способности, является серьёзным препятствием в конкурентной борьбе и, как следствие, приводит к отчаянию и капитуляции перед жизненными трудностями.

Необходимо отметить, что экстремальная жизненная ситуация, в которую попадает человек – это не только внешние условия его жизни (биологические, социальные, духовные). Это также совокупность целого ряда факторов, определяющих актуальное состояние человека, (биологическое, психическое, социальное, духовное), внутренние соматические, психические и духовные процессы. Экстремальная ситуация меняет привычное течение бытия и может привести к нарушениям в процессе становления самосознания личности,

в случае потери смысла и значения своего существования (как доказывает проведённое исследование).

Период выздоровления и реабилитации – это период самоопределения, формирования предпочтений, период осмысления. В данное время человек должен ответить на вопросы: «Кто я? Что в жизни главное? Для чего я живу?». Эти вопросы во многом лежат в основе кризиса, переживших трагедию. От ответа на них зависит не только разрешение кризиса, но и становление всей личности человека.

Если вернуться к вопросу о том, узнавание чего достигается в переживании экстремальной ситуации, то можно утверждать, что испытание позволяет познать себя и свои вытесненные переживания, о которых мы не догадываемся. Экстремальная ситуация, сталкивая человека с угрозой для жизни и смерти, позволяет мобилизовать свои ресурсы, ставит его перед необходимостью жизненных изменений, даёт шанс для изменения себя. Причём самой большой силой воздействия обладают не ожидаемые и предсказуемые события, а экстремальные ситуации, приводящие к резкой смене обстоятельств, изменяющие смысл существования, преобразующие картину жизни. Как подчёркивает Аристотель, «перелом... есть перемена делаемого в свою противоположность, и при этом... вероятная или необходимая» [1, с. 652]. По мнению философа, переломы в жизни говорят о том, что понимание наших действий и того, что с нами происходит – относительно и может измениться в любой момент. Перелом всегда детерминирован внутренними причинами.

В ходе реабилитации пострадавших, оказания психологической помощи, отмечено, что одним из положительно влияющих на течение выздоровления, является альтруистический тип ориентации человека. Военнослужащие, которые могли найти смысл в произошедшем трагическом событии, отмечали следующее: «Я стал более опытным, могу поделиться своим опытом с товарищами, когда вернусь в часть. Состояние моё лучше, чем у многих. Я сейчас могу помочь другу. Я выжил и у меня ещё много дел впереди».

Осознанность, причастность к общему делу, забота об окружающих – очень важные факторы в формировании самосознания личности. Они развивают самоконтроль и повышают индивидуальную ответственность за сложившуюся ситуацию, помогают уйти от ипохондрического состояния, от длительного переживания собственных страданий. П. Леви считает важным признавать способность людей поддерживать и воодушевлять друг друга в процессе трансформации травмы (акцент на патологии, по мнению автора, может препятствовать процессу исцеления, так как отвлекает внимание человека от его собственной внутренней способности к саморегуляции и восстановлению своего баланса и жизнестойкости) [13]. Альтруистическая мотивация снимает конкурентные устремления, порождает позитивное отношение к другим людям и доверие к жизни.

Зачастую религиозная ориентация позитивно влияет на процесс выздоровления и адаптации. В данном случае любая жизненная ситуация воспринимается как испытание от Бога, как промысел Божий. В рамках христианства такое отношение к трагедии получило название «смирения». Трагедия, любая экстремальная жизненная ситуация, посланная Богом, в таком рассмотрении имеет более широкий смысловой контекст. Она, в духовном видении, всегда имеет глубокий смысл и необходима, «послана» человеку. Принятие жизненной ситуации рассматривается как испытание, вследствие чего, препятствует появлению у человека чувства отчаяния и безнадёжности. Как отмечает В.А. Подорога, важно научиться размышлять о собственном телесном опыте не с позиции нормативной установки, а с позиции нашей возможности быть в живом мире в качестве живого, обладающего телом и «духом» существа [6, с. 8].

Современные когнитивистские подходы, работая с посттравматическими симптомами и тревожными состояниями, подчёркивают важность когнитивных и перцептивных факторов в их возникновении. Психологическая травма рассматривается в данном случае как некоторая болезненная реакция на неблагоприятное жизненное событие, которая должна быть устранена, а не как переживание личности, которое имеет смысл для жизни человека в целом. С нашей точки зрения эффективная психологическая помощь людям, пострадавшим от травмы требует рассмотрения её в более широком экзистенциальном контексте, в связи с возможным развитием и изменением личности.

Согласно экзистенциальным подходам (человекоцентрированной терапии К. Роджерса, экзистенциальной терапии И. Ялома, логотерапии В. Франкла, процессуально-ориентированной психологии А. Миндели и Э. Миндели, экзистенциально-гуманистической психотерапии Дж. Бьюдженталя), помощь человеку с синдромом внутренней опустошённости и утратой смысла жизни («экзистенциальным вакуумом» по В. Франклу) заключается в попытке высвободить некое позитивное начало в нём, его творческий душевный и телесный потенциалы. Логотерапия В. Франкла, рассматривая стремление к смыслу, как базисный мотив человеческого поведения полагает, что психологическая травма обусловлена утратой человеком жизненно важных смыслов и ценностей. Психологическая травма неожиданна, беспричинна и потому воспринимается как бессмысленная, что трудно вынести. Это заставляет пострадавших искать какое-либо объяснение тому, что произошло, дабы травматическое страдание стало более осмысленным и благодаря этому легче переносимым [7]. Психологическая травма ставит человека перед необходимостью восполнения смысла, который не может быть дан извне, поскольку образуется на пересечении внутреннего в человеке (ответственность за выбор) и внешнего (жизненная ситуация определяет перед индивидом задачи, которые необходимо осмыслить). Экзистенциальный подход построен на

глобальном доверии к человеку, на том, что лучший ответ может дать только сам человек. Попытка ответить на вопрос: «Почему это случилось и для чего это нужно?» – это процесс поиска смысла личностью, процесс образования его духовной сферы.

В своей работе мы опирались, прежде всего, на экзистенциальное толкование опыта: «Какой смысл мне открывается? Как я существую?». Особое внимание уделялось неразрывности бытия человека с миром, развитию чувства нераздельности с другими. Травма рассматривалась не как отдельное событие, а как неизбежный жизненный факт, имеющий значение для всей жизни человека.

В процессе реабилитации раненых мы не руководствовались заранее заготовленными схемами, т.к. травма всегда затрагивает достаточно глубокие слои души и переживания личности. Наши действия, всецело зависели от контекста конкретной ситуации и от особенностей толкования пережитого опыта. Специфика ситуации выявляла необходимость предельной собранности психолога, умения поддерживать особый эмоционально-энергетический контакт в терапии с пострадавшими. Только в атмосфере доверия и эмпатии, когда клиент чувствует надёжность и защищённость своей духовной целостности, снимаются травматические защитные механизмы, отличающиеся высокой степенью сопротивляемости к изменениям, и становится возможным исцеляющее терапевтическое воздействие. Важную роль в процессе реабилитации играет умение психолога выявлять взаимосвязи между травмирующими факторами и поведенческими реакциями, а также способность к пониманию «внутреннего мира травмы» – мировоззренческих проблем, переживаний, защит и индивидуальных способов преодоления клиента.

Главными целями первого этапа работы с ранеными были:

1. Облегчение актуального болезненного состояния.
2. Эмоциональная поддержка и восстановление внутреннего равновесия пострадавших.
3. Активизация ресурсных переживаний – использование ресурсов воображения и эмоциональной памяти.
4. Перевод когнитивной оценки травмирующей ситуации из однозначно негативной, в которую человек попал по своему выбору (принятие вины на себя), в ситуацию экстремальную, из которой он может и должен извлечь определённые уроки.
5. Обретение нового знания себя, своего внутреннего потенциала (ресурсной составляющей опыта), необходимого для процесса выздоровления; принятие себя со всеми достоинствами и недостатками.
6. Восстановление позитивной жизненной перспективы, прояснение жизненных целей, формирование мотивации к достижению успеха в будущем.

Психотерапевтическая работа строилась на основе эмпатии, означающей глубокое проникновение в мир

пострадавших, резонированием с их состоянием, целями, личностными ценностями и смыслами. Очень важно в процессе психокоррекции раненых было сохранить собственную позицию, сочетая в ней сопереживание, экзистенциальное видение, стремление к пониманию. Всё это помогало в работе «удержать равновесие» между двумя опасными крайностями: жалостью и бездушной коррекцией. С нашей точки зрения, задача психолога, работающего с психологической травмой в рамках экзистенциального подхода, заключается в том, чтобы пробудить внутренние жизненные силы самого клиента и направить их на процесс изменения им своей жизни. Восстановление такой связи оказывается целительным и позволяет клиенту внести в свою жизнь необходимые коррективы, сделать её подлинной и целостной.

Кажется уместным вспомнить наследие В.В. Кандинского, который так сформулировал цель своей теории: «1) найти живое, 2) сделать его пульсацию ощутимой и 3) обнаружить в живом целесообразное. Таким образом собираются живые факты – как отдельные явления, так и их взаимосвязи. Извлечь из этого материала окончательные выводы... в высшем смысле синтетическая работа. Эта работа ведёт к откровениям во Внутреннем – насколько это может быть дано каждой эпохе» [4, с. 208].

В результате проведённого исследования сделаны следующие выводы:

1. Человек – целостное существо и представляет собой изначально и неразрывное единство души и тела. Нельзя отдельно рассматривать течение соматических и психических процессов, т.к. они неразделимы. Травма (физическая/психическая) всегда меняет условия развития человека, приводит к возникновению новой жизненной ситуации, представляющей собой совокупность внутренних (психических и органических) процессов и внешних средовых факторов (культурных и социальных ценностей, взаимоотношений с окружающими и т.п.).

2. Пережитая экстремальная ситуация, в зависимости от личностных особенностей, особенностей взаимодействия с другими людьми, последствий ситуации/характера травмы, эмоционально-мотивационной сферы, оказывает разное влияние на изменение психической сферы, характерологических особенностей и на динамику процесса реабилитации.

3. Неготовность принять телесные изменения на бессознательном уровне, значительное сужение реальности/жизненной ситуации, вследствие нарушения психической сферы (изменения восприятия, сенсорной бедности, негативного локуса телесных ощущений и пр.) непосредственно отражает невозможность индивида к адаптации в новой жизненной ситуации.

4. В случае, когда травма воспринимается, как значительная преграда на пути достижения жизненных целей, возрастает уровень реактивной тревожности, возникает ощущение безысходности (субъективное

ощущение «закрытости будущего»). Это парализует потенциальные возможности человека, порождает внутренний конфликт и препятствует процессу выздоровления. У респондентов, находящихся в состоянии страха и депрессии, выявлена несформированность ценностно-смысловой сферы.

5. Альтруистический и религиозный типы ориентации человека позитивно влияют на процесс выздоровления. Пережитая экстремальная ситуация воспринимается ими как испытание, что препятствует возникновению чувства отчаяния и безнадёжности. У данных людей отсутствуют конкурентные устремления, чётко выражено позитивное отношение к другим людям и доверие к жизни.

6. Для военнослужащих, со сформированной системой ценностно-смысловых ориентаций, характерны: низкий уровень реактивной тревожности, позитивное самопредставление и присутствие мотивации к достижению успеха в будущем, что свидетельствует об адаптивном выходе из экстремальной ситуации.

7. Экзистенциально-гуманистический подход позволяет понять телесные и психические особенности человека, помогает расширить границы его жизненной ситуации, развить чувство нераздельности с другими людьми и миром, перейти от соматических проявлений к осознанию значения ситуации, открытию и построению новых жизненных смыслов и перспектив, позволяет спрогнозировать, предупредить возможные нарушения и сохранить социальное здоровье личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Поэтика // Соч. В 4 т. М., 1984.
2. Васильева О.С., Правдина Л.Р. Возможности развития личности в экстремальной ситуации // Северо-Кавказский психологический вестник. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 2004. № 2.
3. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. Соч. В 6 т. Т. 3. – М., 1982.
4. Кандинский В.В. Точка и линия на плоскости. – СПб., 2004.
5. Лоуэн А. Физическая динамика структуры характера. М.: Компания ПАНИ, 1996.
6. Подорога В.А. Феноменология тела. М., 1995.
7. Франкл В. Поиск смысла жизни и психотерапия // Психология личности. Тексты. М., 1982.
8. Фуко М. Рождение клиники / пер. с франц. А.Ш. Тхостова. М., 1998.
9. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие / пер. В.В. Библихина. – М., 1993.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1993.
11. Хелл Д. Ландшафт депрессии. М., 1999.
12. Levine P. Waking the Tiger: Healing Trauma. – Berkeley: North Atlantic books, 1997.
13. Levine P. Nature's lessons in healing Trauma. Foundation for Trauma Enrichment. – Lions, 1996.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИН, РЕАЛИЗУЮЩИХ РЕНТНО-ПРОМИСКУИТЕТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Короткова Е.В.

Статья посвящена исследованию такого малоизученного в психологической науке феномена, как женская проституция. Цель статьи – проследить взаимосвязь рентно-промискуитетного поведения женщин и их психологического здоровья. Предметом эмпирического исследования, описанного в статье, являются особенности системы отношений и эмоциональной сферы женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение. Показано, что в системе отношений женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, прослеживаются существенные отличия от системы отношений женщин контрольной группы. В наибольшей степени отличия касаются отношений к отцу, лицам противоположного пола, супружеской жизни. Помимо этого описанные в статье результаты эмпирического исследования обнаружили у женщин экспериментальной группы значимые признаки эмоциональных нарушений и связанные с ними признаки личностной незрелости.

Ключевые слова: Рентно-промискуитетное поведение, проституция, психологическое здоровье, система отношений, эмоциональные нарушения, личностная незрелость.

На сегодняшний день здоровье в России приобрело статус национальной ценности. Социально-экономические, политические, культурные, процессы, происходящие на современном этапе в российском обществе, а также становление новых ценностей закономерно приводят к переосмыслению не только глобальных общественных проблем, но и к актуализации некоторых периферийных сюжетов социальной жизни. Одной из таких сложных социальных проблем, актуализировавшихся в последние десятилетия, является проблема регулирования сферы отношений между полами. Особенности отношений между мужчинами и женщинами, в том числе сексуальных, выступают важными факторами здоровья. В данном случае речь, прежде всего, идет о психологическом здоровье нации в целом и каждого отдельного человека в частности.

Если социальная действительность в большей степени определяется психологическим здоровьем мужчин, то успех отношений в паре, т.е. качество межличностных отношений, по нашему мнению, в большей мере детерминируется психологическим здоровьем женщины. А. Менегетти значимую роль в жизни человечества отводит именно женщине. По его словам «наша планета, наша раса сталкиваются с большими проблемами, но строй жизни на Земле таков, что трудности можно будет преодолеть только при условии изменения женщины, иначе мужчина окажется бессилем что-либо решить» [9].

На протяжении всего развития человечества существовал такой разрушительный для здоровья и жизни женщины феномен как проституция. Он низводит женщину до биологического объекта удовлетворения инстинктивных физиологических потребностей мужчины. При этом проституция принадлежала к числу религиозных институтов некоторых народов древности, например, финикиян [8]. Данные факты вызывают желание понять суть данного феномена и его взаимосвязь с психологическим здоровьем женщины.

В нашей стране «специальный женский» вопрос поднимался на протяжении столетий. Еще в эпоху крепостничества этот вопрос обсуждался в среде российской интеллигенции. К тому времени относится крылатая фраза Д.И. Писарева «Женщина ни в чем не виновата». Оценивая тенденции роста рядов проституток Д.И. Писарев утверждал, что «мужчина гнетет женщину и клеветает на нее... постоянно обвиняет ее в умственной неразвитости, в отсутствии тех или других высоких добродетелей, в наклонностях к тем или иным преступным слабостям...» [2].

Несмотря на то, что тема проституции интересовала русских людей, она, очевидно, сопряжена с социальными мифами и домыслами, так как в действительности данный феномен в науке до настоящего времени не был исследован. Познать сущность проституции представлялось делом сложным и запутанным. Человек,

который задумывался над данным феноменом несколько глубже, несомненно переживал моменты, когда он терял всякую надежду придти к какому-нибудь окончательному результату по этому вопросу.

Российское общество обратило свое внимание на личность проститутки и ее судьбу лишь на рубеже XIX-XX веков [2]. Однако личность проститутки в научной психологии так и остается не исследованной по настоящий момент. Отсутствуют специальные психологические работы, посвященные изучению личностных особенностей женщин, занимающихся проституцией. Вероятно, данный факт связан со сложностью исследования объекта интереса, необходимостью сформировать у данных женщин мотивацию к самораскрытию. Осознавая актуальность изучения личностных особенностей женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, мы попытались преодолеть данную трудность.

Целью нашего исследования является изучение психологического здоровья женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение. Известно, что психологическое здоровье – это здоровье личности. Следовательно, оно представлено целым рядом факторов, характеризующих различные грани личности человека. Мы ограничили свое исследование теми факторами, которые посчитали наиболее значимыми в психологическом здоровье женщины. Ядром личности является система отношений человека, поэтому в качестве важнейшего фактора психологического здоровья женщины мы рассматриваем систему ее отношений. В современное время главнейшим дериватом не только психологического, но и психического здоровья стала выступать эмоциональная сфера личности. Поскольку в жизни женщины эмоциональная сфера играет особую роль, то мы не могли обойти ее вниманием.

В соответствии со сказанным предметом нашего исследования являются особенности системы отношений и эмоциональной сферы женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение.

Для уточнения предмета исследования обратимся к той немногочисленной теоретической информации, которая касается феномена проституции.

Многие авторы описывают женщин, занимающихся проституцией как нравственно дефицитных. Так, исследование многих индивидуальных случаев привело П. Тарновскую к заключению, что у врожденных проституток отсутствуют самые естественные чувства, как, например, привязанность к родителям и сестрам, а с другой – присутствует их преждевременная испорченность, ревность и беспощадная мстительность [8].

Врожденная проститутка не способна к материнской любви и привязанности к родным. Они относятся совершенно равнодушно к радости или горю своих родителей, то и другое возбуждает в них только

мимолетные чувства. «Чувства кротости и взаимной привязанности, говорит Carlier, расцветающие на лоне семьи, очень редки у проституток. Большинство из них наделено очень дурными наклонностями, не знает и не хочет знать ничего про своих родителей, живы ли они или нет, и если говорит о них, то в самой неблагоприятной форме [8].

Ч. Ломброзо указывает, что с проституцией тесно связана и преступность. Чаще всего между проститутками распространено воровство и соучастие в нем. Эти женщины посвящены во все воровские предприятия своих приятелей мужчин и нередко принимают участие в их кражах, имея всегда свою часть в добыче [8]. Проститутки, кроме того, благодаря своей несдержанности в гневе, нередко совершают преступления против телесной неприкосновенности.

О. Вайнинггер утверждает, что проститутка труслива насквозь, но зато обладает неизменным коррелятом трусости, т. е. нахальством, а потому она и не стыдится своим бесстыдством [3]. По мнению автора, проститутка есть носительница принципа глубокой вражды к жизни. Она носит с желанием самоуничтожения и всеунижения, нанося вред и разрушая.

Parent-Duchatelet говорит, что «почти у всех этих несчастных существует нечто вроде потребности постоянно двигаться и бросаться туда и сюда, благодаря чему они решительно неспособны оставаться спокойно на каком-нибудь месте и обходиться без шума и возни [8]. Данные слова также подтверждают наличие у женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение повышенной тревожности.

Симон де Бовуар утверждал, что «путь проституции позволяет женщине обрести некоторую независимость. Одарив собою многих мужчин, она не принадлежит никому в отдельности... Женщина таким путем защищается, чтобы не стать самой орудием в руках мужчины... [1]». Следовательно, желая повелевать и обладать, проститутка реализует защитное, протестное поведение.

Д-р de Sanctis на основании наблюдения 28 проституток констатирует у них удивительную аналогию с истеро-эпилептическими больными в том отношении, что они так же систематически лгут, как эти последние, и что ложь вырабатывается у них в прочную, не основанную на необходимости стратегию. П. Тарновская также нашла у проституток органическое тяготение ко лжи. Она сообщает, что эти женщины бессознательно стремятся выражать свои мысли и чувства только приблизительно, неточно [8].

Проститутка по словам О. Вайнингера абсолютно лишена способности к какому-либо дифференцированию отношений. Отсутствие у нее всякой памяти превращает ее жизнь в совокупность отдельных, изолированных моментов, между которыми нет ни малейшей связи [3]. Данное описание О. Вайнингера

полностью соответствует характеристике личности с дезинтегрированной идентичностью, описанной О. Кернбергом в работе «Тяжелые личностные расстройства» [6]. Отсутствие интегрированного «Я» согласно О. Кернбергу указывает на личностную патологию пограничного уровня. Таким образом, мы можем признать женщин, занимающихся проституцией личностями пограничного уровня.

О проститутке как о женщине с дисгармоничной структурой личности, когда развита одна часть личности и подавлены другие, говорит также Р.П. Ефимкина. Подобная личность формируется при взаимодействии с неиницированной в качестве женщины, манипулирующей матерью [5]. Тему секса проститутка подменяет суррогатом – демонстрацией внешней сексуальности при внутренней холодности. Их характеризует сверхвнимание к внешности, выставление сексуальной близости напоказ [5].

Таким образом, Р.П. Ефимкина подводит нас к выводу, что такая женщина является незрелой, стагнировавшей в развитии.

П. Тарновская также полагает, что проститутка представляют собою смесь специфических особенностей характера женщины и ребенка, но в увеличенном и, так сказать, карикатурном виде [8].

Попытку изучить личность торгующей собой женщины предприняла Т.Б. Василец, основывая свои исследования на положениях глубинной психологии К.Г. Юнга. Она заключила, что женщина, занимающаяся проституцией, характеризуется незрелостью определенных структур личности [4]. Т.Б. Василец изучает внутренний мир торгующих собой женщин с помощью универсальных образов – архетипических структур, т.е. производит архетипический анализа проституции.

Независимо от Р.П. Ефимкиной Т.Б. Василец с помощью архетипического анализа выявила, что женщина, занимающаяся проституцией, отличается подавленной женственностью. Подавляет же женственность, прежде всего, интериоризированная «злая мать» [4].

Также как Р.П. Ефимкина Т.Б. Василец полагает, что «злая мать» является результатом лишения матери мужской поддержки. Такая мать, как реальная, так и внутренняя, аккумулирует в себе все защитные женские силы агрессивной природы, становясь перенапряженной.

Мужское начало – Анимус у женщины, занимающейся проституцией настолько инфантильно, что не способно защитить и уберечь женское начало от «похищения» и «попадания в рабство». «Мужское» здесь можно представить в образе обиженного на мать «злого мальчика». Он намерен скорее мстить «женскому», чем оберегать его [4]. Чтобы защитить себя, такая женщина предпринимает огромные усилия, как правило не являющиеся продуктивными.

Инфантильное незащищающее мужское не позволяет под своей сенью развиваться женскому началу. Так как мужские структуры Т.Б. Василец относит к отцовским структурам личности, то такую женщину она оценивает также как духовно незрелую.

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет нам сделать выводы, что основными психологическими характеристиками женщин, занимающихся проституцией, являются личностная и как следствие эмоциональная незрелость, искаженная система отношений к себе и миру, дезинтегрированность идентичности и как следствие аномально развитая личность, которую принято называть пограничной личностью с характерной повышенной тревожностью и агрессивностью.

Благодаря проведенному теоретическому исследованию мы сформулировали гипотезы, которые легли в основу последующего эмпирического исследования. Среди них следующие:

- 1) в системе отношений женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, имеются существенные отличия от системы отношений женщин контрольной группы;
- 2) у женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, отмечаются эмоциональные нарушения, выражающиеся в большей тревожности, агрессивности, эмоциональной ригидности, чем у женщин контрольной группы;
- 3) женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, в большей мере, чем женщины контрольной группы, отчуждены от своих чувств, склонны к их подавлению и искажению.

Объектом нашего исследования выступили женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение в течение 5-7 лет в возрасте 24-32 лет (20 человек). В качестве контрольной группы выступили обычные женщины соответствующего возрастного интервала (20 человек).

Для проведения экспериментального исследования нами были выбраны следующие экспериментальные методики.

1. Методика исследования «Незаконченное предложение» Сакса и Леви [7].

2. «Диагностика самооценки психических состояний», разработанная Г. Айзенком [7].

Данная методика позволяет определить оценить такие эмоциональные особенности личности как:

- а) тревожность, т.е. такая личностная характеристика, которая определяет степень склонности личности к переживанию тревоги;
- б) фрустрация, т.е. личностная характеристика, определяющая степень эмоциональной напряженности, связанной с эмоциональной неудовлетворенностью;

- в) агрессивность, т.е. склонность к деструктивному поведению и переживанию деструктивных, отрицательных эмоций;
- г) ригидность, т.е. косность аффективных или эмоциональных откликов на изменяющиеся объекты эмоций, которая приводит к затрудненности вплоть до неспособности изменять намеченную программу деятельности в условиях, объективно требующих ее перестройки.

3. Тест «Чувства», представленный в работе А.В. Котлярова «Освобождение от зависимостей, или школа успешного выбора» [10], показывает какой эмоциональный выбор делают респонденты.

От того выбирают ли они: а) чувства или разум; б) страх или вину; в) быть победителем или побежденным; г) гнев или обиду; д) горе или тоску зависят особенности взаимодействия со своими чувствами, умение выражать их и управлять ими.

Система отношений, характерная для женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, исследовалась посредством сравнительного анализа результатов теста «незаконченные предложения», полученных в экспериментальной и контрольной группах женщин.

Проведенный нами качественный анализ отношений женщин к отцу показал, что в экспериментальной группе большинство женщин оценивает отца негативно. Например, нередко женщины данной группы описывали отца как неудачника; лодыря; несчастного; подавленного человека; редко общающегося с дочерью, не помогающего; не желающего отвечать за свою семью; нетерпимого к людям. Кроме этого встречались ответы, в которых использовались оскорбительные сленговые выражения. Помимо этого обнаружены три идеализирующих ответа. Например, «мой отец самый красивый...идеальный... образцовый». В данной группе ни у одной из женщин не было обнаружено ни одного достаточно хорошего, зрелого отношения к отцу. Следовательно, женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, преимущественно относятся к своим отцам как к дефицитным, не заботящимся и не защищающим личностям.

В контрольной группе женщин в отличие от экспериментальной обнаружили достаточно различные типы отношений к отцу. Резко отрицательное отношение к отцу проявилось лишь в ответах одной женщины. Она назвала отца эгоистом, сообщая, что он не помогающий, не отзывчивый к просьбам семьи. 50 % этих женщин относятся к отцам позитивно, сообщая, что отец хороший семьянин, хороший и добрый, самый лучший, хороший пример, порядочный человек. Двадцать пять процентов человек дали нейтральные ответы. Несколько женщин оценили отца как гиперпекающего.

Если в отношении к отцу у двух исследуемых нами групп женщин выявлены существенные различия, то в отношении к матери четкие отличия не прослеживаются. Большинство женщин обеих групп относятся к своим матерям положительно, считая их, прежде всего дорогими людьми, подругами, а также хорошими, лучшими, любимыми. При этом обнаружены некоторые различия. Так, позитивное отношение к матери выявлено у 16 женщин контрольной группы у 12 женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение. Остальные женщины контрольной группы называют своих матерей психованными и истеричными. В экспериментальной группе остальные женщины по-разному относятся к матерям. Так, во-первых, выявлено крайне негативное, ненавидящее отношение с оскорбительной оценкой в форме нецензурной брани, во-вторых, формальное, в-третьих, отношение непонимания и недовольства, и, в-четвертых, амбивалентное, в котором обожествление сочетается с недовольством, непониманием.

В отношении к своей семье в исследуемых группах не было обнаружено значимых отличий. Половина респондентов обеих групп оценили свои семьи положительно, остальные нейтрально и по 20 % в каждой группе отрицательно. Следует учитывать, что в данных оценках велика вероятность защитных ответов.

Изучение отношений к семье в целом показало, что подавляющее большинство респонденток экспериментальной группы (80 %), рассматривают известные им семьи как несчастливые, неудачные, только одна респондентка оценила семьи как любящие, т.е. где царит взаимная любовь. При этом в контрольной группе 60% респонденток дали нейтральные оценки, 20 % – отрицательные (неидеальные, скандалящие) и 20 % положительные (счастливые, успешно общающиеся).

В отношении к себе в экспериментальной группе чаще, чем в контрольной прослеживаются самозащитные, протестные реакции и реакции борьбы. Так, незаконченное предложение «если все против меня ...» в группе женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, в 60% случаев заканчивалось с помощью таких ответов: «...то я против всех, то всем плохо, все пошли далеко, они дураки» и др. В контрольной группе реакции такого типа обнаруживались в два раза реже.

Ответы на вопрос о собственных слабостях показали, что в контрольной группе половина респонденток сообщили об определенной слабости своего «Я», указывающей на более низкую самооценку, чем у представительниц экспериментальной группы. Большинство респонденток экспериментальной группы видят свои слабости в пристрастиях или лени, т.е. их самооценка в среднем выше, чем у обычных женщин.

При этом в ситуациях неудач большинство респонденток экспериментальной группы (70 %) склонны к негативным переживаниям, панике, отчаянию, редко предпринимают усилия по поиску выхода из положения, что подтверждает наличие у них неконструктивного самозащитного самоотношения. В контрольной группе о негативных бездеятельных реакциях и переживаниях в ответ на неудачу сообщили лишь 30 % респонденток.

В экспериментальной группе все респондентки за исключением одной описали идеал мужчины, в то время как в контрольной группе идеал мужчины описали лишь 40 % респонденток, остальные указывали, что идеала нет, идеальные люди невозможны, либо в качестве идеала приводили родителей, отца. При этом представительницы экспериментальной группы реальных мужчин оценивали исключительно негативно (например, часто называли их эгоистами, сообщали, что они гулящие, неотчетливые, наивные, живущие призрачной жизнью и др.) или даже оскорбительно. Большинство женщин контрольной группы также скорее негативно оценивали реальных мужчин, однако их оценки не были столь категоричными. Только одна женщина дала негативную, оскорбительную оценку. При этом 20 % респонденток контрольной группы дали реальным мужчинам позитивную оценку.

Больше всего женщинам, занимающимся проституцией, в мужчинах не нравится склонность ко лжи, а также хвастовство. В данной группе каждая женщина указала на черты, которые неприятны в мужчинах. В контрольной группе 20 % женщин на данный вопрос не нашли ответа. Большинство женщин этой группы не принимают в мужчинах алкоголизм и скандализм. Примечательно, что три женщины, занимающиеся проституцией, в качестве неприятных черт и ситуаций, связанных с мужчинами, назвали социально позитивные особенности, которые ценятся большинством нормальных женщин. Так, одна из них сообщила, что ей не нравится, когда мужчины живут ради детей, другие – не нравится, когда мужчина находится рядом со мной больше двух часов, долгое время, когда слишком вежлив.

Таким образом, в отношении к мужчинам у женщин экспериментальной группы прослеживается более негативное отношение, чем у женщин контрольной группы, их отношение к мужчинам характеризуется расщепленностью, когда имеются конкретные идеалы, однако реальность им прямо противоположна. Отношения с мужчинами в экспериментальной группе, как правило, отягощены неискренностью, лживостью. Иногда они не принимают в мужчинах социально позитивные черты, не готовы к душевной близости, вместе с тем, в отличие от женщин контрольной группы, терпимы к алкоголизму мужчин.

Исследования отношений к взаимодействию

полов, супружеству и сексуальным отношениям в обеих группах показало, что в экспериментальной группе 70 % женщин относятся к супружеской жизни с недоверием, негативно, либо крайне негативно. Так, она им кажется бытом, однообразной, недолговечной, сложной, редко счастливой и верной. Несколько испытуемых определили супружескую жизнь как бред и фальшь, который придумали люди, при этом сообщив, что хотели бы избежать подобного опыта. Одна из них эмоционально заявила: «отведи Господи, меня от этого». В контрольной группе 30 % женщин имеют отрицательное отношение к супружеской жизни. При этом 20 % оценивают ее как нелегкую, очень сложную, и 10 % – как не всегда счастливую и скучную. В данной группе респонденток, в отличие от экспериментальной, не было обнаружено крайне негативного отношения к супружеской жизни.

Если в контрольной группе большинство женщин 60 % относятся к семейной жизни исключительно позитивно, как к хорошей, интересной, потрясающей, полной любви и взаимопонимания, то в экспериментальной группе положительное отношение обнаруживается лишь у 20 % женщин.

Имеющаяся сексуальная жизнь устраивает 40 % респонденток контрольной группы, 30 % считают ее нерегулярной и 30 % хотели бы ее улучшить. В экспериментальной группе довольны своей сексуальной жизнью 20 % женщин, 60 % не довольны и хотели бы ее улучшить, 20 % имеют противоречивое отношение. Например, респондентка сообщает, что ее половая жизнь достаточно успешна, однако, если бы у нее была нормальная половая жизнь, то у нее «было бы меньше нервов».

Исследование отношения к вышестоящим в группе женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, показало, что половина из них не имеет начальства, 30% респонденток сообщили, что стараются не общаться с теми людьми, превосходство которых признают. Ответы такого типа не были отмечены у респонденток контрольной группы. Вместе с тем представительницы этой группы в своих ответах отразили большую неудовлетворенность вышестоящими, чем респондентки экспериментальной группы. Таким образом, полученные результаты показали, что женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, в большей мере, чем обычные женщины, склонны отрицать авторитеты и избегать общения с ними, в то время как представительницы контрольной группы чаще предпочитают терпеть начальство, относясь к нему с пассивной агрессией.

Исследование отношений к друзьям показало, что все женщины, занимающиеся проституцией, за исключением одной, имеют друзей. 80 % респонденток полагают, что их друзья скучают по ним. Большинство из них (60 %) не любят тех людей, которые лгут и

лицемерят. При этом большинство из них (60 %) указали, что любят тех людей, которые, в свою очередь, любят и ценят их, доверяют им, похожи на них.

В ответах респонденток контрольной группы прослеживался большой разброс мнений, т.е. меньшее единодушие. При этом лишь половина из них полагают, что друзья могут по ним скучать. Наряду с разнообразными ответами, наиболее часто (в 40 % случаев) данные женщины указывали, что не любят лицемерия. Однако никто не упоминал о лжи. Половина респонденток контрольной группы также любят именно тех людей, которые любят их, доверяют им и похожи на них.

Исследование отношений к сотрудникам показало, что если в контрольной группе 90 % говорили о предпочтении работы с коллективом или партнером, то в экспериментальной группе 30 % респонденток указали, что предпочитают работать самостоятельно, в одиночестве, 30 % с мужчинами, 10 % с детьми.

Большинство респонденток обеих групп позитивно относятся к своим сотрудникам. Вместе с тем, женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, реже, чем представительницы контрольной группы говорили о позитивном отношении к сотрудникам. Если последние выразили положительное отношение в 90 % случаев и в 10 % нейтральное, то вторые отразили позитивное отношение в 60 % случаев, в 20 % нейтральное и еще в 20 % отрицательное.

Анализ сравнительных показателей эмоциональной сферы личности женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, и женщин контрольной группы, полученных на основе теста Айзенка, показал, что в среднем у женщин, занимающихся проституцией в большей степени, чем у обычных женщин выражены тревожность, агрессивность и ригидность.

Таблица 1
Сравнительные показатели эмоциональной сферы личности в контрольной и экспериментальной группах

Группа	Тревожность	Фрустрация	Агрессивность	Ригидность
Контрольная	8,1	10,4	8,9	9,6
Экспериментальная	10,4	10,3	11,2	12,3
Разница	2,3 – значимо	0,1 – незначимо	2,3- значимо	2,7- значимо

Следовательно, женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, характеризуются более низким порогом возникновения тревоги, в большей мере склонны переживать деструктивные, отрицательные эмоции, их эмоциональные отклики более косны, из-за чего они в меньшей мере, чем женщины контрольной группы способны изменять намеченную

программу деятельности в условиях, объективно требующих перестройки. Данные результаты позволяют предположить, что эти женщины выросли в семьях, отличающихся низкой дифференцированностью и высокой ригидностью.

Тест «Чувства», оценивающий эмоциональные выборы, т.е. выявляющий особенности взаимодействия со своими чувствами, умение выражать их и управлять ими показал следующее:

Таблица 2
Сравнительные показатели чувств в контрольной и экспериментальной группах

Группа	Разум	Чувства	Вина	Страх	Побежденный	Победитель	Обида	Гнев	Тоска	Горе
Контр	3,6	4,4	5,6	6,8	2,6	6,3	5,5	3,3	1,5	2,4
Экспер	4,6	3,4	7	6	4,2	4,8	5,3	3,6	2,2	1,8

Рассмотрим первую дуальную пару – разум и чувства. В случае преобладания чувств человек доверяет своим чувствам и готов их выражать. Он способен понимать свои чувства и управлять ими, умеет следовать своему собственному пути. Наоборот, в ситуации преобладания разума имеет место контроль разума над чувствами, непонимание своих чувств, боязнь и отстраненность от них.

Из представленной таблицы видно, что женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, в отличие от женщин контрольной группы, в среднем имеют тенденцию в большей мере выбирать разум, а не чувства. Таким образом, они склонны контролировать, подавлять свои чувства, не доверяют им. Женщины экспериментальной группы испытывают трудности в понимании своих чувств, боятся их и, как следствие, стремятся отстраниться от них. Подавляя чувства, женщины этой группы блокируют возможность следовать своему собственному пути. Не познав свои чувства, они лишают себя возможности осознать и реализовать свои цели и предназначение. Выбирая ум, данные женщины принуждают себя жить стереотипами прошлого и фантазиями будущего, при этом искажая восприятие действительности.

Обратимся ко второй дуальной паре – страх–вина. В случае преобладания страха, человек умеет открыто показать свои чувства, в том числе выразить свой страх, испуг, волнение, беспокойство, освободившись тем самым от тяжелых переживаний. Наоборот, если преобладает вина – он склонен скрывать проявления своей слабости, осуждать ее, болезненно перенося несовершенство, становясь тем самым зависимым от того, что приносит искусственное чувство покоя. Выбирая страх, человек признает свое несовершенство и готов меняться, выбирая же вину, он не признает своего несовершенства и не готов делать реальных шагов для изменения. Выбор вины – это предпочтение бездействия и ожидания.

Полученные средние показатели контрольной группы свидетельствуют о том, что эти женщины в большей мере переживают страх, чем вину, т.е. они в целом не склонны скрывать проявления своей слабости, умеют открыто показать свои чувства, в том числе выразить свой страх, испуг, волнение, беспокойство, тем самым, проявляя готовность делать реальные шаги для изменения.

Наоборот, средние результаты экспериментальной группы показывают, что женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, в большей мере склонны к вине, чем к страху, т.е. им сложнее открыто показать свои чувства, в том числе выразить свой страх, испуг, волнение, беспокойство. Таким образом, им нелегко освободиться от тяжелых переживаний. Они склонны скрывать проявления своей слабости, осуждать ее, болезненно перенося несовершенство. Для них велик риск стать зависимыми от всего, что помогает освободиться от тревоги, напряжения и принести искусственное чувство покоя и защищенности. На их чувстве иррациональной вины могут легко сыграть те, кто хочет подчинить их своей воле.

Предпочтение женщинами, занимающимися проституцией, вины связано с подавлением страха. Такой выбор направлен на сокрытие и осуждение своей слабости. Трансформировавшийся в вину страх приводит к жизни в роли жертвы обстоятельств, зависимости. Выбирая вину, женщины, торгующие своим телом, становятся также жертвами неверной оценки себя и своих возможностей, стремясь возвеличить себя, приравняв вину к своему благородству.

Предпочтение женщинами, занимающимися проституцией, в среднем в большей степени вины указывает на трудности в признании своего несовершенства, в реализации реальных шагов для изменения, т.е. на предпочтение бездействия и ожидания.

Коснемся третьей дуальной пары – гнев–обида. Преобладание гнева указывает на способность открыто выражать свое несогласие, брать на себя ответственность за то, что происходит. Акцент на обиде свидетельствует о тенденции подавлять чувства, когда что-то не устраивает, непонимании, кто на самом деле отвечает за собственные неудачи, неумении повлиять на попытки причинить им ущерб, уступчивость, зависимость от чужих целей.

Сравнительный анализ показателей обеих групп показал, что как в одной, так и в другой группе преобладает обида над гневом. Следовательно, женщины обеих групп склонны скрывать свое несогласие, подавлять свои чувства, считать происходящее несправедливым, зависеть от чужих целей. Они не готовы принимать на себя ответственность за случившееся. Вместо этого они склонны накапливать обиды, которые, возрастая, превращаются в ненависть,

выплескивающую в неадекватной форме все, что накопилось на несоответствующий объект.

Следующая дуальная пара горе-тоска. Если приоритет у горя, то человек умеет открыто встретить и пережить утрату, быть ответственным за восстановление после нее, способным впоследствии стать мудрее. В случае преобладания тоски он не признает утрат, закрыт переживаниям, склонен к их искажению, избегает ответственности за выход из страдания, у него имеется риск зависимости от любых способов приглушения переживаний утраты.

Из таблицы видно, что в контрольной группе в среднем горе значимо преобладает над тоской, т.е. эти женщины способны освободиться от переживания утраты путем ее открытого проживания, умеют отвечать за свои переживания и становиться мудрее после проживания горя. Вместе с тем группе женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, в среднем преобладает тоска, т.е. закрытость переживаниям, их искажение, избегание ответственности за выход из страдания, срастание с переживаниями утраты, риск зависимости от любых способов приглушения переживаний утраты.

Последний выбор – это выбор между быть победителем (стремление к успеху, самоощущение себя успешным, умение показать, что добьешься успеха, за счет чего получить поддержку) или побежденным (акцентирование внимания на трудностях, их преувеличение, избегание неудач, за счет чего можно получить лишь снисхождение и сопереживание).

Сравнительный анализ средних значений показал, что в контрольной группе значимо преобладает установка быть победителем. В экспериментальной группе также более выражена тенденция быть победителем, однако ее преобладание незначимо. Таким образом, женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение в большей степени, чем женщины контрольной группы, склонны к концентрации на трудностях и к избеганию неудач.

Таким образом, проведенный нами анализ подтвердил выдвинутые нами гипотезы и показал, что в системе отношений женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, прослеживаются значимые отличия от системы отношений женщин контрольной группы. Наиболее яркие отличия прослеживаются в отношении к:

1. Отцу. У большинства женщин экспериментальной группы оно оказалось негативным. Они относятся к своим отцам как к дефицитарным, не заботящимся и не защищающим личностям.

2. Мужчинам. Реальных мужчин женщины, реализующие рентный промискуитет, оценили исключительно негативно и категорично или даже оскорбительно. У них прослеживается расщепленность в крайней форме несоответствия идеалов и

реальности. Их отношения с мужчинами отягощены неискренностью, лживостью. Иногда они не принимают в мужчинах социально-позитивные черты, не готовы к душевной близости, вместе с тем, в отличие от женщин контрольной группы, терпимы к алкоголизму мужчин.

3. Супружеской жизни. Большинство женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, относятся к супружеской жизни с недоверием, негативно, либо крайне негативно. Она им кажется бытом, однообразной, недолговечной, сложной, лишенной счастья и верности.

В отношении к матери, а также друзьям не выявлено четких отличий между группами, за исключением отдельных случаев отрицательного, формального, непонимающего и амбивалентного отношения к матерям в экспериментальной группе. К сотрудникам и вышестоящим женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, чаще, чем в контрольной группе склонны относиться формально, с отрицанием и избеганием. У женщин экспериментальной группы в среднем показатели самооценки выше, чем в контрольной группе, однако, они в большей мере склонны к защитному самоотношению с протестными реакциями и реакциями борьбы. Большинство респонденток экспериментальной группы (60 %) не довольны своей сексуальной жизнью либо имеют к ней противоречивое отношение (20 %).

Эмоциональная сфера личности женщин, реализующих рентно-промискуитетное поведение, отличается тем, что в среднем у них больше, чем в контрольной группе выражены тревожность, агрессивность и ригидность. Следовательно, они в большей мере склонны переживать деструктивные, отрицательные эмоции, их эмоциональные отклики более косны из-за чего они в меньшей мере, чем другие женщины, способны изменять намеченную программу деятельности в условиях, объективно требующих перестройки.

Женщины, реализующие рентно-промискуитетное поведение, в среднем скорее склонны контролировать, подавлять свои чувства, чем доверять им. Они закрыты своим переживаниям, не понимают своих

чувств, боятся их и, как следствие, стремятся исказить их или отстраниться от них. Тем самым данные женщины принуждают себя жить стереотипами прошлого и фантазиями будущего, при этом искажая восприятие действительности.

Им сложно открыто показать свои чувства, в том числе выразить свой страх, испуг, волнение, беспокойство. Таким образом, им нелегко освободиться от тяжелых переживаний. Они склонны скрывать проявления своей слабости, осуждают ее, болезненно перенося несовершенство. Для них велик риск зависимого поведения, которое помогает освободиться им от тревоги, напряжения и принести искусственное чувство покоя и защищенности. На их чувстве иррациональной вины могут легко сыграть те, кто хочет подчинить их своей воле. Такие женщины испытывают трудности в признании своего несовершенства, ответственности, в совершении реальных шагов для изменения, т.е. предпочитают бездействие и ожидание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бовуар С. Аллюзия любви. М., 2008.
2. Быкова А.Г. Социальная аномалия в истории больших городов западной Сибири 1880-1914 гг. – Омск: Омский юридический институт, 2004.
3. Вайнингер О. Пол и характер. – М., 1998.
4. Василец Т.Б. Загадка проститутки // Психодрама и современная психотерапия, 2007. №2.
5. Ефимкина Р.П. Пробуждение спящей красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках. – СПб.: Речь, 2006.
6. Кернберг О. Тяжелые личностные расстройства. – СПб.: Речь, 2004.
7. Котляров А.В. Освобождение от зависимостей, или школа успешного выбора. – М.: Изд. Института психотерапии, 2005.
8. Ломброзо Ч. Женщина преступница и проститутка. – Минск: ООО «Попурри», 2000.
9. Менеgetti А. Женщина третьего тысячелетия. – М.: ННБФ онтопсихология, 2001.
10. Практическая психодиагностика. – Самара: «Бахрах-М», 2000.

Abakoumova I.O., Sarichev N.V.
Counteraction to the informational threats in the light of Russian national interests

Informational sphere of Russia is characterized by the active development of the contemporary of the informational exchange and different types of the computer systems. This creates conditions to support different spheres of the national politics. However a little attention is attracted to the problems of providing informational security, it gives the possibilities to illegal access to the closed information, its stealing or destroying. The particular danger consists in manipulations of different kinds of information for the negative influence upon the process of the political decision taking, upon creating attitudes of approaching collapse and intolerance, especially in the youth environment.

Key words: strategy of the development of the informational society, law regulation, informational security, informational threats, informational protection.

REFERENCES

1. Doctrine of the informational security of Russian Federation, approved by The President of the Russian Federation 09.09.2000 г. № Or-1895 // Russian journal. – 2000. – № 187.
2. Kirianov A.U. The meaning of the informational aspect of the national security of Russian Federation. // International public and private law. – 2005. – № 3. – p. 42.
3. Kovaleva N.N. Informational right of Russia: teaching aid. – M.: Publishing and commercial corporation «Dashkov and K», 2007. – p. 234.
4. Okinavskaja charter of global informational society dated the 22nd of July 2000. // Diplomatic bulletin. – 2000. – № 8. – p. 51-56.
5. Panarin I. Informational wars – a real factor of geopolitics. Systems of informational counteraction.// URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1224016740>
6. Government order of RF dated the 21st of September 2006 . № 583 «About Federal program of «Development of judicial system of Russia for 2007-2011» // Collection of laws of RF. – 2006. – № 41. – Art. 4248.
7. Strategic development of the informational society of Russia.// Informational right. – 2007. – № 3(10). – p. 35.

Bakoulin A.V.
Value and context barriers as categories of psychological and didactic analysis

To realize those problems which appear in the educational process in connection with problems of starting pupils' process of the context, it is necessary to analyze value and

context barriers and show their qualitative difference from context and cognitive barriers, the notion of which exists in psychological and pedagogical sciences. The attempt to make such kind of the analysis is represented in this article.

Key words: personality- oriented teaching, context forming in the educational process, educational difficulties, psychological barriers, cognitive barriers, context barriers, value barriers.

REFERENCES

1. Abakoumova I.V. Learning and context: context forming in the educational process (Psychological and didactic approach). – Rostov-on-Don: Publishing house of Rostov University, 2003.
2. Bozhovitch L.I. Stages of personality formation in the ontogenesis.// Personality psychology: Collection of articles./ Compiler A.B. Orlov. M.: Questions of psychology, 2001. – p. 62 – 93.
3. Vassiluk F.E. Psychology of emotions. – M.: Publishing house of Moscow University, 1984. – 200 p.
4. Kedrov B.V. About creativity in science. – M.: Smisl, 2002. – 462 p.
5. Kreguer O., Tusson M. Types of people. – M., 1995. – p. 300
6. Leontiev D.A. Context psychology. – M.: Smisl, 2000.
7. Leontiev D.A. Self-realization and existential forces of the man. // Psychology with the human face: humanistic perspective in post soviet psychology. / Edited by D.A. Leontiev, V.G. Tshour. – M.: Smisl, 1997. – p. 156–177.
8. Leontiev D.A. Value as interdisciplinary notion: the experience of the multidimensional reconstruction // Questions of philosophy. – 1996. – № 4. – p. 15–26.
9. Leontiev D.A., Pilipenko N.V. Choice as the activity: personal determinants and possibilities of developing. // Questions of psychology. – 1995. – № 1. – p. 97–111.
10. Mazourina E.G. Social psychology. – M.: Progress, 1990. – 366 p.
11. Marakhovskaya N.V. Problems of the distance learning: aspects of the psychological and cognitive barriers. – Briansk: BSTU, 2001. – 126 p.
12. Pilipenko A.I. Phenomenon of psychological and cognitive barriers in learning: experience of the theoretical research опыт. – Kursk: KSTU, 1995. – 103 p.

Zinchenko E.V.
Diagnostics of the emotional and cognitive particularities of personality using tests-drawings

The attention of the author is attracted to the problem of psychological diagnostics of the personality's emotional

and cognitive particularities with the help of the test-drawing created by Silver and color test «My life».

The differences of the emotional and cognitive spheres of children and adolescents were found out empirically, the gender differences according to the criterion of the flexibility of thinking were discovered at the youth period. The significant life spheres of the adolescents and youths, which are described in details from the point of view of their color preferences and emotional attitude towards them, are reported in the article.

In whole the author reveals large possibilities of the application of the art-therapeutic methods to make diagnostics of the emotional and cognitive particularities of Russian schoolchildren of different ages.

Key words: cognitive and emotional particularities, adolescent and youth age, Silver's drawing test, цветограмма, forecasting, imagination, creative thinking.

REFERENCES

- Allesandrine K., Duarte Kh., Douglas M., Bianco M. Silver's drawing test: results of standardization in Brazil. // International journal of the art-therapy «Curing art». – 2001. – V.4. – №1. – p. 22-43.
- Anikeeva N.P. The development of the communication need – one of the most important tasks of the personality development // The development of the personality's communication need./ Edited by N.P. Anikeeva. – Novosibirsk: NSPI, 1981. – p. 18-28.
- Ann L. Psychological training with adolescents. СПб.: Питер, 2003.
- Irvoud Ch., Fedorko M., Kholtsman E., Montanary L., Silver R. Diagnostics of the aggressiveness using the test «Draw a story» // International journal of the art-therapy «Curing art». – 2004. – V.7. – №3. – p. 51-64.
- Kolesov D.V. The contemporary adolescent (aging and sex). – M.: Flinta, 2003.
- Kon I.S. Psychology of the early youth. M.: Prosveshenie, 1991.
- Kopitin A. Standardization of Silver's drawing test in Russia and problems of studying culturally dependent and culturally independent variables in Russia in graphic products.// International journal of the art-therapy «Curing art». – 2001. –V.4. – №3. – p. 23-46.
- Kopitin A.I. Test «Draw a story»: teaching and methodic aid. – SPb: Speech, 2003.
- Making healthier children – victims of the military conflicts. Work experience of the regional public organization of the victims of Chechenskii conflict./ Authors-compilers: V. Katretskii, T. Valitova, I. Koukleva and others. – Rostov-on-Don: «Taler» ltd, 2000.
- Povaritsina L.A. Studying students' communication difficulties.// Problems of developing value orientations and personal social activity in the ontogenesis./ Edited by V.S. Moukhina. – M., 1986. – p. 130-139.
- Povaritsina L.A. Communication problems at the student age. // Problems of creating value orientations and personality's social activity in its ontogenesis./ Edited by V.S. Moukhina. – M., 1986. – p. 99-107.
- Silver R.A., Kopitin A.I. Silver's drawing test and its standardization in Russia. Methodic handbook. P.2. – SPb.: Skifia, 2001.
- Frolov U.I. Adolescent psychology. Reader. – M.: Russian pedagogical agency, 1997.
- Khokhlaeva O.V. Adolescent psychology. – M. Academy, 2004.
- Cherednikova T.V. Psychodynamic disturbances of the intellectual development of the children and adolescents. Method "Color test". – SPb.: Speech, 2004.
- Chesnokova I.I. About sensitivity of personality's self-consciousness.// Personality's activation in the system of the public relations. – M., 1989. – p. 106-107.

Zinchenko E.V.

Using the art-therapy for correction of the anxiety of junior schoolchildren

The article attracts our attention to the problem of high anxiety of junior schoolchildren; the author underlines the importance and topicality of this question in the contemporary conditions.

The data of psycho diagnostic research of anxiety with the complex methodic instruments, including traditional questionnaires and project test, as well as new art therapeutic methods, are presented.

The results of the application of the art-therapy in work with junior schoolchildren with high anxiety are described. Using subjective schoolchildren's self-reports, expert data (teachers) and many repeated objective tests, there is a conclusion about the efficiency of the art-therapeutic approach to the work with anxiety.

Key words: anxiety, fears, post traumatic disruptions, art-therapeutic diagnostics, drawing test, group art-therapy, dynamics of the emotional state.

REFERENCES

- Alkhazishvily A.A., Imedadze N.V. Studies of the anxiety level in experimental and usual classes.// Experimental researches of problems of the primary school rebuilding. – Tbilisi, 1969.
- Berezin V.F. Psychological adaptation and anxiety./ Mental states. Reader. – SPb.: Piter, 2000. – p. 219-229.
- Vassilieva T.N. Psychological and sociological service at school. What are the junior schoolchildren afraid of? // Education. – 2001. – № 6.
- Dousavitskii A.K. Dependence of interests and anxiety in the educational activity of junior schoolchildren.// Questions of Psychology. – 1982. – № 3.

5. Zhigarkova O.P. Time of the anxious children. // We and the world. Psychological journal. – 2001. – №1.
6. Irvoud Ch., Fedorko M., Kholtsman E., Montanary L., Silver R. Diagnostics of the aggressiveness using the test «Draw a story» // International journal of the art-therapy «Curing art». – 2004. – V.7. – №3. – p. 51-64.
7. Issaev D.N. Children's emotional stress, psychosomatic and somatic and psychological disturbances. – SPb.: Speech, 2005.
8. Kazachkova V.G. Method of incomplete sentences used to study personality relations. // Questions of psychology. – 1989. – №3.
9. Kiseleva M.V. Art-therapy in work with children. – SPb.: Speech, 2006.
10. Kopitin A.I. Theory and practice of the art-therapy. – SPb.: Piter, 2002.
11. Kopitin A.I. Test "Draw a story": Educational methodic aid. – SPb.: Speech, 2003.
12. Lebedinskii V.V., Nikolskaya O.S. Emotional disturbances at the children's age and their correction. – M.: MSU, 1990.
13. Liamkina O.S., Veter T.V. Stress at school life. // Education in contemporary school. – 2003. – № 3.
14. Making healthier children – victims of the military conflicts. Work experience of the regional public organization of the victims of Chechenskii conflict. / Authors-compilers: V. Katretskii, T. Valitova, I. Koukleva and others. – Rostov-on-Don: «Taler» Ltd, 2000.
15. Orekhova O.A. Colour diagnostics of children's emotions. – SPb.: Speech, 2002.
16. Prokhozhan A.M. Children's and adolescents' anxiety: psychological nature and age dynamics. – M.: Voronezh: UNITY, 2000.
17. Khousein S.A., Kholkomb V.R. Handbook of curing psychological trauma of children and adolescents. – M.: «Compassion», 1997.

Kadiakina N.M.

Diagnostics of the motivational and dynamic particularities of the personal stability and self-regulation.

Context reality demonstrates itself in many different forms and it can't be reduced to similar structures; correspondingly, to analyze its different aspects we need different methods and method approaches. None of the methods or methodic approaches is able to seize context reality in whole, that's why its empirical research requires application of complex research strategy and different supplementary methods and approaches. Diagnostics of motivational and dynamic characteristics of self-regulation is possible through revealing context relations, appearing in man's professional activity and inherent in activity, because for understanding the goals of the activity, their real resource and context, it

is necessary to address to the studies of the process of the goal-orientation, in our case self-regulating activity.

Key words: *context sphere, content and dynamic characteristics of personality's context sphere, context forming and incentive motivation, personality stability, context self-regulation.*

REFERENCES

1. Abakoumov O.N., Tselikovskii S.B. Self-regulation in the system of professionally important qualities of the security employees. // North-Caucasus psychological Bulletin. – 2003. – № 1. – p. 181-184.
2. Asmolov A.G. Psychology of the individuality. Methodic aids of the personality development in historical and evolutionary process. – M.: Publishing house of MSU, 1986.
3. Bozhovitch L.I. Stages of personality creation in the ontogenesis. // Personality psychology: Collection of articles / Compiler A.B. Orlov. – M.: Questions of psychology, 2001. – p. 62-93.
4. Beznossov S.P. Professional personality's deformation. – SPb.: Speech, 2004. – 272 p.
5. Bratchenko S.L. Problem of the choice of the criterion of the personality's moral development and ways of its decision. // Psychological and pedagogical support of the educational process at high school in the conditions of its reorganization. – L.; M., 1988. – p. 482-491.
6. Vlassenkova E.G. particularities of context sphere of the mature personality with different levels of self-realization. / Abstract of thesis of Candidate of Psychological Sciences. – Khabarovsk, 2005. – 23 p.
7. Volkov V.V. Some results of studying professional deformation of the investigator personality // Problems of the forensic psychology. – M., 1971. – p. 11-12.
8. Derkach A.A., Kouzmina N.V. Ackmeology: ways of achieving professionalism peaks. – M., 1993.
9. Zinchenko V.P. Worlds of conscious and conscious structures. // Questions of psychology. – 1991. – № 2. – p. 15-36.
10. Zobov R.A., Kelasiev V.N. Man's self-realization. Introduction into anthropology. – SPb.: Publishing house of Saint-Petersbourg University, 2001. – 280 p.
11. Klochko V.E. Man as a psychological system. // Siberian psychological journal. – Tomsk, 1996, – Issue. 2. – p. 10-13.
12. Kokourina I.G. Methods of studying labour motivation: Teaching aid for students of psychological faculties of state universities. – M.: Publishing house of Moscow University, 1990. – 96 p.
13. Konopkin O.A., Morosanova V.I. Style particularities of activity self-regulation. // Questions of psychology. – 1989. – № 5. – p. 18-25.
14. Korostileva L.A. Personality self-realizing in the professional sphere: genesis of the difficulties. //

- Psychological problems of personality's self-realization. Issue. 5 / Edited by G.S. Nikifirova, L.A. Korostileva. – SPb.: Publishing house of Saint-Petersbourg University, 2001. – p. 3-23.
15. Koudrivtsev T.V., Shegourova V.U. Psychological analysis of professional dynamics of personality's self-determination. // Questions of psychology. – 1983. – №2. – p. 51-59.
 16. Leontiev A.N. Activity. Conscious. Personality. Second edition. – M.: Politizdat, 1977.
 17. Leontiev A.N. Needs, motives, and emotions. – M.: Publishing house of Moscow University, 1971.
 18. Leontiev D.A. Personality: man in the world and world inside the man // Questions of psychology. – 1999. – № 3.
 19. Leontiev D.A. Methods of studying value orientations. – M.: Smisl, 1992.
 20. Leontiev D.A. methods of limiting contexts (MLC): Methodic handbook. – M.: Smisl, 1999. – 36 p.
 21. Leontiev D.A. personality potential as the potential of self-regulation.// Scholar notes of the department of the general psychology of MSU. Issue 2 / Edited by B.S. Bratous, E.E. Sokolova. – M.: Smisl, 2006. – p. 85-103.
 22. Leontiev D.A. Context psychology. – M.: Smisl, 2006.
 23. Personality: internal world and self-realization. Ideas, concepts, regards // Compilers: U.N. Koulutkin, G.S. Soukhobskaya. – SPb.: Publishing house of the Institute of adults education together with the publishing house «Touskarora», 1996.
 24. Petrovskii A.V. personality in psychology from the point of view of the systematic approach. // Questions of psychology. – 1981. – № 1. – p. 57–66.
 25. Notion «goal» and «goal orientation» in psychology// psychological mechanisms of the goal orientation. / Edited by O.K. Tikhomirov. – M.: Science, 1977. – p. 5–20.

Kalachinskaya O.A.
Existential approach in the process of the rehabilitation – a necessary condition for rebuilding social health of personality

Given article is dedicated to study to life situation serviceman, residing in extreme condition. It is shown that rejection of the happened change, loss by personality of the sense to life obstruct the process to social adaptation, complicate the process of recovery. The Existential approach in process of the rehabilitations allows to arouse internal life power of the person, direct them on process of the change to its life, develop worth-semantic sphere and restore social health to personalities.

Key words: health, life situation, acceptance, altruism, concision to life, self-knowledge, development.

REFERENCES

1. Aristotle. Poetics// Composition in 4 b. – M., 1984.
2. Vasilieva O.S., Pravdina L.R. Possibilities of the development to personalities in extreme situation// North-Caucasian psychological herald. Rostov-on-Don: Publishers RGU, 2004. № 2.
3. Vygotskiy L.S. The History of the development high psychic function// Meeting of the Compositions In 6 b. Book. 3. – M., 1982.
4. Kandinskiy V.V. The Point and line on flatness. –St. Petersburg., 2004.
5. Louen A. Physical track record of the structure character. – M.: Company PANI, 1996.
6. Podoroga V.A. Phenomenology bodies. – M., 1995.
7. Frankl V. Searching for of the sense to life and psychotherapy//psychology personality/ texts. – M., 1982.
8. Fuko M. Birth of the clinic/translation with francium. A. Sh. Thostova. M., 1998.
10. Haydegger M. Question about technology// Time and being / translation V.V. Bibihina. – M., 1993.
11. Haydegger M. Being and time. – M., 1993.
12. Hell D. Landscape depression. – M., 1999.
13. Levine P. Waking the Tiger: Healing Trauma. – Berkeley: North Atlantic books, 1997.
14. Levine P. Nature's lessons in healing Trauma. Foundation for Trauma Enrichment. – Lions, 1996.

Kontorovich S.D.

Using symbolic images in political advertising

In the article there are examined the place, the role and the ways of using symbols in political advertisement. The following problems are taken up: specification of political advertisement relating to commercial; the structure of political advertisement; political advertisement as form of psychological affect and it's ability to suggest stable senses at unconsciousness layer. There also considered interpretation of the «symbol» term by different authors, described variants of political symbols classifications and it's functions in political advertisement. Also there attention is payed to the understanding of «symbol» and «archetype» terms in K.G.Jung concept and to the specification of television visual discourse.

Key words: political advertisement, political symbols, psychological affect, unconsciousness.

REFERENCES

1. Cassirer E. Favorites. Experience on Man. – M.: Gardarica, 1998.
2. Kirsanova N.P. Symbol and the symbolics in the structure of political power. Collection of articles «Problems of development of political communication in terms of democratization and globalization of society». – St. Petersburg., MIEP, 2006.

3. Kovrizhenko M.K. Creativity in advertising. The postmodern face of fashion. – Piter, 2004.
4. Stakes A.N. Political mythology: the implementation of social experience. – M.: Logos, 2003.
5. Losev A.F. Sign. Symbol. Myth. – M., 1982.
6. Mamardashvili M., Piatigorsky A. Symbol and consciousness. Metaphysical speculations about consciousness, symbolism and language. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1997.
7. Misiurov D.A. Politics and symbols. – M: EP-Holding, 1999. P. 86.
8. Misiurov D.A. Political Symbols: between ideology and advertising // Polis. 1999. № .1. P.168-174.
9. Parygin B.D. Basic socio-psychological theory . – M., 1971.
10. Political psychology: A manual for high schools. Ed. Derkach A.A, Zhukov V.I., Laptev L.G. – Moscow: Academic Project, Ekaterinburg: Business Book, 2001.
11. Potseluev S.P. Symbolical politics: a constellation of concepts for the approach to the problem / / Polis. 1999. № 5.
12. Philosophical Encyclopedic Dictionary. – Moscow: Infra-M, 2005. S. 154.
13. Frankl V. Man's Search for Meaning: Collected / Ed. Gozman L.Y. and Leontiev D.A. – Moscow: Progress, 1990.
14. Shestopal E.B. Political Psychology. – Infra-M, 2005.
15. Jung K.G. Archetype and symbol. – Renaissance, 1991.
4. Galskova N.D. Linguistic portfolio as the instrument of pupils' assessment in the field of learning a foreign language. // Foreign languages at school. 2000. №5. p. 6-11.
5. Grekova V.A. Senior school children's cognitive motivation in the competitive educational context. // Russian psychological journal. V. №
6. Iliin E.P. Motivation and motives. – SPb.: Piter, 2006.- 512p.
7. Imenitova I.P. Dynamics of motivation of adults' learning activity.// Collected works. Questions of the psychological basis of the foreign language teaching./Edited by I.A. Zhimnaya. M., 1982.p.19-28
8. Emelianova N.A. «Building the optimal motivation of the foreign language learning among students of the non-language high school». Nizhnii Novgorod, 1997 specialty 19.00.07 thesis of Candidate of Psychological Sciences. 187 p.
9. Kitaigorodskaya G.A., Shemiakina G.M. Learning motivation under the conditions of the intensive learning of the foreign languages. The psychological bases of the foreign language teaching non-native language: Anthology / Compiler. A.A. Leontiev.-M.: Publishing house of Moscow socio-psychological Institute; Voronezh: Publishing house of SPU «Modek», 2004.-448 p.
10. Koptseva U.A. Age and individual approach in teaching adults a foreign language.// Bulletin of the practical psychology of the education № 2 (15) April-June 2008 p.82-88.
11. Lokosova A.S. The role of personality in teaching business English. Improving the educational process – basis for better specialists' qualification: materials of the teachers' scientific conference dedicated to the seventieth anniversary of RSEU "RINE". RSEU-Rostov-on-Don, 2001.-p.78
12. Pliguin A., Maximenko I. Now let's play English. Personality-oriented English teaching.-SPb.: Prime-Evrozhnak, 2005.-272p.
13. Polat E.S. Pupil's portfolio // Foreign languages at school. 2002. №1. p. 22-28
14. Roudakova I.A., Boutenko L.I. The system of work of the Russian language teacher teaching Russian as a foreign language in the conditions of the immersion into sense forming multicultural environment // Russian psychological journal. V. №
15. Simonova N.M. Experimental research of the motivation structures while learning a foreign language at High School. Abstract of thesis of Candidate of Pedagogical Sciences. M.,1982.16 p.
16. Bress Paul. Humanistic Language Teaching in the 21st century. Humanising Language Teaching. Issue 6. November 2007. www.hltag.co.uk
17. Daubney Mark, Portugal .Language Anxiety: Creative or Negative Force in the Language Classroom.

Kret M.V.

Influence of the achievement motivation and desire for success upon adults' dynamics of learning a foreign language.

Motives of the adults' learning, the role of the achievement motivation and *failure avoidance, while learning a foreign language, are dealt with in this article. The ways to increase motivation and their psychological mechanisms are considered.*

Key words: *polymotives, achievement motivation, ways to increase motivation, motivation influence upon success dynamics of learning.*

REFERENCES

1. Abakoumova I.V., Kaguermazova L.Ts. Technologies of task-oriented sense translation in education. // Russian psychological journal. V. №
2. Belova L.I. Dialogue in the education as the technology of the pupils' sense-forming. // Russian psychological journal. V.4 № 3
3. Gordeeva T.O. Psychology of achievement motivation.- M.: Smisl; Publishing center «Academy», 2006. – 336 p.

- Humanising Language Teaching, Issue 5; September 200.
18. Dornyei Survey Article: Motivation in second and foreign language learning.// Language Teaching 1998, Issue 31, 117-135.
 19. Gail F. Tallefer The professional language needs of Economics graduates: Assessment and perspectives in the French context.// English for specific purposes, Volume 26, issue 2, 2007, p.135–)155.
 20. Ghaith G.M. The relationship between cooperative learning, perception of social support and academic achievements.// System Volume 30, Issue 3, September 2002. p 263-273.
 21. Harmer Jeremy The practice of English Language Teaching.- Pearson Education Limited, 2003.- 365p.
 22. Hoque E. «Teacher-student interaction: an evaluation of an EFL Classroom», 2008, <http://www.eslteacherboard.com>.
 23. Kerr Philip "Humanising – what's in a word?"// Humanizing Language Teaching. Issue 3, May 2007
 24. LittleJohn A. Motivation Where does it come from? Where does it go? // English Teaching professional № 19 April 2001 p.5-8.
 25. Mori Setsuko and Gobel Peter. Motivation and Gender in the Japanese EFL classroom. V. 34, Issue 2, June 2006, p.194–210.
 26. McDonough, S. (1986), Psychology in Foreign Language Teaching, London: Allen and Unwin.
 27. Nada Salem Abisamra Affect in Language Learning: Motivation <http://www.nadasisland.com>.
 28. Oxford R.L. "Where are we regarding language learning motivation?"// Modern Language Journal, 78, p. 512–515 (1990).
 29. Oxford R.L., Shearin J (1994) Language learning motivation: Expanding the theoretical framework. The Modern Language Journal, 78, p.12–28.
 30. Rula L. Diab . University students' beliefs about learning English and French in Lebanon.// System. Volume 34, Issue 1, March 2006, p. 80–96.
- belonging. The degree of the positivism-negativism of the representations about personal features is also conditioned by the ethnic status of the subject of representations and gender identity. The gender- ethnic factors have a selective impact upon the assessment of the certain personal features of the manager.*

Key words: manager's ethnic and gender belonging; the degree of the positivism-negativism of representations; personal features.

REFERENCES

1. Asmolov A.G. Personality psychology. – M., 2006.
2. Belik A.A. Culture and personality. – M., 2002.
3. Bendas T.V. Gender psychology. – SPb.: Piter, 2008.
4. Bery G.V., Pourtingua A.Kh., Sigal M.Kh., Dassen P.R. Cross-cultural psychology. – Kharkov: Humanitarian center, 2007.
5. Vaguisov R.G. Problems of gender equality in the contemporary Russian society.// Problems of the theory and practice of management. – 2007. – № 3. – p. 19-24.
6. Identity and tolerance. – M.: Institute of ethnology and anthropology of RAS, 2002.
7. Lebedeva N.M. Introduction into the ethnic and cross-cultural psychology. – M., 1999.
8. Leontovich O. Introduction into intercultural communication. – M.: Gnozis, 2007.
9. Maslach K., Pines E. Practical studies of social psychology. – SPb.: «Piter», 2000.
10. Matsumotto Д. Man. Culture. Psychology. – SPb., 2008.
11. Moskvichy S. Social representation: historical view. // Psychological journal. – 1995. – №1. – P. 3–15.
12. Ozhigova L.N. Gender and communication security in business: problems of trust // Materials of the international conference «Communication psychology: socio cultural analysis». – Rostov-on-Don: RSU, 2003. – p. 250-252.
13. Soldatova G.U. Psychology of interethnic tension. – M., 1998.
14. Stephanenko T.G. Ethnopsychology. – M., 2006.
15. Triandis G. Cultural and social behavior. – M., 2007.
16. Ethnic tolerance in polycultural regions. – M., 2004.
17. Markus H. R. & Kitayama S. Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychological Review. – 1991. – № 98. – P. 224–253.

Shkouratova I.P.

Appearance styling as the way of personality's self-expression

The article is dedicated to the topical and badly studied problem of the personality's self-expression

Tivodar A.R.

Influence of gender –ethnic manager's belonging upon his representations about his personal features

The article considers the problem of the influence of manager's ethnic and gender factors upon the degree of the positivism-negativism of representations about personal features, belonging to the ethnic groups of «Armenians» and «Russians». Results of the comparative analysis of the representations testify that in business system the assessment of personal particularities is influenced by such characteristics as ethnic and gender

using appearance. The article reveals the notion of the appearance, costume, gives the analysis of the social and demographic impact and man's individual particularities upon appearance styling.

Key words: personality's self-expression, appearance, habit, psycho semantics, costume, social identification, unisex mode.

REFERENCES

1. Bogouslavskii V.M. Man's appearance assessment: Dictionary. – M.: «Publishing house AST» ltd, 2004. – 254 p.
2. Bodalev A.A. Perception and understanding of each other. – M.: Publishing house of MSU, 1982. – 200 p.
3. Gofman A.B. Fashion and people. New fashion theory and fashion behavior. – M.: Agency «Publishing service», 2000. – 232 p.
4. Kiloshenko M.I. Fashion psychology: theoretical and applied approach. – SPb.: SPSUT, 2001. – 192 p.
5. Petrova E.A. Communication signs. – M.: Publishing house Dwarf and Ch., 2001. – 256 p.
6. Popov S.V. Visual observation. – SPb.: Publishing house «Speech», 2002. – 320 p.

Shkouratova I.P.

Speech as the way of personality Self-expression

The article is dedicated to the analysis of the individual and psychological particularities of the man's speech, which play the role, on one hand, of the way of средством его самовыражения, а, on the other hand, let the people who surround him to make an idea about his personality.

Key words: Self-expression, language personality, nonverbal characteristics of speech, styles of speech, gender intellect.

REFERENCES

7. Azhezh K. A speaking man: вклад of the linguistics into humanitarian sciences. – M.: Editorial URSS, 2003. – 304 p.
8. Belianin V.P. Psycholinguistics. – M.: Flinta, 2003. – 232 p.
9. Belianin V.P. Psychological history and criticism of literature. Text as the reflection of the internal worlds of the author and reader. – M.: Genesis, 2006. – 320 p.
10. Goikhman O.Ya., Nadeina T.M. Speech communication. – M.: INFRA-M, 2003. – 272 p.
11. Gorshko E.I. Language conscious: gender paradigm. // www.textology.ru/public/gorsh1.html
12. Groshev I.V. Gender differences of the intention and speech vocabulary. // Social psychology . the 21st century. V.1. – Yaroslavl, 1999. – p. 162-165.
13. Deriabo S.D, Yasvin V.A. A Grand Master of communication. – M., Smisl, 1996. – p. 160-180.
14. Karaulov U.N. Russian language personality and problems of its studying // Language and personality. – M.: Science, 1989. – p. 3-8.
15. Kluev E.V. Speech communication. – M.: PRIOR, 1998. – 234 p.
16. Kostina D.M. Language particularities of the youth slang of the USA. // Psychology of communication: socio-cultural analysis. – Rostov-on-Don: publishing house of RSU, 2003. – p. 176-180.
17. Labounskaya V.A. Personality's expressiveness: communication and interpersonal cognition. – Rostov on Don: Phoenix, 1999. – 608 p.
18. Leongard K. Accentuated personalities. – M., 1980. – 312 p.

Абакумова Ирина Олеговна

аспирантка кафедры юридической психологии и военной психологии факультета психологии ЮФУ.

Служебный адрес: 344038, г.Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина 13, к. 229

Тел.: (863) 2430611, e-mail: law@psuf.rsu.ru

Бакулин Андрей Валентинович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки ФГОУ ВПО «Ростовский юридический институт МВД России»

Служебный адрес: 344016, ул. Еременко, 83

Тел.: (863) 278-61-10, e-mail: info@ruimvd.ru

Бюндюгова Татьяна Вячеславовна

преподаватель кафедры теоретической и прикладной психологии Таганрогского института управления и экономики, аспирантка кафедры общей психологии

Служебный адрес: 347900, Ростовская обл., г.Таганрог, Комсомольский бульвар, д.31/40

Тел.: (8634) 62880, e-mail: perspective@ticci.ru

Васильева Ольга Семеновна

кандидат психол наук, профессор, зав. кафедрой психологии здоровья и физической культуры факультета психологии ЮФУ.

Служебный адрес: 344038, г.Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина 13, к.241

Тел.: (863) 2303217, e-mail: valeo@psyf.rsu.ru

Дубовер Наталья Давидовна

журналист, старший преподаватель факультета филологии и журналистики ЮФУ.

Служебный адрес: 344006 г.Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 150

Тел.: 8 (863) 2641638, e-mail: donlit16@yandex.ru

Зинченко Елена Валерьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ.

Служебный адрес: 344038, г.Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина 13, к.239.

Тел.:(863) 2303247, e-mail: el-val-zin@mail.ru

Кадякина Наталья Михайловна

менеджер по персоналу

Служебный адрес: 344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Соколова, д.62, ОАО КБ «Центр инвест»

Тел.: (863) 250-99-10, e-mail: magicalnat@mail.ru

Калачинская Ольга Андреевна

психолог 625 центр психологической помощи и реабилитации СКВО.

Служебный адрес: 344000, г. Ростов-на-Дону, ул. Тимошенко, д.18

Тел.: (863) 2303217, e-mail: kalachinska9i@gmail.com

Abakoumova Irina Olegovna

post-graduate student of the department of juridical and military psychology of the psychological faculty of SFU.

Official address: r.229, b.13 M. Naguibina str. Rostov-on-Don, 344038.

Tel.: (863) 2430611, e-mail: law@psuf.rsu.ru

Bakoulin Andrei Valentinovich

teacher of the department of tactics and special training of FSEI HPE «Rostovskii Law Institute of MIA of Russia»

Official address: b. 83 Eremenko str. Rostov-on-Don, 344016

Tel.: (863) 278-61-10, e-mail: info@ruimvd.ru

Byundyugova Tatiana Viatcheslavovna

The expert of sector on work with perspective personnel

Official address: Komsomol blvd, 31\40, Taganrog, Rostov region, 347900.

Tel.: (8634) 32-03-14, e-mail: perspective@ticci.ru

Vassilieva Olga Semenovna

Candidate of Psychological Science, professor, the head of the department of health psychology and physical education of the psychological faculty of SFU.

Official address: r.241 build.13 avenue M. Naguibina, Rostov-on-Don, 344038

Tel.: (863) 2303217, e-mail: valeo@psyf.rsu.ru

Dubover Natalya Davydovna

Journalist, Assistant professor, dpt. of Philology and Journalism, SFU

Official address: 150 Pushkin st. Rostov-on-Don 344006

tel. (863)2641338, e-mail: donlit16@yandex.ru

Zinchenko Elena Valerievna - Candidat of Psychological Science, assistant professor of the personality department of the psychological faculty of SFU.

Official address: r.239 build. 13 avenue M.Naguibina, Rostov-on-Don, 344038.

tel.:(863) 2303247, e-mail: el-val-zin@mail.ru

Kadiakina Natalia Mikhailovna

HR manager

Official address: b. 62 Sokolova street, Rostov-on-Don, Joint Stock Company Center-Invest", 344000

Tel.: (863) 250-99-10, e-mail: magicalnat@mail.ru

Kalachinskaya Olga Andreevna

psychologist of Center of psychological help and rehabilitation of SCMR

Official address: b.18 str. Timoshenko, Rostov-on-Don, 344000.

tel.: (863) 2303217, e-mail: kalachinska9i@gmail.com

Конторович Софья Дмитриевна

аспирантка кафедры социальной психологии, факультета психологии Южного Федерального Университета
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина 13, к.234
Тел.: (863) 2303237, e-mail: Sofy-Ko@yandex.ru

Короткова Елена Валерьевна - кандидат психологических наук, психолог в ГОУЗ Специализированная психиатрическая больница в г. Новочеркасске, старший преподаватель кафедры психологии здоровья и физической культуры ЮФУ.

Служебный адрес: 347430, г. Новочеркасск, ул. Орджоникидзе 22,
Тел.: (8635) 4-87-12, e-mail: alena158@mail.ru

Крет Марина Владимировна

преподаватель учебного центра «Класс»
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина д.37
Тел.: (863) 2458364, e-mail: class-plus@mail.ru

Косикова Людмила Валентиновна

педагог психолог в МОУ СОШ № 46 г. Ростова-на-Дону
Служебный адрес: 344069, г. Ростов-на-Дону, ул. Тимошенко, д. 30
Тел.: (863) 278-19-05, e-mail: kosikova_l@mail.ru

Пашкова Алла Петровна

начальник сектора по работе с перспективными кадрами Таганрогской межрайонной торгово-промышленной палаты.

Служебный адрес: 347900, Ростовская область, г. Таганрог, ул. Чехова, д.118 а
Тел.: (8634) 32-03-14, e-mail: perspective@ticci.ru

Сарычев Николай Владимирович

аспирант кафедры общей психологии факультета психологии ЮФУ
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина 13, к.217
Тел.: (863) 2430711, e-mail: maillaw@psuf.rsu.ru

Тиводар Антонина Романовна

доктор психологических наук, профессор Черноморской гуманитарной академии.
Служебный адрес: г. Сочи, ул. Орджоникидзе, д.10а
Тел.: (88622) 62-08-32, e-mail: psiholkaf@chga-sochi.ru

Шкуратова Ирина Павловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности факультета психологии ЮФУ.
Служебный адрес: 344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, к.239.
Тел.: (863) 2303247, e-mail: irshkuratova@yandex.ru

Kontorovich Sofia Dmitrievna

Postgraduate student, department of social psychology, the faculty of psychology, South Federal University.
Official address: r.234 build.13 avenue M. Naguibina, Rostov-on-Don, 344038
Tel.: (863) 2303218, e-mail: Sofy-Ko@yandex.ru

Korotkova Elena

doctor of psychology, Ph.D. Occupation: 1.the psychologist at the specialized psychiatric hospital, 2. the senior teacher at Southern federal university, faculty of psychology, branch «Psychologies of health and physical training».
Official address: r.236 build.13 avenue M. Naguibina, Rostov-on-Don, 344038
Tel.: (863) 2303237, e-mail: alena158@mail.ru

Kret Marina Vladimirovna

teacher of the educational center "Class"
Official address: 37, M. Naguibina str., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: (863) 2458364 , e-mail: class-plus@mail.ru

Kossikova Ludmila Valentinovna

teacher-psychologist of MEI secondary school № 46 of Rostov-on-Don
Official address: b.30 Timoshenko str., Rostov-on-Don, 344069.
Tel.: (863) 278-19-05, e-mail: kosikova_l@mail.ru

Pashkova Alla Petrovna

The chief of sector on work with perspective personnel
Official address: 1, Kotelnaya St, 71\54, Taganrog, Rostov region, 347900.
Tel.: (8634) 32-03-14, e-mail: perspective@ticci.ru

Sarichev Nikolai Vladimirovich

post-graduate student of the department of general psychology of the psychological faculty of SFU
Official address: r.217 b.13 M. Naguibina str., Rostov-on-Don, 344038
Tel.: (863) 2430711, e-mail: psyf@rsu.ru

Tivodar Antonina Romanovna

Doctor of Psychological Sciences, professor of Chernomorskii Humanitarian Academy.
Official address: 10 a Orgenikidze street, Sochy
Tel.: (88622) 62-08-32, e-mail: psiholkaf@chga-sochi.ru

Shkuratova Irina Pavlovna

Candidat of Psychological Science, assistant professor of the personality department of the psychological faculty of SFU.
Official address: r.239, build 13, avenue M.Naguibina, Rostov-on-Don, 344038.
tel.: (863) 2303247, e-mail: irshkuratova@yandex.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном варианте + на дискете в редакторе Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять на дискете отдельными файлами в формате TIF или PCX с распечатками и перечнем подрисовочных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются **аннотация** объемом не более 0,5 стр. и **ключевые слова**, а также **сведения об авторе**:

- 1) фамилия, имя и отчество;
- 2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
- 3) специальность, ученое звание;
- 4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
- 5) электронный адрес (email);

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ,
АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА
СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ
И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.**

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, 13, ком. 243, редакция
Зав. редакцией Щербакова Лариса Владимировна
Тел. (863) 243-15-17; E-mail: rpj@psyf.rsu.ru, rpj@bk.ru
Часы работы
понедельник – пятница 13.00-18.00
суббота, воскресенье – выходной